

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2500-2783 (online)

Серия «Естественные,
общественные науки»

2023

Выпуск 3

ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

2023. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации
27.05.2016 г. как электронное сетевое издание

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усолицева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исеев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдавский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. физ.-мат. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

2023. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered at the National ISSN Agency of the Russian Federation
on 27.05.2016 as an electronic online publication

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(Chairman)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
- K. Ya. Averbukh*, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova*, Doctor of History
- L. V. Mikheeva* (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon*, Doctor of Physics
and Mathematics
(Chief Editor of the Series)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova*, Candidate of Science
- M. V. Klyuev*, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev*, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky*, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov*, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky*, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev*, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina*, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev*, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю (Е. Л. Поцелуев)..... 7

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ
(В рамках 50-летия ИвГУ)**

Теория права

Павлов В. И. Методологические особенности советского общетеоретического правоведения в свете современной правовой теории: ушедшая формация знания и ее нереализованный потенциал	9
Тонков Е. Н. Подходы к пониманию права в ранний советский период	18
Королев С. В. Советское право как идеологема: история и современность	25
Мачин И. Ф. Марксистско-ленинская теория права как идеологический нарратив	30
Денисов С. А. Теория права в административной правовой системе	35
Скоробогатов А. В. Советская юридическая наука в аксиологическом измерении	45
Петрыкин А. Ю. Социолого-правовой анализ концепции П. И. Стучки	54
Краевский А. А. Дискуссия о понятии и природе правового отношения в советской теории права и современное российское правоведение	59
Дробышевский С. А. К дискуссии о теории и истории правотворчества	65
Оксамытный В. В. Категория «правомерность» в советской и современной отечественной теории права: схожесть и различия в понимании и границах	72
Аверин А. В. Основатель современного нормативного подхода к пониманию права профессор М. И. Байтин (1921–2008) о методологическом значении и предмете общей теории государства и права	80
Пронин П. А. Достоинства и критика либертарной теории права В. С. Нерсеянца	93
Завгородняя А. А. Объективные, субъективные и интерессубъективные подходы к пониманию природы интересов в праве	100
Соколова А. А. Общественные организации как субъекты правотворческой деятельности в советский и постсоветский периоды и проблемы модернизации законотворческой деятельности	108
Пономарева В. П. Советская теория права глазами юристов русского зарубежья	119

Теория государства

Поцелуев Е. Л. Понимание суверенитета в советской учебной литературе по теории государства и права	129
Горбунов М. Д. Проблема определения роли государства в правовой системе: к вопросу о специфике советской и современной отечественной догмы права в контексте преемственности мировой мысли	137

Государственное и конституционное право

- Коваль С. П.** Советское государственное право и конституционное право
России: преемственность и новизна 143
- Алексеева Т. А.** Государственное право Испании в трудах советских ученых 153

Уголовное право

- Жуков С. М.** Институт необходимой обороны в советской и российской
теории уголовного права: преемственность и инновации 163

Уголовно-процессуальное право

- Скотникова М. М.** Учение М. С. Строговича об истине и его развитие
в отечественной уголовно-процессуальной науке 169
- Денисов О. Д.** Отношение ученых советского и постсоветского периодов к
принципу гласности в уголовном судопроизводстве 176
- Замазкина П. А.** Взгляды советских и российских ученых на проблему
дифференциации уголовно-процессуальной формы 183
- Морокина А. И.** Эволюция взглядов отечественных ученых на уголовно-
процессуальные презумпции в советский и постсоветский периоды 189
- Информация для авторов журнала
«Вестник Ивановского государственного университета» 197*

CONTENTS

A word to the reader (E. L. Potseluev) 7

**SOVIET THEORY OF LAW AND MODERN RUSSIAN LEGAL SCIENCE:
CONTINUITY AND INNOVATIONS
(In honor of IvSU 50th anniversary)**

Theory of law

Pavlov V. I. Methodological features of Soviet general theoretical jurisprudence in the light of modern legal theory: a bygone formation of knowledge and its unrealized potential	9
Tonkov E. N. Approaches to understanding law in the early Soviet period	18
Korolev S. V. Soviet law as an ideologically biased term: history and modernity	25
Machin I. F. Marxist-Leninist theory of law as an ideological narrative	30
Denisov S. A. Theory of law in the administrative legal system	35
Skorobogatov A. V. Soviet legal science in the axiological dimension	45
Petrykin A. Yu. Sociological and legal analysis of the P. I. Stuchka's concept of law	54
Kraevsky A. A. Discussions on the concept and nature of legal relation in the Soviet theory of law and modern Russian jurisprudence	59
Drobyshevsky S. A. To the discussion on the theory and history of law-making	65
Oksamytnyi V. V. The category of «lawfulness» in the Soviet and modern domestic theory of law: similarities and differences in understanding and boundaries	72
Averin A. V. The founder of the modern normative approach to understanding law, professor M. I. Baytin (1921–2008) on the methodological significance and subject of the general theory of state and law	80
Pronin P. A. Advantages and criticism of the libertarian theory of law by V. S. Nersesyants	93
Zavgorodniaia A. A. Objective, subjective and intersubjective approaches to understanding the nature of interests in law	100
Sokolova A. A. Public organizations as subjects of law-making activity in the Soviet and post-Soviet periods and problems of modernization of legislative activity	108
Ponomareva V. P. Soviet theory of law through the eyes of Russian emigrants' lawyers	119

Theory of state

Potseluev E. L. Understanding of sovereignty in Soviet academic literature on the theory of state and law	129
Gorbunov M. D. The problem of determining the role of the state in the legal system: to the question of the specificity of the Soviet and modern domestic law dogma in the context of the succession of the world legal thought	137

State and Constitutional law

Koval S. P. Soviet State Law and Constitutional Law of Russia: continuity and novelty	143
Alexeeva T. A. Spanish State Law in the research works of Soviet scientists	153

Criminal law

Zhukov S. M. The institute of necessary defense in the Soviet and Russian theory of Criminal law: continuity and novelty.....	163
---	-----

Criminal procedure law

Skotnikova M. M. The doctrine of M. S. Strogovich about truth and its development in the domestic science of criminal procedure	169
Denisov O. D. Attitude of the Soviet and post-Soviet period scientists to the principle of publicity in criminal proceedings	176
Zamazkina P. A. Views of Soviet and Russian scientists on the problem of differentiation of criminal procedural forms	183
Morokina A. I. Evolution of views of domestic scientists on criminal procedural presumptions in the Soviet and post-Soviet periods	189

<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	197
---	-----

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые читатели!

27–30 сентября 2023 года в Ивановском государственном университете прошла XVII Международная научная конференция на тему «Советская теория права и современное российское правоведение (в рамках 50-летия ИвГУ)». Ее инициатором, председателем программного и организационного комитетов, модератором был Е. Л. Поцелуев. На ней был сделан 41 доклад: 32 преподавателями, учеными (9 докторов юридических наук, 17 кандидатов юридических наук, 1 кандидат педагогических наук, 1 кандидат философских наук и 4 кандидата исторических наук), 1 аспирантом из Донецкой Народной Республики и 8 студентами бакалавриата и магистратуры юридического факультета ИвГУ (Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Итоги XVII Международной научной конференции «Советская теория права и современное российское правоведение: преемственность и инновации (в рамках 50-летия ИвГУ)». URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_uni-versity/news/14332/ (дата обращения: 03.10.2023). См. также: На XVII Международной научной конференции по теории права и правоведению // Ивановский университет. 2023. № 4. С. 3).

Докладчиками были исследователи из 13 субъектов нашей страны (столицы регионов – Белгород, Владимир, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Иваново, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Самара, Пенза, Санкт-Петербург, Саратов), 29 вузов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, НИУ «Высшая школа экономика», Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С. П. Королева, Московская государственная юридическая академия, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Сибирский федеральный университет и др., а также Академия МВД Республики Беларусь и Белорусский государственный университет) и одного академического учреждения (Институт государства и права РАН); двух стран (Российская Федерация и Республика Беларусь). Большая часть докладчиков представила свои тексты для публикации в этом номере журнала. Здесь размещено 24 статьи известных ученых-юристов и начинающих исследователей.

Логично, учитывая тематику конференции, что первый раздел – это «Теория права», второй – «Теория государства», третий – «Государственное и конституционное право», четвертый – «Уголовное право» и пятый – «Уголовно-процессуальное право».

Самый представительный по количеству статей, да и по именам, – это первый раздел. В него вошло 15 текстов. Статьи этого раздела посвящены различным аспектам советской теории права и ее ярким представителям, а главное их идеям, взглядам, учениям: П. И. Стучке (А. Ю. Петрыкин, аспирант, Донецк), М. С. Строговичу (И. Ф. Мачин, кандидат юридических наук, доцент, Москва), М. И. Байтину (А. В. Аверин, доктор юридических наук, профессор, адвокат, Владимир), В. С. Нерсисянцу (П. А. Пронин, студент, Иваново) и другим отечественным ученым-юристам. Этот раздел открывается статьей кандидата юридических наук, доцента В. И. Павлова (Минск) с длинным названием и интересным подзаголовком – «Методологические особенности советского общетеоретического правоведения в свете современной

правовой теории: ушедшая формация знания и ее нереализованный потенциал». С учетом принципа историзма далее идет текст кандидата юридических наук, доцента, адвоката Е. Н. Тонкова (Санкт-Петербург) «Подходы к пониманию права в ранний советский период», в котором рассмотрены воззрения А. Л. Саккетти, М. А. Рейснера, Е. Б. Пашуканиса и А. Я. Вышинского. Концептуальный характер имеют статьи доктора юридических наук, профессора С. В. Королева (Москва) «Советское право как идеологема: история и современность», доктора исторических наук, доцента А. В. Скоробогатова (Казань) «Советская юридическая наука в аксиологическом измерении», доктора юридических наук, профессора О. В. Оксамытного (Москва) «Категория «правомерность» в советской и современной отечественной теории права: схожесть и различия в понимании и границах» и др. Необычная, оригинальная тематика доклада и статьи кандидата педагогических наук, доцента В. П. Пономаревой (Москва) – «Советская теория права глазами юристов русского зарубежья».

Раздел «Теория государства» представлен лишь статьями кандидата исторических наук, доцента Е. Л. Поцелуева (Иваново) и кандидата юридических наук М. Д. Горбунова (Н. Новгород).

Следующий раздел – «Государственное и конституционное право» – также два автора: С. П. Коваль (кандидат исторических наук, доцент, Иваново) и признанный специалист по истории государства и права Испании, доктор юридических наук, доцент Т. А. Алексеева (Москва).

Далее идут материалы студентов юридического факультета ИвГУ по уголовному праву (С. М. Жуков о необходимой обороне) и уголовно-процессуальному праву (М. М. Скотникова, О. Д. Денисов, П. А. Замазкина и А. И. Морокина), посвященные истине, принципу гласности, уголовно-процессуальным презумпциям и уголовно-процессуальной форме. Все эти доклады и статьи студентов были выполнены под руководством кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой уголовного права и процесса, руководителя НОЦ «Лаборатория уголовно-правовых исследований», первого проректора ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» О. В. Кузьминой.

Надеюсь, что каждый читатель найдет своего автора или даже авторов, почерпнет что-то для себя полезное и интересное, а материалы этого выпуска дадут новый импульс исследователям теоретико-правовых, историко-правовых, а, возможно, и отраслевых юридических наук.

*Е. Л. Поцелуев,
ответственный редактор выпуска, кандидат исторически наук, доцент,
и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права,
конституционного права и прав человека юридического факультета
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
руководитель НОЦ «Межвузовский научно-исследовательский
и образовательный Центр изучения немецкого права»*

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ
(В рамках 50-летия ИвГУ)**

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 321.01

В. И. Павлов

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ:
УШЕДШАЯ ФОРМАЦИЯ ЗНАНИЯ
И ЕЕ НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Аннотация. В статье рассматриваются методологические особенности советского общетеоретического правоведения с позиции тех характерных свойств, которые утратили свою актуальность в современной юридической науке, и тех из них, которые продолжают сохранять свое методологическое значение. Делается вывод, что значительная часть методологических средств советской общеправовой теории, в особенности в охранительных отраслях права, продолжает сохранять свою функциональность. Это объясняется историей трансформации континентальной юридической догматики, которую она претерпела в рамках советской правовой науки. Делается вывод о сходстве некоторых идейных установок советской правовой науки с дореволюционной, основанных на их антибуржуазной направленности. В заключении статьи формулируются те методологические особенности советской фундаментальной юриспруденции, которые представляются актуальными и на современном этапе развития юридической науки.

Ключевые слова: советская общеправовая теория, методология права, правовая идеология, юридическая догматика, юридическая техника.

V. I. Pavlov

**METHODOLOGICAL FEATURES
OF SOVIET GENERAL THEORETICAL JURISPRUDENCE
IN THE LIGHT OF MODERN LEGAL THEORY:
A BYGONE FORMATION OF KNOWLEDGE
AND ITS UNREALIZED POTENTIAL**

Abstract. The article examines the methodological features of the Soviet general theoretical jurisprudence from the perspective of those characteristic properties that have lost their relevance in modern legal science, and those of them that continue to retain their methodological significance. It is concluded that a significant part of the methodological tools of the Soviet general legal theory, especially in the protective branches of law, continues to maintain its functionality. This is explained by

© Павлов В. И., 2023

2023. Вып. 3 •

the history of the transformation of continental legal dogmatics, which it underwent within the framework of Soviet legal science. The conclusion is made about the similarity of some ideological attitudes of the Soviet legal science with the pre-revolutionary one, based on their anti-bourgeois orientation. In conclusion, the article formulates those methodological features of the Soviet fundamental jurisprudence that seem relevant at the present stage of the development of legal science.

Key words: Soviet general legal theory, methodology of law, legal ideology, legal dogmatics, legal technique.

Актуальность темы исследования. Исследование особенностей формирования советской юридической науки и ее вклада в развитие отечественной юриспруденции связано с необходимостью объективной оценки данной формации знания как для формирования государства и права XX в., так и для дальнейшего развития методологии правового познания.

Введение. Советская правовая наука несмотря на всю полярность оценок, которые формируются относительно ее содержания и вклада в мировую юриспруденцию, объективно представляет собой исторический этап развития отечественного социогуманитарного знания и ту идейную основу, на которой строилась правовая действительность практически целое столетие. Как показал опыт исторического разрыва между досоветской (дореволюционной) юриспруденцией и советской правовой наукой, новой формации юридического знания, несмотря на весь радикализм ее намерений в части отказа от достижений предшествующего этапа развития юриспруденции, полностью оторваться от накопленного опыта практически никогда не удается. Особенно заметно данная закономерность проявилась в переходе от советского, социалистического к постсоветскому правоведению: в данном случае разрыв оказался еще менее очевиден. Вместе с тем советская юридическая наука как формация знания прекратила свое существование, даже учитывая то, что некоторые исследователи сегодня пытаются транслировать стиль, мышление и методологию советского правоведения, осуществляя своего рода ее методологический ребрендинг [4; 13]. А. А. Иванов, в целом критически относясь к советской юридической науке и сравнивая ее с «идеологическим фантомом» [3], в то же время совершенно верно указывает на необходимость различать разные периоды формирования социалистической юриспруденции, в целом положительно оценивая третий, т. н. «голубой» период советской правовой доктрины (1960–1991 гг., хотя может быть выделено и большее количество этапов) [11]. Как бы ни было, современная оценка советской юриспруденции необходима для осмысления того доктринального пути, который проделала отечественная правовая традиция, уяснения современного состояния методологии правовых наук, определения направлений ее совершенствования. В настоящем исследовании выводы и обобщения, касающиеся советской юриспруденции, в основном относятся к ее центральному этапу – к периоду 1960–1980 гг., когда были разработаны ключевые положения социалистической общеправовой теории.

Основная часть. 1. Советский этап развития юридической науки не является простым односложным периодом, который может быть оценен исходя из безальтернативных, тем более крайне либеральных идеологических позиций по образцу тех, которые нередко высказывались в 90-х гг. прошлого столетия. На наш взгляд, комплексная оценка советского этапа развития отечественной юриспруденции должна вестись в связи с историей государства,

т. е. рассматриваться в контексте конкретных исторических судеб российской государственности до- и постреволюционного периодов. Нельзя не заметить, что сегодня, в отличие от 1990-х гг., общей тенденцией оценки советской юриспруденции является более осторожное отношение научного сообщества и государственно-правового мышления к целому ряду общеметодологических идей, которые ранее однозначно считались себя дискредитировавшими. Например, одной из таких идей является представление о необходимости полной деидеологизации юридического дискурса как следствие опыта, связанного с монополией коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии в советском социогуманитарном знании. Однако сегодня большинство проблем общеметодологического характера в фундаментальной юриспруденции, которые предъявляет юридическая практика и сама государственно-правовая жизнь, в конечном счете, связаны с различными концептуальными ценностно-правовыми моделями, каждая из которых, будучи встроена в ту или иную правовую концепцию, предлагает свою правовую идеологию и ценностно-правовую аксиоматику. Формы манифестации таких правовых моделей могут быть различными – от явных до имплицитных, однако за ними всегда стоит определенная идеологическая позиция.

К проблеме формирования правовой идеологии все чаще обращается и законодатель. В данной связи отметим, что в ч. 1 ст. 4 новой редакции Конституции Республики Беларусь (принята на референдуме 27 февраля 2022 г.) [5] закреплено понятие «идеологии белорусского государства», а в п. 1 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь в 2023 г. [8], указано, что Концепция определяет «идеологические императивы правовой политики». Представляется, что аналогичное значение имеют и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации в 2022 г. [9]. В акте, в частности, отмечается, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей реализуется в том числе в области науки и связана с необходимостью «противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности» в данной сфере (пп. 9 и 10). Разумеется, данные и схожие нормативные положения в современных условиях не означают, что в государстве и на уровне правовой доктрины происходит возврат к монополющей идеологизации правовой сферы наподобие того, как это имело место в 1930–1950-х гг. в советской юриспруденции. «Возврат идеологии» в юридический научный дискурс лишь указывает на важность идейно-смысловой направленности формирования представления о праве и на те акценты, которые обозначает законодатель при выработке основных направлений правовой политики, включая развитие юридической науки.

2. Объективный взгляд на юридический язык (понятийно-категориальный аппарат) и методологию современной отраслевой правовой теории, в особенности в охранительных отраслях права, подтверждает, что методологический инструментарий, разработанный советскими правоведами, во многом остается функциональным. На это в том числе указывает содержание большинства учебников по фундаментальным и отраслевым юридическим дисциплинам учреждений высшего юридического образования.

Понятийно-категориальные ряды, методология, базовые юридические конструкции, разработанные либо модифицированные в советской юриспруденции, во многом продолжают сохранять свое значение, что имеет различные последствия для современной методологии права. Констатация функциональности многих советских методологических разработок в праве подтверждается и самой постановкой проблем, очень часто обусловленных именно социалистической интеллектуальной правовой традицией. В общей теории права это, в частности, проблемы правового сознания (за исключением идей включения религиозных составляющих в процесс осмысления права), правовой культуры, правового регулирования общественных отношений, учения о реализации права, подходов к юридическим составам и др.

Чем объяснить столь сильную инерцию советского правоведения, методологические ресурсы которого продолжают быть действенными несмотря на то, что советской государственно-правовой действительности уже нет более трех десятилетий? Полагаем, что это во многом объясняется историей трансформации континентальной юридической догматики, которую она пережила в рамках советской юриспруденции.

Как известно, в процессе рецепции римского права (западный путь рецепции) к XIX столетию в западной правовой науке, которая в указанную эпоху оказалась для российской юриспруденции своего рода материнской (особенно правовая наука Германии), ключевую роль постепенно стала играть догматическая юриспруденция. Догма права рассматривалась в качестве специального логического юридического понятия-конструкции, выработанного учеными в качестве средства систематической обработки правовых положений, закрепленных законодателем в нормативных правовых актах. При этом в рамках догматики считалось, что догма предназначена не для обработки социальной практики, фактических жизненных отношений на уровне правотворческой деятельности, а для обработки, систематизации законодательства, всегда связанного с местом его юридического действия. При этом такая систематизация рассматривалась как «юридическое художество» (Р. Иеринг) – т. е. как основной метод правового регулирования, базовая методология права наряду с конкурирующими ей историческим методом и методом естественного права. Общая теория права как наука и самостоятельная учебная дисциплина оформилась именно как институционализация континентальной юридической догматики, однако русские дореволюционные правоведы в качестве методологии общей теории права выбирали не только догматический стиль мышления (юридический позитивизм), но и самые различные концепции и подходы – юснатурализм [14], юриспруденцию интересов [6], социологическую концепцию права [7], психологическую теорию права [12] и др.

После революции 1917 г. советская Россия, пережив попытку построить новое социалистическое общество без права (в период 1917–1922 гг. предпринималась попытка взять за основу социалистическое/идеологическое правосознание, поскольку право рассматривалось как явление эксплуататорского общества [2, с. 85]), постепенно стала формировать собственную правовую теорию. В рамках советской общей теории государства и права традиционная для континентальной догматики идея «юридического художества» из полноценной методологии правового познания модифицировалась в юридическую технику – технику обработки правового материала законодателем. Советская юриспруденция отрицала самостоятельное значение континен-

тальной юридической догматики по причине оценки ее в качестве формального юрицизма, присущего буржуазному обществу. Сузив значение догматики до юридической техники, советская юридическая теория сделала акцент на догматическом правовом представлении как основном способе понимания права, в рамках которого правоположение (регулируемое законом жизненное отношение) стало рассматриваться как догма и всегда фиксироваться в догме права. Концептуализировав данное положение на политико-правовой платформе марксистско-ленинского учения о праве, в советской юриспруденции во второй половине 1930-х гг. сформировался нормативизм этатистского типа [10, с. 7–25]. По этим же причинам советский позитивизм критически относился не только к различным версиям юснатурализма и социологической юриспруденции, развивавшихся в западной юридической науке, но и к нормативной теории права Г. Кельзена. Все советские правоведы ввиду запрета на методологический плюрализм были вынуждены занимать позитивистские позиции на марксистско-ленинской платформе.

В такой ситуации исследователи все чаще занимались расширением проблемного поля, касающегося понятийно-категориального аппарата правоведения, но не методологии права. Ученые разрабатывали понятийные ряды, обосновывали новые классификации, вели дискуссии о тех или иных элементах различных видов юридического процесса и т. д. Таким образом, в ситуации методологического монизма догма в советском праве, во-первых, стала консервироваться: юридические понятия, категории, конструкции стали лишаться своей подвижности и динамичности с позиции необходимого отражения в них социальной динамики. Нередко обоснование нового понятия либо подхода, расходящегося с единственно признанной на общегосударственном уровне методологией в праве, могло повлечь самые разные неблагоприятные последствия для ученого. Во-вторых, в условиях отсутствия методологических альтернатив в части использования различных правовых концепций (типов правопонимания) в советском правоведении большое значение приобрел догматический стиль правового мышления. Мысль о праве стала отождествляться: а) только с позитивным правом, и б) оформляться на языке советской юридической догматики. Это привело к чрезмерному вниманию к понятийно-категориальной строгости не только в дискуссиях о праве, но и при разработке законодательства. Нельзя не отметить выгоду такого положения для юридической практики: правоприменителю гораздо удобнее отождествлять закон с правом, а также иметь в своем распоряжении четко очерченный корпус юридических понятий и категорий практического характера (легальный понятийно-категориальный аппарат), полностью идентичный его доктринальному значению. Примером категориальной устойчивости является учение о составе правонарушения, в рамках которого и сегодня большинством правоведов объект правонарушения рассматривается с позиции охраняемых законом общественных отношений (советская доктрина функционирования правового отношения на базе производственного отношения), а не с позиции конкретного блага, на нарушение которое направлена объективная сторона противоправного деяния. Поэтому не только в советской юридической практике, но и сегодня догматическая сторона при разрешении юридически значимых ситуаций рассматривается в качестве превалирующей над ее реальным социально-правовым значением.

Таким образом, сохранение советского доктринально-правового наследия и его влияния на юридическую практику обусловлено особенностями исторического пути, которым прошло государственно-правовое строительство и формирование правовой доктрины в советский период. Объяснение сохранения функциональности многих советских подходов к правовому регулированию и соответствующего юридического мышления связано с наличием привычной опоры на устоявшиеся понятия и категории, удобные, прежде всего, с практической точки зрения. Вышеизложенное не означает, что сегодня не разрабатываются новые методологические подходы в правовом регулировании, что касается, прежде всего, отраслей частного права. Однако советское доктринальное правовое наследие сохраняет свое стабильное присутствие в правовой доктрине.

3. В качестве еще одной особенности формирования советской юриспруденции является ее ярко выраженный антибуржуазный характер. Парадоксально, но в данном отношении советская традиция правовой науки весьма опосредованно, но все же связана с отдельными интенциями русской дореволюционной философии права (прежде всего, московская школа философии права, находящаяся под влиянием идей В. С. Соловьева). В частности, это касается негативной оценки юридической концептуалистики как полноценной общеправовой методологии, выражающейся в отрыве нормы от факта и придании общерегулятивного значения самой по себе юридической форме. Например, Н. Н. Алексеев в свое время обращал внимание на то, что свойственный нормативному представлению о праве разрыв между нормой и фактом, появление феномена «гонения на факты» среди юристов было обусловлено мощным влиянием в Европе последней четверти XIX в. юридической догматики и стремлением изучать не реальные факты, саму правовую жизнь, а логическую сущность юридических норм и логическую структуру юридических институтов [1, с. 174]. На недооценку материального содержания права указывала и советский теоретик права Р. О. Халфина, отмечая, что «для буржуазного нормативизма, нашедшего наиболее законченное воплощение в «чистой теории права», все, что лежит за пределами нормы и ее толкования, не относится к правовой науке. Право рассматривается только как чистое должностное вне связи с его реализацией» [15, с. 19].

И русская дореволюционная философия права, основывающаяся на необходимости использования нравственно-религиозных оснований в правовом регулировании, и советская общеправовая теория, усматривая содержание права в ценностях социалистического общества, стремились к формированию различных правовых моделей не на основе разрыва, а на основе синтеза должного и сущего. Именно поэтому возврат к идеям дореволюционной юриспруденции в рамках религиозно-нравственной традиции (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и др.) после распада СССР не имел в идеологическом смысле прямой связи с антисоветизмом в формировании нового юридического дискурса и не означал принятия либеральной правовой идеологии в форме классического юснатурализма.

4. Советская фундаментальная юриспруденция имеет целый ряд особенностей, подчеркивающих специфику данной традиции и в гносеологическом, и в аксиологическом, и в историческом планах. В контексте задач настоящего исследования выделим те из них, которые, на наш взгляд, наиболее рельефно характеризуют ее как самостоятельную формацию юридического знания:

а) методологический монизм на основе марксистско-ленинского учения о государстве и праве;

б) как следствие методологического монизма – предельная детализация и особое внимание к разработке понятийно-категориального аппарата, углубление в вопросы догмы (техники) права и, как следствие, консервация многих юридических понятий и категорий;

в) исключение из советской юриспруденции традиционного для русского правоведения проблемного поля, связанного с философско-правовым религиозно-нравственным дискурсом. В советской общеправовой теории отсутствовало осмысление вопросов духовности, человеческой личности в связи со сферой трансцендентного, религиозной нравственностью, что всегда составляло глубинную сущность традиционного русского философско-правового мышления о праве (последние работы подобного рода были подготовлены правоведами русской эмиграции);

г) редукция личности в праве к социальности: в советской юриспруденции (в отличие, впрочем, от советской психологии личности) индивидуальное включалось в коллективное, а личность считалась полностью детерминируемой обществом;

д) наличие сложной правовой онтологии, принципиально отличающей советский юридический позитивизм от традиционного нормативного учения о праве. Как уже было отмечено выше, советская общеправовая методология в силу политико-идеологических причин и основ советского государственного строя среди всех существующих типов правопонимания объективно могла использовать только юридический позитивизм, рассматривающий право в качестве приказа суверена (государства). Однако по этим же причинам советским юристам приходилось обосновывать отличительные особенности природы социалистического права и советского позитивизма от буржуазных нормативных концепций права. Отличие заключалось в исключении рассмотрения права как независимой и объективной юридической формы (формальный юридизм) относительно социальных отношений и функционирования государства, следствием чего главным признавалось содержание социалистического права, основывающееся на отражении интересов пролетариата. Буржуазное право рассматривалось советскими правоведами как «оружие в руках господствующего класса в обществе с острыми антагонистическими противоречиями» [15, с. 17]. Иными словами, в социалистической доктрине делалась попытка обосновать собственную версию юридического позитивизма в качестве материально ориентированного учения, основывающегося на синтезе должного и сущего, выражающего реальные интересы трудящихся.

Заключение. Как уже отмечалось выше, советская правовая действительность является достоянием прошлого, однако это не означает, что советский юридический дискурс полностью утратил свое значение. Разумеется, само наличие отдельных советских юридических конструкций в современной методологии правового познания и их функциональность еще не означает их социальной эффективности, поскольку в данном случае отсутствует основа для верификации в реальной жизни. Вместе с тем имеет смысл обратить внимание на некоторые идеи советского правоведения, которые могут оказаться полезными для развития методологии правового познания. Полагаем, что к таковым можно отнести следующие:

а) акцент советского общетеоретического правоведения на категории деятельности и ориентация советской правовой онтологии на понятие практики. Советская общеправовая теория утверждала необходимость корреляции, отражения нормативного уровня правовой реальности (законодательства) правовой действительности. Данная установка советского правоведения, если из нее вычесть, во-первых, сведение практики исключительно к пониманию права как воли господствующего класса, и, во-вторых, понимание социальности при отсутствии достаточного внимания к автономии правовой личности, – на современном этапе развития методологии правового познания может оказаться продуктивной. Практическая ориентированность юридического дискурса и внимание к категории деятельности в праве, практики правового существования в контексте складывающихся в правовом порядке моделей личностно-правового поведения сегодня оказывается в центре внимания правоведов;

б) практическая ориентированность юридического дискурса, внимание к материальным основаниям правовой формы направлено и на более эффективное разрешение проблем, связанных с появлением новых поколений прав человека. Нейроправа, киберправа, новые репродуктивные права, выдвигаемые сегодня на основе развития конвергентных технологий, выступают в качестве вызовов для правовой безопасности современного человека. Попытка разрешения данных проблем только в рамках юридического концептуализма может привести не только к нарушению традиционных базовых прав и свобод человека, но и к утрате непонимания образа человека как такового. Для правовых порядков, отстаивающих свою правовую идентичность как связь права со значимыми для социума социокультурными ценностями, акцент на материальных основаниях функционирования развития правовой формы очень важен. В данном отношении постоянное обращение советского правоведения практически во всех аспектах правового воздействия к практике, к реальным жизненным отношениям оказывается хорошим методологическим ориентиром;

в) идея социальной справедливости не как формального понятия, но в контексте его связи с практикой в том числе на основе анализа экономической составляющей жизнедеятельности общества и функционирования государства. Советская установка на справедливое распределение социальных благ и собственности может служить основой для совершенствования законодательства в данной сфере, направленного, прежде всего, на недопущение социального расслоения по данному признаку и недопущение олигархизации во всех ее проявлениях.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. 256 с.
2. *Горбатов Н. А.* Об источниках (формах) права в первые годы после октябрьских событий 1917 г. // 100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству: сб. науч. тр.: [материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 нояб. 2017 г.] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Павлов [и др.]. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2019. С. 84–91.
3. *Иванов А. А.* «Советская» «юридическая» «наука»: путь к праву. Ч. 1: Определение понятия // *Zakon.ru*. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/sovetskaya_yuridicheskaya_nauka_put_k_pravuchast_pervaya_opredelenie_ponyatiya (дата обращения: 01.11.2023).

4. *Клименко А. И.* Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 58–76.
5. Конституция Республики Беларусь (с изм и доп., принятыми на республ. Референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
6. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: [Н. К. Мартынов], 1894. 354 с.
7. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. [2-е изд., доп.]. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 223 с.
8. О Концепции правовой политики Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2023.
10. *Павлов В. И.* Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Академия МВД, 2017. 262 с.
11. Переосмысление советского юридического наследия. Наш путь к праву: Междунар. науч. конф., факультет права НИУ ВШЭ, 12 окт. 2017 г. // Факультет права НИУ ВШЭ. URL: <https://pravo.hse.ru/news/210843118.html> (дата обращения: 01.11.2023).
12. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. 656 с.
13. *Сырых В. М.* Основы материалистической теории права: монография: в 4 т. М.: Юрлитинформ, 2022. Т. 1: Объективное право и формы его выражения. 2022. 564 с.; Т. 2: Технология теоретико-правовых исследований. 2023. 573 с.
14. *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 226 с.
15. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Павлов Вадим Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права, Академия МВД, г. Минск, Беларусь, vadim.i.pavlov@mail.ru

Pavlov Vadim Ivanovich – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs, Minsk, Belarus, vadim.i.pavlov@mail.ru

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВА В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Автор исследует российскую нормативность, сложившуюся в последний век, беспристрастно осмысливая философско-правовые взгляды, сформированные в ранний советский период. Становление советского права происходило при доминировании психологической теории права, актуализирующей роль личности в истории. Подчеркивается значение российского правового реализма как социологического концепта, сформировавшегося на базе теоретических воззрений и юридических практик раннего советского периода. В тексте анализируются эволюция советской парадигмы права и процессы преобразования социалистического проекта развития в государственно-монополистический вариант капитализма. Обосновывается тезис о том, что особенности правопорядка последней трети века детерминированы тенденциями, заложенными в раннем советском периоде. Автор придает значение множественности нормативных систем, на базе которых конструируется правопорядок, и смыслообразующей функции акторов силы – правоприменителей, занимающих ключевые места в социально значимых институтах общества. Структура публичной власти включает не только три общеизвестные ветви (законодательную, судебную, исполнительную), но и партийную, и религиозную, что подтверждается нормативно-правовыми актами и общественной практикой. Исследования конвергенции ветвей власти, выявление ее доминирующей ветви имеют как теоретическое, так и прикладное значение.

Ключевые слова: правопонимание, психологическая теория права, акторы силы, толкование права, советское право, российский правовой реализм.

Е. Н. Tonkov

APPROACHES TO UNDERSTANDING LAW IN THE EARLY SOVIET PERIOD

Abstract. The author explores Russian normativity that has developed in the last century, impartially comprehending the philosophical and legal views formed in the early Soviet period. The formation of Soviet law took place under the dominance of the psychological theory of law, which actualized the role of the individual in history. The importance of Russian legal realism as a sociological concept formed on the basis of theoretical views and legal practices of the early Soviet period is emphasized. The text analyzes the evolution of the Soviet legal paradigm and the processes of transformation of the socialist development project into a state-monopoly version of capitalism. The thesis is substantiated that the features of the legal order of the last third of the century are determined by the trends laid down in the early Soviet period. The author attaches importance to the plurality of normative systems on the basis of which the legal order is constructed, and to the meaning-forming function of actors of power – law enforcers who occupy key positions in socially significant institutions of society. The structure of public power includes not only the three well-known branches (legislative, judicial, executive), but also political party and religious, which is confirmed by legal acts and public practice. Research on

the convergence of branches of government and identification of its dominant branch have both theoretical and applied significance.

Key words: legal understanding, psychological theory of law, actors of power, interpretation of law, Soviet law, Russian legal realism.

Подходы к пониманию права, сложившиеся в современном российском правоведении, требуют прагматического осмысления философско-правовых взглядов ученых и практиков раннего советского периода. Октябрьская революция 1917 г. привнесла в список актуальных феноменов революционную целесообразность, пролетарское правосознание, красный террор и другие новации, ставшие частью правовой действительности. В короткий период была создана и реализована социалистическая теория государства и права как вклад в эволюцию мировой цивилизации. Укреплявшаяся в определенных соотношениях сначала революционно-анархическая, затем – репрессивная иерархия ветвей публичной власти стала элементом советской теории разделения властей. Ленинская идея постепенного отмирания государства и права не подтвердилась в ходе вековой общественной практики, но оказала существенное воздействие на ограничение судебных прерогатив и на модели толкования права [14, с. 261].

Декретом о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики признал отмененными все законы, противоречащие декретам Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-Крестьянского правительства [2, с. 124–126].

В ходе советского государственного строительства была добавлена еще одна ветвь власти, – партийная (ст. 6 Конституции РСФСР 1978 г.) [4, ст. 407].

Отечественная теоретическая наука о государстве и праве основана на идеях, принципах и нормах, сформированных за десятилетия строительства социализма, претерпевших лишь незначительные изменения в постсоветский период. Сегодня в сфере исторических и правовых наук проявляются тенденции возврата к советскому прошлому, где можно было прокламировать единственно верное официальное толкование событий, имеющих историческое и юридическое значение.

Существует общеизвестная инерционность теоретического мышления, в силу которого развитие научного знания подвержено препятствиям онтологического свойства: «в научном познании действует принцип максимального наследования» [6, с. 312–313]. В этом смысле мы наблюдали избыточное количество ссылок советских исследователей на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева и др.

Изменение структуры научного мышления происходит лишь тогда, когда обнаруживается невозможность объяснить новые условия жизнедеятельности средствами старой парадигмы, «к введению нового нас вынуждает предмет, что сами явления, сама природа, а не какие-либо человеческие авторитеты заставляют нас изменить структуру мышления» [1, с. 198]. Большинство историков и теоретиков права со сложившимся типом правопонимания, потратившие десятилетия на обоснование советского способа управления правопорядком, весьма быстро изменили мнения о механизме реализации права. После стремительной трансформации социализма в государственно-

монополистический капитализм теоретическая база, на которой строилась советская правовая наука, оказалась способной к адаптации [15, с. 265–267].

Идеи многих исследователей заслуживают внимания; одним из заметных ученых раннего советского периода был Александр Ливериевич Саккетти (1881–1966). В 1908 г. он закончил Санкт-Петербургский университет с дипломом 1-й степени, прошел стажировку в Германии [8, с. 232]. С 1914 г. по 1918 г. являлся приват-доцентом по кафедре общей теории и энциклопедии права Петроградского университета, в 1918 г. стал профессором кафедры государственного права Петроградского университета [9]. После закрытия юридических факультетов в России, с осени 1918 г. Саккетти – профессор по кафедре социологии и философии права гуманитарного факультета Государственного рабоче-крестьянского университета в Костроме. В 1921–1922 гг. он был экстраординарным профессором на кафедре международного права социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института, где наряду с другими учеными-выпускниками императорского Санкт-Петербургского университета закладывал традиции юридического образования в г. Иваново [7, с. 24].

А. Л. Саккетти является автором ряда научных статей и курса общедоступных лекций по теории права и государства, среди которых следует отметить статьи «Государство и народность», 1915 г. [10, с. 5–16], «Право и наука права», 1916 г. [11, с. 5–37], «Социализм и анархизм», 1917 г. [12, с. 7–8], а также курс лекций «Основные понятия о праве и государстве», прочитанный в 1917 г. В советское время область его научных интересов сместилась от неокантианства к переводам источников права периода Французской революции XVIII в. и комментариям к ним. Наибольшую известность ученому принесли переводы трактатов Г. Гроция и работы о философском наследии И. С. Пересветова [8, с. 239].

В статье «Государство и народность» А. Л. Саккетти рассматривает вопрос о надлежащем соотношении указанных в названии статьи понятий, указывая, что «действительность часто опрокидывает самые мудрые и осторожные расчеты», а «государство как воплощение нормативности права, как всеединство есть, следовательно, носитель универсализма в противоположность народности, которая как нечто иррациональное есть носитель партикуляризма, обособления, исключительности» [8, с. 234–235].

В статье «Право и наука права» А. Л. Саккетти проанализировал существующие подходы к понятиям «право» и «государство», отметив, что право «есть необходимое условие, необходимый минимум общественного расчленения, социальной дифференциации», и вместе со своими элементами право имеет значение «необходимого условия общественной жизни людей» и государство, по его мнению, есть «наиболее яркое воплощение и осуществление права» [8, с. 233–234].

В статье «Социализм и анархизм» А. Л. Саккетти изучает феномены свободы, равенства и братства, которые образуют, по его мнению, трехчленную формулу «полной и совершенно исчерпывающей программы творческой эволюции человечества, его прогрессивного развития» [12, с. 7]. В этом смысле рассуждения Саккетти, например, о свободе представляются типично реалистическими (свободе субъекта права и его «индивидуальной нормативной системы» в терминах российского правового реализма):

«Что такое свобода? Свобода есть подчинение закону, закономерность воли и поведения... И непрерывно, наперекор этим настойчивым утверждениям, бунтующий голос сознания взывает: свобода – это мое я, мое человеческое сознание, черпающее свою жизнь и силу из собственных глубин и творчески преодолевающее всякие наперед положенные грани. Трудно представить себе более глубокую противоположность, нежели противоположность этих двух утверждений! И тем не менее необходимо иметь дерзостное мужество признать, что по существу между этими двумя утверждениями нет непримиримого противоречия. В самом деле, где источник той закономерности, подчинение которой есть свобода? (...) Обращаясь к самому себе, человек находит в себе бесконечность, причем оказывается, что эта бесконечность есть источник творческого созидания, сам человек одновременно законодатель и подданный, подчиняется законам, которые сам признал обязательными. Никто не может принудить его думать иначе, нежели он думает, и подчиниться тому, чего не находит возможным признавать. “Я полагаю так, другие могут полагать иначе” – вот последнее основание человеческой свободы. Неисчерываемая бесконечность сознания, бесконечность его творческой силы есть вместе с тем его последнее глубочайшее основание и его неотъемлемая свобода. Свободен тот, кто ощутил в себе самом животворящий источник, безграничность творческого порыва» [12, с. 7].

В заключении статьи А. Л. Саккетти делает вывод, что «если внести момент свободы в идеал социализма и начало организации в идеал анархизма, тогда тот и другой объединяются в идее живой *свободной организации*... Не следует только забывать, что свободная организация не есть что-то готовое и данное, но бесконечное задание; путь же к его разрешению лежит через непрерывное, постепенное развитие, через творческую эволюцию общественной жизни» [12, с. 8].

В целом взгляды Саккетти до 1922 г. опирались на прочную научную традицию, не ограничиваемую жесткими идеологическими рамками. По своему подходу к природе права и государства А. Л. Саккетти приближается к социологическому направлению юриспруденции в России (к которому принадлежал и его учитель М. М. Ковалевский) [8, с. 236].

В современной российской и зарубежной науке исследуется влияние психологической теории Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) на ранние советские теории права в дискурсе критических правовых исследований. Один из учеников Петражицкого, Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928), пытался использовать психологическую теорию для разрушения пред установленного права и чуждых ему ценностей. В этом смысле противопоставление интуитивного и позитивного права стало для М. Рейснера формулой революционного идеала: интуитивное право было интерпретировано им не как моральный императив, а как новая имплицитная правовая идеология, способная сокрушить существующую правовую систему и установить «новый порядок».

Психологическая теория права проявила себя как новый концептуальный инструмент возрождения исторического чувства справедливости, возвращающий массам присущую их коллективным интуитивным чувствам идею о социальной справедливости. Концепция Л. И. Петражицкого, в том числе

относительно источников права и принципов судебного процесса, играла важную роль в ранних большевистских теориях и институциональных экспериментах. Некоторые ученые (в частности, М. А. Рейснер и П. И. Стучка) открыто признавали факт принятия ими психологической теории права [18, р. 51].

В раннем советском праве активно формируются тенденции российского правового реализма, исследователями отмечается значимость идей психологической теории для перехода от старого позитивного права к новому, основанному на интуитивных правовых стремлениях. В этом паттерне советская правовая доктрина утверждает три последовательных идеологических конструкции: «революционное правосознание», «революционная законность» и «социалистическая законность». Манипулируя изменяющимся содержанием указанных конструктов, – акторы силы закрепляют удобный им баланс между позитивными нормами и психологической направленностью своих субъективных целей. Концепция, в частности М. А. Рейснера, эффективно легитимировала новую классовую теорию, но не смогла преодолеть внутреннюю коллизию между правом и целевым, политически мотивированным процессом принятия решений. А. Я. Вышинский дополнил обоснование «вертикали власти» единством социалистического правосознания, законности и политической власти [18, р. 53–54]. По мнению А. Н. Медушевского, «общая неспособность советских теорий на базе реализма совместить правовые феномены с реальностью диктатуры привели к провалу данной попытки и установлению новой формы советского правового нормативизма» [18, р. 59].

Интуитивное право вождей и их сподвижников становилось основным источником права, формирующим правопорядок вопреки естественно-правовым представлениям о справедливости, позитивным нормам и устоявшимся социальным практикам российского общества. Исторические особенности нормативных систем, существовавших в период 1917–1991 гг., остаются частью российской культуральной парадигмы, несмотря на стремление некоторых современных историков и правоведов забыть про доминирующие в ранний советский период авторитарные концепции и про пассионарных акторов силы, создающих юридические доктрины, навязывающих свой стиль правового мышления подчиненному населению, обосновывающих свою революционную практику в теоретических трудах [14, с. 219–220].

В период становления доктрины российского правового реализма была подтверждена эффективность идеи о том, что право есть не только инструмент борьбы пролетариата с буржуазией, но и универсальное средство управления населением. Степень авторитарности правовой системы носит оценочный характер и зависит прежде всего от типа правопонимания исследователя. Следует обратить внимание и на то, что страта современных управляющих, имеющих реальное влияние на правопорядок, состоит преимущественно из действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, при этом силовые ведомства формируют не только уголовно-правовую политику, но и правовую доктрину государства в целом.

Идея диктатуры была закреплена в ст. 2 Конституции СССР 1936 г. [5, ст. 2]. В подготовке текста этой Конституции активную роль принимал профессор Евгений Брониславович Пашуканис (1891–1937) и возглавляемое им крупнейшее для юридической науки того времени академическое учреждение страны – Институт государственного права Академии наук СССР. В 1937 г. директором Института стал Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954).

А. Я. Вышинский расширительно толковал принципы уголовного судопроизводства, выступая за правовую неопределенность, против четкой и законодательной регламентации следственной и оперативно-розыскной деятельности. По его мнению, в деятельности следователей и работников милиции в борьбе с преступностью не должны существовать препятствия в виде положений закона. Нарушения правил производства допросов стало нормой, позволяющей добиться от обвиняемого собственноручных признательных показаний, достаточных для вынесения обвинительного приговора [3, с. 26]. Согласно одному из писем ЦК ВКП(б) (10 января 1939 г.), адресованному руководителям на местах, «метод физического воздействия должен применяться и впредь в виде исключения в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод» [13, с. 320].

Идеи российского правового реализма имеют для отечественной науки и практики особое значение, способствуют непредвзятому осмыслению раннего советского правопорядка [16, с. 267–292; 17, с. 27–45].

Советское право определялось как государственное. Именно эта особенность детерминировала главенствующее положение политических органов на всех исполнительных, нормотворческих и судебных уровнях. Тотальный контроль общественной жизни обуславливался слиянием публично-правового и политического аппаратов управления, централизмом и единством управленческой системы публичной власти. Конвергенция ее ветвей, заложенная в сущности Советов народных депутатов как институтов публичной власти, при дальнейшей эволюции формы и содержания продолжила оказывать воздействие на постсоветский правопорядок.

Библиографический список

1. *Гейзенберг В. К.* Изменение структуры мышления в развитии науки // Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 190–200.
2. Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1. 625 с.
3. *Касаткина С. А.* Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. 224 с.
4. Конституция РСФСР от 12.04.1978 г. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР от 1978 г. № 15. Ст. 407.
5. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, № 283. 6 дек. 1936.
6. *Мамчур Е. А.* Принцип «максимального наследования» и развитие научного знания // Философия науки в историческом контексте: сб. ст. в честь 85-летия Н. Ф. Овчинникова / отв. ред. А. А. Печенкин. СПб: РХГИ; ИД СПбГУ, 2003. С. 312–334.
7. *Поцелуев Е. Л., Кузьмина О. В.* Юридический факультет Ивановского университета (1974–2014): прошлое, настоящее и будущее // Lex Russica. 2015. № 1 (Т. 98). С. 7–27.
8. *Савенко Г. В.* Александр Ливериевич Саккетти [с указанием библиографии] // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 232–241.
9. *Саккетти Александр Ливериевич.* Биографика. СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/98-sakketti-aleksandr-liveriyevich.html> (дата обращения: 01.11.2023).

10. *Саккетти А. Л.* Государство и народность // Юридический вестник. 1915. Кн. XII (IV). С. 5–16.
11. *Саккетти А. Л.* Право и наука права // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. № 16 (4). С. 5–37.
12. *Саккетти А. Л.* Социализм и анархизм // М.: Народопрество. 1917. № 6. С. 7–8.
13. *Стецовский Ю. И.* Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. 720 с.
14. *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. (Рах Britannica).
15. *Тонков Е. Н.* Эвристические функции постклассической концепции толкования права // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с. (Толкование источников права).
16. *Тонков Е. Н.* Социалистический правовой реализм и особенности его трансформации в напряженные периоды истории // Право, религия и социальные трансформации XX–XXI вв.: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иваново / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 267–292.
17. *Тонков Е. Н.* Историческая перспектива российского правового реализма // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 27–45.
18. *Medushevsky A. N.* Law and Social Constructivism: The Russian School of the Legal Realism Reexamined // Russian Legal Realism / ed. by B. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. Law and Philosophy Library. V. 125. Cham: Springer, 2018. 187 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Тонков Евгений Никандрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, адвокат, г. Санкт-Петербург, Россия, e.tonkov@mail.ru

Tonkov Evgenii Nikandrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Jurisprudence Department of North-West Institute of Management – Branch of the Presidential RANEPА, Barrister, Saint-Petersburg, Russia, e.tonkov@mail.ru

УДК 32.019.51; 321.01; 321.74; 34.01

С. В. Королев

СОВЕТСКОЕ ПРАВО КАК ИДЕОЛОГЕМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Понятие «советское право» полисеманлично, диффузно и поэтому не может рассматриваться в качестве четкого научного термина. Автор статьи увязывает специфику этого понятия с его идеологической заряженностью. Автор также задает себе вопрос, может ли идеологически заряженное слово вообще фигурировать в качестве термина в научном дискурсе. Исторически сложилось так, что революция 1905 года в царской России стала своеобразной прелюдией т. н. Великой октябрьской революции 1917 г. Большевики, т. е. радикальное крыло Российской Социал-демократической партии, ухватились за идею Советов рабочих депутатов как свою визитную карточку, которая впервые стихийно реализовала себя в ходе первой российской революции 1905 г. Для большевиков Советская система рабочих депутатов стали российской версией Парижской коммуны 1871 г., возникшей как реакция населения Парижа на коллаборационистскую политику французской буржуазией с немецкими оккупантами Франции. Вместе, несмотря на тесную связь термина «советское право» с коммунистической идеологией, нет логических препятствий проанализировать «советское право» в духе теории «чистого права» Ганса Кельзена.

Ключевые слова: советское право, советское государство, идеология, пролетарская идеология, «чистая теория» права.

S. V. Korolev

SOVIET LAW AS AN IDEOLOGICALLY BIASED TERM: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The notion of the Soviet law is a poly-semantic and diffused word, that's why it cannot be regarded as a precise scientific term. The reason for this is a concomitant ideological bias of the said notion. The author questions whether an ideologically biased word can function as a term in a scientific discourse, in the first place. Historically it is hardly to be denied that the Russian revolution of 1905 came to be a specific prelude of the so called Great October revolution of 1917. The Bolsheviks, i.e. the radical wing of the Russian social-democratic party tried to appropriate the idea of the Soviets of workers' deputies as their own visiting card, which was successfully realized during the First Russian revolution of 1905. The bolsheviks regarded the revolutionary Soviet system of workers' deputies as a Russian version of the Paris commune of 1871, which came to life as a reaction of the Paris population against the collaborationist behavior of the French bourgeoisie vis-à-vis the German occupants. Nonetheless and despite close ties of the said notion with the Communist ideology, there are no logical barriers, blocking the analysis of the "Soviet law" in the light of Kelsenian "pure law" theory.

Key words: the Soviet law, the Soviet state, ideology, the proletarian ideology, the "pure law" theory.

Термин «советское право» является идеологемой, как минимум, в двойном смысле – по Мангейму и по Ленину. Во-первых, в духе Карла Мангейма «идеология» представляет собой *негативное* понятие. Соответственно, любая «идеологема» по Мангейму представляет собой *ангажированное* искажение носителем идеологемы реальной действительности в своих интересах [5]. Во-вторых, идеологеме можно понимать в духе *пролетарской* идеологии, которая – для коммунистов – носит заранее *позитивный* характер. Ведь по Марксу и, особенно, по Ленину пролетарская идеология является идеологией освобождения всего человечества, включая буржуазию, от всякой эксплуатации и социальной фрагментарности [1].

Теперь кратко рассмотрим термин «советское право» в контексте взглядов К. Мангейма и В. И. Ленина. Как отмечает Мангейм, в принципе «имеются два четких и разделимых значения термина «идеология» – *партикулярное* и *тотальное*. Партикулярное значение имеет место (*is implied*), когда мы скептически относимся к идеям и представлениям нашего оппонента. Они рассматриваются (нами. – *С. К.*) как более или менее сознательная маскировка оппонентом реальной подоплеки ситуации, истинное опознание (*the true recognition*) которой не отвечает его интересам» [5, р. 49]. Как видим, по Мангейму партикулярное значение идеологии имеет много общего с софистикой в её предосудительном (платоновском и аристотелевском) смысле. Проще говоря, партикулярный «идеолог» – это человек лукавый в быту и демагог в общественной жизни.

Но как мы видели, по Мангейму есть также и *тотальное* значение идеологии. «Здесь мы имеем в виду эпоху или конкретную историко-социальную группу, например, класс, когда нас интересуют характеристики и состав общей ментальной структуры этой эпохи или этого класса» [5, р. 49–50]. Общим моментом для партикулярного и тотального значения идеологии является СУБЪЕКТНОСТЬ. При этом неважно, идёт ли речь об *индивидуальном* оппоненте или же о *коллективном* представителе конкретной эпохи (эпоха рабовладельцев, эпоха феодалов, эпоха капиталистов и т. п.), а также о социальном *классе* как совокупном вместилище классовых интересов. В любом случае, какие бы идеи партикулярный или тотальный СУБЪЕКТ ни выражал, они согласно Мангейму воспринимаются внешним наблюдателем как «экзистенциальная функция» соответствующего субъекта, которая в принципе сводится к вопросу о жизни и смерти данной эпохи или данного класса.

В каждом из двух смыслов термина «идеология», мнения, утверждения, мировоззренческие позиции и т. н. моральные принципы носителя идеологии интерпретируются внешними наблюдателями и, особенно, оппонентами в свете жизненной ситуации, в которой пребывает данный носитель идеологии. Более того, внешний наблюдатель или оппонент должен отдавать себе отчет в том, что специфика жизненной ситуации того или иного «идеолога» влияет на его мнения, оценки и аргументацию [5, р. 50].

Итак, по Мангейму получается, что внешний наблюдатель неизбежно испытывает трудности, пытаясь установить степень достоверности идеологем своего оппонента в континууме между полюсом неприкрытой лжи и полюсом утонченной деформации «вторичных» деталей того или иного факта. А надо ли при таком раскладе вообще «отделять овец от козлищ», особенно, искать «ядро» доброй воли оппонента среди вороха лукавых идеологем, особенно, когда речь идёт о политическом противнике?

В. И. Ленин разрубил этот «Гордиев узел» вполне по-македонски. Он сделал гениальный и простой вывод: есть только две идеологии –

социально-политически «ложная» и социально-политически «истинная». «Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит только так: буржуазная или социологическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество; да вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никакой внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление пролетарской идеологии, всякое отстранение от неё означает, тем самым, усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, идет именно по программе «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschaftlerei*, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии» [1, с. 39–40].

В контексте заявленной темы приведенная ленинская цитата открыто признаёт, что «пролетарская идеология», по крайней мере, по СУБЪЕКТУ не является пролетарской. Она является элитарной и в принципе представляет собой разновидность цезаризма, т. е. амальгаму авторитаризма и патернализма. По Ленину – и надо отдать должное его циничной искренности – пролетариат есть лишь безмолвный ОБЪЕКТ идеологического доминирования и индоктринации либо со стороны буржуазной, либо со стороны антибуржуазной интеллектуальной элиты. Вопрос только в том, какая элита какую в итоге одолеет в борьбе за контроль над мировоззрением пролетариата. В контексте *тотальной* идеологии по Мангейму термин «советское право» является также и *методологической* проблемой. Вне методологического контекста, т. е. «чисто историографически», этот термин ассоциируется с историей большевизма после большевистского переворота в 1917 г., например, у Ганса Кельзена [3]. Тем не менее, Ленин на т. н. заре советской власти признавал, что Советы как социальная институция есть результат творчества народных масс. Другими словами, РСДРП не имеет к учреждению этой институции прямого отношения.

Таки образом, даже с исторической точки зрения возникает вопрос: «Откуда в принципе произрастает идея Советов? Первое что приходит на ум, это стародавняя институция крестьянской общины, но если мы проанализируем официальное название, а именно термин «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», то сразу виды «уши» большевистских редакторов. Крестьяне упомянуты в последнюю очередь, не только после рабочих, но даже и после солдат. Однако, в социальной стратификации классического марксизма «солдаты» вообще не фигурируют как социальная категория, соразмерная с рабочими и крестьянами. Возникает подозрение, что большевики стремились вообще «вывести за скобки» крестьянский след в истории создания советской модели публичной власти.

Данное обстоятельство провоцирует юристов посмотреть на природу советской власти, так сказать, глазами Ганса Кельзена, а именно, в контексте *чистой* теории права. Итак, советская власть в чистом виде – это, прежде всего, власть неотягощенная диктатом партийно-государственной номенклатуры в духе Ленина и, особенно, Сталина. Здесь приходит на ум один из

главных постулатов евразийства: «Советы без коммунистов!» Но тут же возникает вопрос: «Является ли отрицание как таковое признаком «аналитической чистоты» в духе того же Ганса Кельзена [4]? На первый взгляд, указанный евразийский тезис вполне отвечает критериям «чистоты», т. е. незаинтересованности аналитика. Иначе говоря, евразийцы хотели бы «очистить» советскую власть от коммунистического диктата.

Но что именно следует понимать под «советской властью»? Во-первых, её можно понимать как ИДЕЮ «истинно новой власти», незамутненной буржуазным (= корыстным) политико-правовым наследием. Во-вторых, «советскую власть» можно понимать как реально действующую СОЦИАЛЬНУЮ ИНСТИТУЦИЮ, которая возникла стихийно, так сказать, *объективно* без всякого участия «пролетарской» идеологии. Наконец, «советскую власть» можно понимать как ФОРМАЛЬНУЮ СИСТЕМУ, регламентирующую принципы, статусы и процедуры т. н. советского правопорядка. В последнем случае, нам подошла бы нормативистская техника интерпретации в духе Ганса Кельзена. Тогда, мы должны признать тождество «советской власти, советского правопорядка и советского государства». При таком подходе советская (формальная) система власти – это функция или техника осуществления властеотношений как таковых, т. е. без «идеологических примесей». Однако, с другой стороны, эта функция по-кельзеновски должна быть первичной, а конкретное содержание властеотношений вторичным.

Здесь-то как раз и возникает серьезное затруднение с нормативистским подходом к проблематике «советской власти и советского права», которая традиционно ассоциируется с проблематикой марксизма-ленинизма. Сам Кельзен отмечает, что анти – нормативный подход к социальным явлениям представляет собой существенный элемент марксистской теории вообще и марксистской теории права, в частности. Соответственно, вопрос о том, является ли право системой норм или же агрегатом социальных отношений, играет решающую роль в юридической теории, которая в Советском Союзе развивалась на основе ортодоксального марксизма [3, р. VII].

В контексте же ортодоксального марксизма мы не можем рассматривать проблему советской власти и советского права вне теории базиса и надстройки. Соответственно, советское право оказывается элементом политико-правовой надстройки общества. В этой связи уместно процитировать взгляды Антонио Грамши по поводу новаторского государства, освобожденного от буржуазного наследия и всяких «остатков трансцендентализма и морализаторского фанатизма» [2, р. 246].

В частности, государство по Грамши следует воспринимать как «воспитателя», а именно в той степени, в какой оно имеет тенденцию именно к созданию цивилизации нового типа или нового уровня. Далее, из того обстоятельства, что государство по существу воздействует на хозяйственные силы общества, реорганизуя и развивая аппарат экономического производства и создавая новую структуру (базиса. – *С. К.*), не следует делать вывод, что надстроечные факторы должны быть оставлены на произвол, действуя спонтанно и sporadически. И в этой (надстроечной. – *С. К.*) сфере государство является инструментом рационализации, ускорения и тэйлоризации [2, р. 247]. На мой взгляд, В. И. Ленин подписался бы под каждым словом этой цитаты Антонио Грамши. Но если это так, то с мнением Ганса Кельзена об «антинормативной природе» советского права (*в качестве* правопорядка СССР) трудно согласиться. Более того, и Грамши, и Ленина вполне можно считать латентными «кельзенианцами». Во-первых, в приведенной цитате мы

видим фактическое отождествление понятий «право» и «государство». Во-вторых, нет препятствий рассматривать это отождествление в духе Кельзена, поскольку для Грамши (и для Ленина) гибридное «государство-право» новой цивилизации есть, прежде всего, «инструмент рационализации, ускорения и тэйлоризации». Другими словами, речь идёт об алгоритмах, которые по определению должны осуществляться по соответствующим регламентам, т. е. на основе норм *процедурного* характера.

Судьба же «чистого» советского права (вне связи с какой-либо идеологией) была предопределена сталинской политикой ускоренной индустриализации посредством насильственной коллективизации. Именно эта политика, на мой взгляд, лишила ИДЕЮ «советского права» его смыслового ядра, а именно «союза рабочих и крестьян». Первый класс в ходе сталинских реформ был взят под полный контроль со стороны коммунистической бюрократии, а второй по сути был уничтожен, поскольку сталинские «колхозники» и по духу, и по стилю существования достаточно быстро были отчуждены от крестьянского мировоззрения и образа жизни.

Итоги: «советское право» как самостоятельная СОЦИАЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИЯ так и не реализовалась, но это не означает, что у советского права и советского государства не было никакого шанса. Евразийский лозунг: «За Советы без коммунистов!», на мой взгляд, сформулирован слишком абстрактно, чтобы можно было делать однозначные выводы о его приемлемости или ущербности. В любом случае, каждый юрист, включая автора этих строк, обычно придерживается сдержанного подхода и поиска компромиссов. Отсюда, при возникновении благоприятной социально-политической конъюнктуры у идеи «советского правопорядка» по-прежнему остается возможность быть востребованной у себя на родине.

Библиографический список

1. Ленин В. И. Что делать? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Гос. изд. полит. лит., 1963. Т. 6. 644 с.
2. Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks [1971]. Edited and translated by Q. Hoare and G. N. Smith. N. Y.: International Publishers, 1992. 577 p.
3. Kelsen H. The Communist Theory of Law. N. Y.: Frederick Praeger. 1955. 203 p.
4. Kelsen H. Reine Rechtslehre. 2. Aufl. (1960) Wien: Österreichische Staatsdruckerei. Nachdruck. 1992. 404 S.
5. Mannheim K. Ideology and Utopia [1936]. Translated from German by Louis Wirth and Edward Shils. London: Routledge and Kegan Paul, 1948. 351 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Королев Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор ГУЗ, почетный работник сферы образования РФ, член редколлегии журнала «Rechtstheorie» (Мюнстер, Берлин).

Sergey Korolev – PhD (Law), Full Professor at the State University of Land Use Planning (Moscow), a honorary employee of the Russian educational system, member of the editorial board of the journal «Rechtstheorie» (Muenster, Berlin).

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить влияние идеологием марксизма-ленинизма на правосознание советских правоведов.

Обращение к нарративу советского правоведа М. С. Строговича (1894–1984) позволяет уяснить не только его понимание советской социалистической законности, но и доказать, что марксистско-ленинская общая теория права представляла собой один из показательных и ярких примеров следования теории права в кильваторе идеологии марксизма-ленинизма.

Ключевые слова: марксистско-ленинская теория права, советское государство, советское право, советская социалистическая законность, юридический нигилизм.

I. F. Machin

MARXIST-LENINIST THEORY OF LAW AS AN IDEOLOGICAL NARRATIVE

Abstract. The article attempts to trace the influence of the ideology of Marxism-Leninism on the legal consciousness of Soviet jurists.

The appeal to the narrative of the soviet jurist M. S. Strogovich (1894–1984) makes it possible to clarify not only his understanding of Soviet socialist legality, but also to prove that the Marxist-Leninist general theory of law was one of the illustrative and vivid examples of following the theory of law in the kilvator of the ideology of Marxism-Leninism.

Key words: Marxist-Leninist theory of law, Soviet state; Soviet law, Soviet socialist legality, legal nihilism.

Общая теория права как связанная конструкция идей о праве выступает формой научного сознания. Речь идёт о таких его формах, как религиозное сознание, идеологическое сознание, мифологическое сознание и другие. Тем самым, можно презюмировать, что общая теория права может следовать в кильваторе этих разных форм общественного сознания: идеологического, религиозного или мифологического. Мой исследовательский интерес связан с осмыслением результатов этого взаимодействия, которые могут быть чрезвычайно разными.

Марксистско-ленинская общая теория права представляет собой один из показательных и ярких примеров следования теории права в кильваторе **идеологии** марксизма-ленинизма.

Основополагающими идеологемами марксизма-ленинизма, прежде всего, в советской юридической литературе признавались: классовый подход в исследовании правовых явлений, а также экономический детерминизм.

Советские правоведы повсеместно использовали концепт «класс» в изучении правовых явлений, признавая его **безотносительную** научную ценность, что превращало его в идеологеми. Так, базовое понимание сущности

права у советских правоведов проистекало из известной работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии» (1848), в которой Маркс и Энгельс задали догму для понимания классовой сущности права.

Экономический детерминизм как ещё одна широко распространённая идеологема марксизма-ленинизма, согласно которой признавалась обусловленность правовых явлений экономическим базисом, также **некритично** использовался советскими правоведами.

Кроме того, такие идеологемы, как: «советское социалистическое государство – **высший** исторический тип государства»; «социалистическая законность» как **антипод** «буржуазной законности»; «коммунизм» как **неизбежное** будущее народов и другие, пронизывали работы советских правоведов. Все эти идеологемы подвергались научной критике, например, уже российскими дореволюционными правоведами. Обратимся к положениям, высказанным Б. А. Кистяковским (1868–1920) и Ф. Ф. Кокошкиным (1871–1918), касающимся марксистской идеологемы экономического детерминизма.

Так, Кистяковский критически оценивал постулат марксистов о том, что экономический базис «в конечном счёте» определяет общественное развитие [2, с. 138]. Об упрощённой цепи причинности (экономический базис – надстройка), в свою очередь, писал Кокошкин: «Основная ошибка экономического материализма при объяснении происхождения и основания государственной власти заключается в том, что учение это не уделяет достаточно внимания одному существенному фактору, действующему в области общественных отношений, а именно, индивидуальной и общественной психике» [3, с. 51].

Сегодня у нас есть уникальная возможность показать, как идеологемы марксизма-ленинизма определяли юридическое мышление советских правоведов.

В настоящей статье будет предпринята попытка проследить влияние идеологем марксизма-ленинизма на правосознание советских правоведов на примере М. С. Строговича (1894–1984).

Обратимся к нарративу Строговича, который позволит нам уяснить его понимание **советской социалистической законности**.

Во-первых, у Строговича отсутствуют указания на **научную методологию**, которой он будет следовать в своём исследовании вопроса законности. В отличие от Строговича, именно с определения методологии начинал свой анализ Г. Ф. Шершеневич. Например, ставя перед собой задачу выработать научное понятие государства, Шершеневич говорит о методологических ошибках, которые могут подстергать исследователя [7, с. 199–201]. Обращаясь же к теме происхождения государства, он определяет вначале модель рассмотрения проблемы: речь у него будет идти не просто о происхождении государства, но о первичном происхождении государства [7, с. 250–251]. Строгович, напротив, начинает своё исследование с указания на различного рода мероприятия (экономические, культурные и др.), которые решает и будет решать советское государство, Коммунистическая партия Советского Союза, используя возможности законов и «иных норм» советского права.

Тем самым, идеологема «коммунизм», о строительстве которого было заявлено на XXII съезде Коммунистической партии СССР в 1961 г., ставится во главу угла.

Кроме того, текст Строговича рождает образ советского или партийного функционера, который читает доклад на совещании советских или партийных работников. Приведём пример: «Но для того, чтобы советское законодательство, все советское право могло выполнять свои задачи, могло осуществить свою роль регулятора общественных отношений социалистического общества, строящего коммунизм, необходимо, чтобы советские законы твердо и неукоснительно соблюдались и исполнялись, чтобы все их предписания и требования получали реализацию, чтобы не допускались отступления от законов, устранялись и пресекались их нарушения...» [6, с. 107].

Трудно понять, почему Строгович рассматривает «советскую социалистическую законность», а не просто «социалистическую» или просто «советскую» законность, конечно, если не иметь в виду идеологию марксизма-ленинизма. Обращаясь к истории постановки проблемы социалистической законности Строгович пишет, что надо начать с уяснения того, «что имел в виду В. И. Ленин, выдвигая задачу укрепления законности» [6, с. 108]. Таким образом, в качестве «научного» авторитета в исследовании законности, выбираются не правоведы, работы которых известны в научном сообществе, а политический деятель – Ленин.

Во-вторых, проблема исследования законности у Строговича подменяется поиском решения задачи «укрепления законности».

Строгович приводит следующие слова Ленина: «Законность должна быть повышена (или строжайше соблюдена), ибо основы законов РСФСР установлены» [6, с. 108].

Заметим, что законность для Строговича, как и для Ленина, не может пониматься как таковая, но исключительно лишь в парадигме «укрепления». Об укреплении «законности и правопорядка» в дальнейшем будут говорить не только на съездах КПСС, но это станет определенным клише в отечественных работах по теории государства и права. Заметим, что законность как требование должного, исключает такую характеристику, как «укрепление».

В-третьих, само понимание Строговичем социалистической законности. Автор приводит следующее её определение: «советская социалистическая законность – это строгое и неуклонное соблюдение и исполнение советских законов всеми органами Советского государства, всеми учреждениями и общественными организациями, должностными лицами и гражданами» [6, с. 109].

Такого рода взгляд на законность будет в дальнейшем определять правосознание многих советских правоведов. На этот факт, в частности, указывает Н. В. Витрук: «В советской юридической науке сложилось и стало господствующим понимание законности как строгого и неуклонного исполнения законов и подзаконных нормативных актов всеми субъектами советского права – государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. Такое понимание законности было доминирующим в монографической литературе и в тех или иных вариациях кочевало из учебника в учебник вплоть до последнего времени» [1, с. 184]. Обратим внимание на адресатов советской социалистической законности, которые перечисляет Строгович. Для него это: *все* органы Советского государства, *все* учреждения и общественные организации, *все* должностные лица, *все* граждане. Представляется, что этот перечень состоит из **разнопорядковых** субъектов. Действительно, одно дело должностные лица государственного аппарата, которые обладают не только властными, но и дискреционными

полномочиями, а другое дело, – граждане. В качестве адресатов, наряду с должностными лицами и гражданами, Строгович отдельно выделяет рабочих и колхозников. Это приводит к нарушению правила логического деления, – получается, что рабочие и колхозники не являются гражданами! Заметим, что Строгович критикует советского правоведа Н. Г. Александрова, который считал, что законность следует понимать только как принцип деятельности государственного аппарата. На мой взгляд, Александров заслуживает уважения за его позицию, отличную от общепринятого у советских правоведов «широкого» понятия законности.

В-четвёртых, Строгович явно не хочет признавать, что «нервом» понятия законности выступают **естественные и неотчуждаемые права человека**, которые юридическими законами могут не признаваться. Для него ядром понятия законности выступает «исполнение и соблюдение» законов. Отталкиваясь от идеологемы «советское государство», Строгович принципиально исключает принятие, выражаясь словами К. Маркса, «законов мести». Например, одиозный закон об «Особом совещании» (1934 г.), он предлагал рассматривать лишь как пример закона, противоречащего Конституции СССР. Получается, что каждый последующий закон подобного рода всегда можно будет оправдать, ссылаясь на его несоответствие Конституции! Повторимся, при таком понимании законности теряется «нерв» этого понятия, а «крик невинной крови» (Вольтер) остаётся неслышанным. Думается, что будет уместно в связи с этим привести мысль В. С. Нерсисянца, которую он блестяще выразил в форме вопроса: «Какой толк от таких законов и такой законности, которые легализуют произвол властей и бесправие подвластных?» [5, с. 16].

Используя идеологему «советское государство» и идеологему «советское право», Строгович предлагал лишь уповать на то, что не оправдавшие себя или устаревшие советские законы будут своевременно отменяться, что исключало их радикальную критику и неприменение: «Но отсюда никак не следует, что исполнитель закона при его исполнении может решать вопрос о том, устарел или не устарел данный закон, отвечает он настоящим условиям или не отвечает, в зависимости от чего будет соблюдать и исполнять данный закон или просто отложить его в сторону» [6, с. 115]. Таким образом, законность для Строговича существует ради самой законности, не имея никакого человеческого измерения.

В-пятых, слепое следование идеологемам исключало какую-либо научную дискуссию. Строгович, например, использовал такую идеологему, как «**буржуазная** юридическая наука». Эта идеологема не позволяла ему признавать содержательное богатство таких школ правовой мысли, как школа юридического позитивизма и школа естественного права, – исключительно в силу их отнесения к буржуазной юридической науке.

Абсолютно любое высказывание Ленина воспринималось Строговичем некритично. Так, Строгович приводит значимую для него фразу Ленина из его доклада на V Всероссийском съезде Советов 5 мая 1918 г.: «... Плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [6, с. 123]. Строгович оценивает это положение как «абсолютно

правильное», полагая, что оно «сохраняет силу и на современном этапе развития социалистического государства» [6, с. 123]. Таким образом, юридический нигилизм Ленина, Строгович возводит в догму для такого понимания законности в **бессрочной** перспективе.

Подводя итог нашему исследованию, следует сказать, что **идеологический дискурс** о законности исключает поиск человеческого «нерва» законности. И потому, законность у Строговича существует ради самой законности, не имея человеческого измерения. Строгович не ставит перед собой цель примерить к себе неправосудные приговоры, вынесенные на основе советского «кровавого законодательства». Можно ли считать приемлемой цену «укрепления» **социалистической законности**, исчисляемую миллионами репрессированных лиц? Так, В. В. Лунеев в своей статье «Политическая преступность» приводит следующие факты: «Есть сведения, что лишь с января 1935 по июнь 1941 г. было репрессировано 19 840 000 человек, причём в первый же год после ареста были казнены, погибли под пытками и умерли 7 млн человек» [4, с. 120].

Научный анализ законности у Строговича оказывается обрезан ножом идеологии, что приводит к потере животворящей силы научного нарратива о законности, каким его можно обнаружить, например, в работах Цицерона или Дж. Локка.

Библиографический список

1. *Витрук Н. Н.* Законность: понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // *Общая теория государства и права: академич. курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко.* 3-е изд. М.: Норма, 2010. С. 184–211.
2. *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.
3. *Косошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. М.: Зерцало-М, 2014. 308 с.
4. *Лунеев В. В.* «Политическая преступность» // *Государство и право.* 1994. № 7. С. 107–121.
5. *Нерсесянц В. С.* Правовой закон и правовая законность // *Правотворчество и законность / отв. ред. Н. С. Соколова.* М.: Рос. правовая академия МЮ РФ, 1999. С. 3–33.
6. *Строгович М. С.* Проблемы общей теории права // *Строгович М. С. Избранные труды.* М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 107–200.
7. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых. 1910. 320 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Мачин Игорь Федорович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, msu.machin@yandex.ru

Machin Igor' Fedorovich — Candidate of Law, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, msu.machin@yandex.ru

УДК 340.12

С. А. Денисов

ТЕОРИЯ ПРАВА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В данной работе автор использует парадигму административного общества, государства и правовой системы. Административный класс создает свою теорию права, оправдывающую его господство. Право здесь – это инструмент власти государства над обществом. Советская теория права – это частный случай административной теории права. Она носит характер идеологии, оправдывающей власть административного класса: государственно-бюрократическое право собственности, редистрибуцию, недемократический характер государства. С помощью этой теории создавалась видимость перехода страны к социализму, демократии и республике в СССР. Носителем этой теории является служилая интеллигенция. Это идеалистическая теория, отказывающаяся от диалектики и марксизма.

Ключевые слова: административная правовая система, административный класс, теория права, идеология, научность, догматизм, этатизм, материализм, диалектика, имитации, конъюнктурность.

S. A. Denisov

THEORY OF LAW IN THE ADMINISTRATIVE LEGAL SYSTEM

Abstract. In this paper, the author uses the paradigm of administrative society, the state and the legal system. The administrative class creates its own theory of law that justifies its domination. Law here is an instrument of the state's power over society. The Soviet theory of law is a special case of the administrative theory of law. It has the character of an ideology justifying the power of the administrative class: state-bureaucratic ownership, redistricting, undemocratic nature of the state. With the help of this theory, the appearance of the country's transition to socialism, democracy and a republic in the USSR was created. The bearer of this theory is the serving intelligentsia. This is an idealistic theory that rejects dialectics and Marxism.

Key words: administrative legal system, administrative class, theory of law, ideology, scientific, dogmatism, statism, materialism, dialectics, imitations, conjuncture.

Большинство исследователей продолжают называть правовую систему СССР социалистической [30]. Общество не хочет отказываться от этого заблуждения. Оно поддерживается консервативными силами страны. «...традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар, над умами живых», – писал К. Маркс [20, с. 119]. Приходится снова и снова доказывать, что в этой правовой системе от социализма есть только название. Используя классовый (марксистский) подход к классификации правовых систем не трудно убедиться, что это была административная (этатизированная) правовая система, типичная для стран Востока (особенно Древнего Востока) [9, с. 400–452].

© Денисов С. А., 2023

2023. Вып. 3 •

Административной автор называет правовую систему, обеспечивающую господство административного класса. Она возникает в административном обществе [10] по инициативе административного государства [11]. Право здесь закрепляет экономическое господство административного класса, осуществляемое посредством государственно-бюрократической собственности на все средства производства и государственного перераспределения всего общественного продукта (редистрибуция, типичная для Древнего Востока) [5, с. 91; 213]. Политическое господство административного класса осуществляется через закрепление в праве тоталитарного режима и олигархической или монархической формы правления. Право здесь устраняло свободу мысли и слова, обеспечивая навязывание одной государственной идеологии, оправдывающей господство административного класса. Теория права развиваемая в СССР была частью административной правовой системы. Она являлась правовой идеологией и создавала идеологические основания этой системы. Идеология в данном случае рассматривается в марксовском понимании, как вид ложного, иллюзорного сознания [23, с. 25], нацеленного на введения в заблуждение населения страны и мира. Учение о праве называлось А. Я. Вышинским «могучим оружием» [17, с. 128]. В 1989 г. С. С. Алексеев признавал, что правоведение в СССР утратило «по многим своим характеристикам статус подлинной науки – служительницы истины и прогресса». Оно было превращено «в наукообразную сферу практической политики и идеологии, которые подчас зависят от изменчивых установок и формулировок отдельных руководящих работников, цитат и лозунгов конкретного момента». Советская наука «оказалась в зоне разлагающего влияния административно-командной системы, прониклась ее духом, стала так или иначе ее обслуживать» [1, с. 77]. В 1989 г. Л. С. Мамут писал, что советская юриспруденция была не наукой. Чтобы стать наукой она должна была порвать с конъюнктурно-комментаторским мышлением, догматизмом и схоластикой, отказаться от роли «подобострастной пропагандисткой служанки аппарата власти» [17, с. 133]. Наука начинается тогда, когда она может сказать «нет» власти.

Теория права в СССР создавалась под руководством идеологов партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы (ПОБиК), которое условно можно назвать «коммунистической партией». Иногда руководство ПОБиКа издавала указания о том, как должна развиваться теория права (Доклад А. Я. Вышинского на I совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) «Основные задачи науки советского социалистического права» [8, с. 191–284]; Постановление ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране от 5 октября 1946 г.; Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране»). Административный класс нанимал для развития и распространения идей о праве, высказанных руководством ПОБиКа служилую интеллигенцию. С этой целью в 1938 г. был создан Институт права АН СССР (его предшественником был Институт Советского Строительства при Коммунистической Академии, созданный в 1925 г.; Институт советского строительства и права Коммунистической академии с 1929 г. и Институт государственного права Академии наук СССР с 1936 г.). Между самой служилой интеллигенцией была борьба за то, кто лучше угодит правящей группе [3, с. 189]. Проигравшие просто уничтожались физически [35, с. 189]. В результате к 1938 г. было

обеспечено полное единство мнений всех научных работников по всем выносимым на их обсуждение вопросам [17, с. 125]. Самостоятельность мышления научных работников, плюрализм мнений и инакомыслие в теории права были уничтожены окончательно. Сегодня уже никто не отрицает, что гуманитарные науки в СССР были жестко подчинены власти и выступали коллективным пропагандистом «единственно верного» мировоззрения [28, с. 501–502]. Ученые-юристы не скрывали, что они являются верными слугами ПОБиКа. Советские ученые-юристы – писалось в журнале «Советское государство и право» – «полны решимости внести свой вклад в выполнение поставленных партией многообразных задач» [38, с. 21]. Советская теория права ничего не решала сама. Выдающиеся научные открытия, по словам В. М. Чхиквадзе, делала КПСС [39, с. 70]. На съездах ПОБиКа выдвигались концепции, которые были призваны обогатить правовую теорию [12, с. 777; 684]. Ученым полагалось «горячо одобрять» все решения ПОБиКа, заниматься их пропагандой и разъяснениями, предлагать способы, методы, формы претворения их в жизнь [38, с. 23]. В. М. Сырых считает период с 1917 по 1964 г. трагичным периодом российского правоведения. Правоведам было отказано не только в праве свободно мыслить, но и в праве на жизнь [35, с. 188].

В середине 1980-х гг. началась критика старой теории права. Прежние подходы к праву были объявлены оторванными от практики, названы схематичными и догматичными. От них предлагалось отказаться [27, с. 52]. С. С. Алексеев в 1989 г. писал, что теория права в СССР представляла собой систему «канонизированных и вместе с тем внезапно меняющихся мифов, идеологем, в рамках которых происходит нескончаемый кругооборот законстеленых обсуждений и дискуссий» [1, с. 77]. А. Б. Венгеров писал, что теория права в СССР была загнана в «надуманные, вульгаризированные схемы» [6, с. 13]. Она из науки была превращена в подобие религиозного учения (светская религия). Л. И. Спиридонов сравнивал СССР со Средневековьем. Там права выводилось из Библии, религиозной догматики в целом. В «период господства административной системы в советском правоведении аналогичную функцию выполнял возведенный в догму марксизм-ленинизм» [32, с. 8]. Истинность идей проверялась не практикой, а ссылкой на цитаты из работ К. Маркса, В. И. Ленина, очередного вождя, решений, принятых на съездах и конференциях ПОБиКа [39, с. 70; 215–235].

Сущностью теории права административной правовой системы является этатизм, т. е. оправдание господства недемократического государства над обществом посредством официального позитивного права. Право определялось как один из инструментов государства в осуществлении им своей политики. Этот позитивистский или легистский подход к праву был ясно сформулирован А. Я. Вышинским [8, с. 223–224] и господствует в отечественной правовой теории по сей день. «Всякое право есть орудие осуществления государственной власти», – писал В. М. Чхиквадзе в 1984 г. [39, с. 217]. Таким образом, под правом понимался произвол государства, выраженный в нормативной форме и осуществляемый через неправовые законы. Г. Н. Манов в 1995 г. обращал внимание на то, что юристы-позитивисты цинично превозносят роль силы в праве. А сила всегда на стороне тех, кто имеет власть [18, с. 77]. В. С. Нерсесянц говорит о нормативно-приказном понимании права,

которое сложилось в советский период [24, с. 8], об «этатизации и инструментализации права», которое сопровождается игнорированием и отрицанием его объективной природы и сущности и осуществляется в его легистской нормативизации [25; 52]. Теоретики права оправдывали свой этатизм тем, что государство выражает волю народа (ранее трудящихся или пролетариата), является главным строителем социализма и коммунизма в СССР. Л. С. Мамут в 1989 г. писал, что трактовка права, данная А. Я. Вышинским «отвечала идеологическим и практическим нуждам антинародного деспотического режима личной власти, который был кровно заинтересован в том, чтобы затушевать противоположность права любой форме произвола» [17, с. 131].

Теория права административного общества утверждает, что право возникает вместе с государством и по воле государства [36, с. 17–23]. Таким образом, общество не рассматривается, как самостоятельный субъект правотворчества. Без государства оно ничто. Административный класс советского государства отверг теорию естественных и неотчуждаемых прав человека. «Мы не признаем никакой абсолютной правоспособности, никаких неприкосновенных субъективных частных прав» – писал Е. Б. Пашуканис [26, с. 184].

Теория права административного общества ставит интересы административного государства выше интересов частных лиц [39, с. 218] и таким образом оправдывала систематические посягательства на права человека. За интересами государства прятались интересы административного класса и правящей группы.

Теория права занималась апологетикой существующего административного строя [1, с. 77]. Право, обеспечивающее осуществление массовых репрессии она называла самым гуманным в мире [29, с. 341]. В учебниках по теории государства и права утверждалось, что в советских законах выражена «высшая социальная целесообразность» и «высшие нравственные идеалы», «передовая мораль» [29, с. 324–325]. Правовая теория доказывала, что для советского права свойственен демократизм, интернационализм, гуманизм, справедливость, законность [36, с. 148]. Советские ученые утверждали, что в деятельности Советов в СССР проявлялся «подлинно народный, демократический характер советской представительной системы» [16, с. 165]. «Надо признать, – писал В. Н. Кудрявцев в 1987 г., – что в наших работах длительное время наблюдалась лакировки действительности» [13, с. 6]. С. С. Алексеев отмечал, что правовая наука в СССР потеряла критически-конструктивную целеустремленность, перестала служить обществу [1, с. 77].

Большие усилия теоретики права в СССР прилагали к восхвалению заслуг ПОБиКа «в неустанной заботе о развитии права» [39]. При этом теория права замалчивала факт того, что основным источником официального позитивного права в СССР была не конституция и законы, а решения руководства ПОБиКа [36, с. 245–271].

Эффективная пропаганда умело соединяет ложь и правду. Отечественные ученые справедливо утверждали, что в СССР было покончено с эксплуатацией человека человеком. Но они умалчивали о жестокой эксплуатации человека со стороны административного государства, об использовании методов рабовладения и крепостного права в принуждении к труду [39, с. 215]. Теория права скрывала стремление административного класса к власти за идеалами революции. «Все, что полезно для революционных целей, допусти-

мо – таково правило. Этому правила держится и советское законодательство» – писал Я. М. Магазинер в 1922 г. [16, с. 449]. «По всем данным, – пишет в своих мемуарах С. С. Алексеев, – любой тоталитарный строй невозможен без каких-то романтических идеалов (факт существенный, но не замеченный при характеристике фашизма, сталинизма, других античеловеческих режимов)» [3, с. 186].

Теория права в СССР утверждала, что она опирается на материалистическую основу. Фактически это был совершенно оторванный от жизни набор догм. Социологическая теория права была полностью забыта. Реально действующие в стране нормы права никто не изучал. Право и закон отождествлялись [36, с. 146]. Такие подходы позволяли советским правоведам, ссылаясь на нормы Конституции СССР 1936 г. доказывать, что в период сталинизма СССР сделал значительный шаг по расширению демократических прав и свобод советских граждан [15, с. 139–140]. Советская теория права утверждала, что официально декларируемое право реализуется на практике, хотя между ним и реально действующим правом была непреодолимая пропасть. С. С. Алексеев говорил о двух этажах права, существовавших в СССР [2, с. 499–512].

Советская теория права была насквозь идеалистичной, поскольку уверяла, что под руководством ПОБиКа с помощью государства, права, массового насилия и обмана населения, при отсутствии социально-экономической базы можно перейти от феодализма к социализму (создать социалистическое право). В теории права господствовал правовой романтизм. Поскольку это была полная утопия, то на административную правовую систему был просто наклеен ярлык «социализм». Государственно-бюрократическую собственность стали называть народной (общественной). Редистрибуцию, типичную для азиатского способа производства, объявили основанным на науке и принципе справедливости плановым распределением общественного богатства. Тоталитарный строй определили как новый вид подлинной демократии, а типичную для Востока деспотическую форму правления назвали истинной народной социалистической республикой.

Советская теория права имела явно вождистский характер. Правильность высказываемых идей подтверждалась цитатой из работ К. Маркса, В. И. Ленина или из выступления очередного вождя на съезде функционеров ПОБиКа. Например, А. И. Денисов утверждал, что И. В. Сталин развил теорию права, разработанную К. Марксом и В. И. Лениным и обогатил ее новыми важнейшими положениями [35, с. 194]. Смена вождя приводила к переходу к «новому правовому мышлению» [27, с. 52]. В сталинский период единственным источником правовых мыслей были указания «гениального учителя», растиражированные его соратниками [35, с. 192]. Деспотический характер формы правления административного государства требует от теории права конъюнктурного подхода [13, с. 5]. Она должна быстро перестраиваться в соответствии с новыми высказываниями правителя и его окружения («держать нос по ветру»). В соответствии с указаниями вождя и идеологического отдела ПОБиКа ученые сначала утверждали, что советское право выражает волю пролетариата. Затем они объявили, что оно реализует интересы трудящихся. На излете было объявлено, что право реализует волю всего советского народа [36, с. 100–157]. После 1917 г. теоретики права заявляли, что

право в России отмирает [12, с. 644–645]. Затем их одернули и они заговорили о рождении нового социалистического права, которое идет на смену буржуазному [8].

Советские ученые заявляли, что теория права административного общества основана на диалектической философии. Но это не соответствовало действительности. Эта теория имела монистический характер и пренебрегала всесторонним подходом к праву. Она использовала в основном позитивистский подход, связывая право с государством. Классический аксиологический подход к праву был неприемлем для административного класса, поскольку он считал его идеологию и политику антиправовой. Ш. В. Тлепина пишет о том, что под видом отрицания буржуазного права советская идеология отвергает «суть и смысл права вообще, права как права, а за качественно новое «право» выдает антиправовые установления пролетарско-коммунистической диктатуры, антиправовое законодательство новой партийно-политической власти» [37, с. 103]. Советская теория права активно боролась с аксиологическими теориями права, выводящими право из нравственности, договора между свободными людьми, непосредственно из интересов общества (минуя государство). Она не признавала права без государства, право, стоящее над государством. Все эти теории огульно объявлялись научно несостоятельными, субъективно-идеалистическими, мистическими и иррациональными [12, с. 601–602].

Советская идеология быстро отказалась от социологического подхода к праву, поскольку он разоблачал противоречия между писаными нормами и реальностью, в частности, между декларациями конституционных актов и практикой репрессивной политики административного государства. Советская теория права скрывала конфликт, существующий между интересами административного класса, выраженными в реально действующих нормах права и интересами населения. Этот конфликт нарастал и выразился в буржуазной революции 1990-х гг. Теория права не верно представляла развитие мирового права и не смогла предсказать этой революции. Сторонники административного общества и государства доказывают, что Россия отказалась от передового типа социалистического права и пошла по пути регресса. Но если рассматривать советскую правовую систему, как вариант древневосточной административной системы, то буржуазная революция 1990-х гг., с точки зрения марксистского учения о типах общества, государства и права является значительным шагом на пути к прогрессу.

Позитивизм, связывающий право с законами, не сразу победил в советской теории права. Вначале правящая группа проявляла полный правовой нигилизм. Она отстаивала право на безбрежный произвол административного класса под предлогом необходимости борьбы со старыми классами и отмирания права при движении к коммунизму. Развязанный в стране террор не подчинялся никаким нормам [4]. Е. Б. Пашуканиса считал, что буржуазное право последний тип права и при социализме происходит его отмирание (преодоление) [12, с. 644–645]. Нарком юстиции П. И. Стучка, в 1918 г. сомневался в необходимости разработки Конституции. Он считал, что переходный от капитализма к коммунизму период «не укладывается в твердые рамки писаного основного закона» и что диктатура пролетариата «плохо вяжется со словами «писанный закон» [14, с. 11]. Л. Коганович прямо осуждал попытки провозгласить верховенство принципа законности и необходимости строить правовое государство. Высшим принципом должна быть диктатура пролетариата,

не ограниченная никакими законами. Законы исполняются только в той степени, в какой они целесообразны на данное время [12, с. 650]. Выдвинутая П. И. Стучкой и М. А. Рейснером доктрина о том, что новое советское право – это всего лишь вид идеологии, слишком откровенно указывала на то, что конституция и декреты – это всего лишь средства пропаганды, которые правящая группа использует для индокринации населения. Такое откровение не понравилось вождям и их взгляды были подвергнуты жесткой критике [31, с. 294].

Для оправдания произвола административного класса М. А. Рейснер пытался использовать психологическую теорию права, выдавая террор административного класса за проявления пролетарской психологии (интуитивное классовое право) [37, с. 105]. П. Юдин в 1936 г. уже полностью освободился от взглядов на право, как на форму реализации справедливости и общественных интересов. Он заявил: «Право есть форма выражения и применения насилия» [40, с. 55; 56; 58; 59].

Советской теории права не позволялось изучать реально действующие законы развития реального и официального позитивного права страны. Она выдавала догмы, выработанные идеологическим аппаратом ПОБиКа за законы развития права [29, с. 264–280]. Это не позволило ей предвидеть крах административной правовой системы, связанной с появлением элементов реальной, а не формальной демократии.

Советская теория права была ленинско-сталинской, но никак не марксистской. В. М. Сырых отмечает, что советские правоведы были «марксистами только в собственном воображении» [35, с. 74]. Марксизм не являлся догматическим учением. Он не оправдывал власть административного класса, не сводил право к закону. То, что советские ученые называли социалистической теорией права, К. Маркс определял в «Манифесте коммунистической партии» как учение феодального социализма, стремящегося вернуть общества из капитализма обратно в феодализм [22, с. 48–50]. Классовая теория К. Маркса была использована для оправдания власти административного класса. Советская теория права скрывала наличие административного класса в стране. Изучать его и отражение его интересов в праве было запрещено. Работа М. Восленского, указывающая на управленцев, как на господствующий класс была опубликована в СССР только в 1991 г. [7]. Воля административного класса, выраженная в праве, выдавалась за волю народа (трудящихся, пролетариата) [39, с. 215–217]. Ссылаясь на интересы рабочего класса, административный класс оправдывал устранение демократии (право «диктатуры пролетариата») и законности в советском государстве [15, с. 86–87]. Классовостью оправдывалось пренебрежение к правам и свободам человека и гражданина [36, с. 27].

В основе материалистического учения К. Маркса лежит идея о том, что право не может обгонять социально-экономическое развитие общества [21, с. 19]. Советская теория права отрицала этот важнейший марксистский постулат и заявляла, что на базе азиатского способа производства (государственная собственность и редистрибуция) [19, с. 135–136] возможно построение социализма, да еще и развитого (зрелого) [39, с. 218]. Сама идея К. Маркса о выделении наряду с феодальным и буржуазным типом общества азиатского способа производства, на базе которого возникает административное государство и правовая система, замалчивалась [29, с. 65–70; 36 с. 76–99].

Советская идеология в первые годы после захвата власти большевиками придерживалась марксовской мысли о постепенном отмирании права и государства при движении к коммунизму (П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис). Но борьба административного класса за господство над обществом требовала от него усиления государства и позитивного права, как орудия этого государства. Поэтому И. В. Сталин в 1929 г. выдвинул тезис о нарастании классовой борьбы по мере движения общества к социализму [34, с. 37]. На этом основании делался вывод о необходимости создания всепоглощающего государства [33, с. 211], которое позже было названо тоталитарным. В 1938 г. А. Я. Вышинский вообще заявил, что теория отмирания государства является лженаучной, сфабрикованной Н. И. Бухариным для того, чтобы «связать руки» пролетарскому государству и «отдать его во власть врага» [17, с. 128].

Одним из инструментов установления тоталитаризма, наряду с открытым произволом и насилием было реальное и официальное позитивное право. В 1938 г. по воле А. Я. Вышинского теория права признала свой тоталитарный характер. Советское право не ограничивалось регулирование поведения людей в публичной сфере. Оно должно было вторгаться в быт и сознание людей (определение советского права, данное А. Я. Вышинским) [8, с. 191–284].

Советская теория права бала активно задействована в имитации социализма, власти народа (трудящихся), демократии, республики и федерализма. Мобилизация масс на поддержку правящей группы (подданническая политическая культура) выдавалась за широкое участие масс в управлении делами общества. Подданных называли гражданами страны, а патерналистская забота о них выдавалась за «охрану правом свобод и законных интересов граждан». Закрепление в праве воли административного класса теоретики права выдавали за волю большинства (пролетариата, трудящихся, всего советского народа) [39, с. 214–217]. Имитации построения социалистической правовой системе служила теория принципов [36, с. 146–150] и функций советского права [36, с. 150–153]. С. С. Алексеев обратил внимание на то, что советские правоведы, в условиях запрета исследовать действительность, стали имитировать научную деятельность, создавать наукообразный шумовой эффект, превратили занятие наукой в игру абстрактных понятий и конструкций. В большинстве исследований превалировали чистые абстракции, общие рассуждения, догматические упражнения [1, с. 77–78]. Об уходе правоведения от актуальных вопросов писал в 1987 г. В. Н. Кудрявцев [13, с. 7].

Итак, советская теория права является идеологической основой административной правовой системы, не имеющей никакого отношения к социализму. Это идеология этатизма, которая не может опираться на материализм и диалектику.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Несколько мыслей о нашей юридической науке // Сов. гос-во и право. 1989. № 5. С. 76–79.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 710 с.
3. Алексеев С. С. Тяжкий путь к праву // Вестник гуманитарного университета. Сер.: Право. 1996. № 1. С. 180–190.
4. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.

5. *Васильев Л. С.* История Востока: в 2 т. Учеб. по спец. «История». М.: Высшая школа, 1998. Т. 1. 495 с.
6. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М.: Новый Юрист, 1998. 624 с.
7. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. 624 с.
8. *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 191–284.
9. *Денисов С. А.* Административизация правовой системы: Влияние обособленных управленческих групп на правовую систему общества. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2005. 544 с.
10. *Денисов С. А.* Административное общество. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2011. 608 с.
11. *Денисов С. А.* Общая теория административного государства. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2010. 684 с.
12. История политических и правовых учений: учеб. М.: Юрид. лит., 1983. 720 с.
13. *Кудрявцев В. Н.* Юридические исследования – на уровень новых задач // Сов. гос-во и право. 1987. № 6. С. 3–11.
14. *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
15. *Курицын В. М.* Развитие прав и свобод в Советском государстве. М.: Юрид. лит., 1983. 190 с.
16. *Магазинер Я. М.* Общее учение о государстве. Курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Пг.: Кооперация, 1922. 490 с.
17. *Мамут Л. С.* Совещание правоведов: год 1938-й // Сов. гос-во и право. 1989. № 4. С. 125–133.
18. *Манов Г. Н.* Теория права и государства. М.: Бек, 1995. 324 с.
19. *Маркс К.* Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., М.: Политиздат, 1957. Т. 9. С. 135–136.
20. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.
21. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
22. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М.: Изд-во полит. литературы, 1972. С. 48–50.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
24. *Нерсесянц В. С.* Советское государственно-правовое строительство: проблемы взаимосвязи истории и теории // Сов. гос-во и право. 1988. № 8. С. 3–11.
25. *Нерсесянц В. С.* Философия права. М.: НОРМА–ИНФРА–М, 1998. 350 с.
26. *Папуканис Е. Б.* Марксистская теория права и строительства социализма. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 271 с.
27. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Сов. гос-во и право. 1987. № 12. С. 64–65
28. Политология для юристов. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 1999. 772 с.
29. Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1979. 392 с.
30. *Рассказов Л. П.* Правовая система советского государства как разновидность социалистической правовой семьи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- pravovaya-sistema-sovetskogo-gosudarstva-kak-raznovidnost-sotsialisticheskoy-pravovoy-semi (дата обращения 29.07.2023).
31. *Соборнов П. Е.* К вопросу о правопонимании в советской юриспруденции 20–30-х гг. XX в. // Вестн. Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 290–295.
 32. *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права. М.: «Фирма Гардарика». 1996. 304 с.
 33. *Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки // Соч.: в 13 т. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. С. 161–215.
 34. *Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Соч.: в 13 т. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. С. 1–107.
 35. *Сырых В. М.* История и методология юридической науки: учеб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 463 с.
 36. Теория государства и права: учебник / под ред. А. И. Денисова. М.: Юрид. литература, 1980. 432 с.
 37. *Тлетина Ш. В.* Основные политико-правовые концепции советской юриспруденции // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 132–137.
 38. Ученые-юристы обсуждают программные документы партии // Сов. гос-во и право. 1986. № 2. С. 21–30.
 39. *Чхиквадзе В. М.* КПСС и Советское государство и право. М.: Юрид. литература, 1984. 288 с.
 40. *Юдин П.* О государстве при социализме // Большевик. 1936. № 8. С. 43–60.

Сведения об авторе / Information about the author

Денисов Сергей Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека юридического факультета, Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, Россия, sa-denisov@yandex.ru

Denisov Sergei Alekseevich – Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor, Chair of Human Rights Law Faculty, Humanitarian University, Yekaterinburg, Russia, sa-denisov@yandex.ru

УДК 340.12

А. В. Скоробогатов

СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции ценностных оснований советской юридической науки. На основе анализа произведений наиболее крупных мыслителей 1920–1930-х гг. сделан вывод, что развитие советского правопонимания как аксиологической основы юридической науки шло по пути утверждения «советского легизма» в противостоянии с различными социологическими теориями. С конца 1930-х гг. официальной правовой доктриной становится «советский легизм» во многом благодаря творчеству и деятельности А. Я. Вышинского.

Ключевые слова: советская юридическая наука, теория права, правопонимание, «советский легизм», Е. Б. Пашуканис, М. А. Рейснер, П. И. Стучка, А. Я. Вышинский.

A. V. Skorobogatov

SOVIET LEGAL SCIENCE IN THE AXIOLOGICAL DIMENSION

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the value foundations of Soviet legal science. Based on an analysis of the works of the most important thinkers of the 1920–1930s. It was concluded that the development of Soviet legal understanding as the axiological basis of legal science followed the path of establishing “Soviet legalism” in opposition to various sociological theories. Since the late 1930s. “Soviet legalism” becomes the official legal doctrine, largely thanks to the creativity and activities of A. Ya. Vyshinsky.

Key words: Soviet legal science, theory of law, legal understanding, “Soviet legalism”, E. B. Pashukanis, M. A. Reisner, P. I. Stuchka, A. Ya. Vyshinsky.

Современное российское общество все больше ориентируется на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей. В этих условиях приобретает большое значение осмысление не только социального правового опыта, но и научного историко-правового наследия. Исследование последнего позволяет сформировать прочный фундамент для развития современной гуманитарной науки. В тоже время необходимо отметить, что политические и идеологические трансформации нашей страны длительное время предполагали преимущественное обращение к дореволюционному правовому наследию. Изучение же советской науки ограничивалось ретроспективным анализом концепций выдающихся ученых и отдельных проблем теоретического и отраслевого характера. Накопленный в историко-правовой науке материал требует не только систематизации, но и критического историко-правового изучения.

Это предполагает осмысление развития юридической науки не только в онтологическом ключе, но и в аксиологическом, с учетом как особенностей содержания и философских основ правопонимания, так и социального

контекста, детерминирующей интенциональность теоретической мысли. Теория права при этом выступала в двух социальных ролях. С одной стороны, она эксплицировала общие тенденции социального развития транзитивного общества. С другой стороны, выступала средством конструирования новой правовой реальности. Политическая элита советского общества, выступая в качестве адресанта вертикальной правовой коммуникации, не только определила цель и вектор социального развития, но и поручила теории права транслировать адресанту (в качестве которого выступает не только гражданин, но и юрист-правоприменитель) юридическую информацию, необходимую для обеспечения эффективной реализации в жизнь этих интенций.

Становление советской теории права начинается практически с первых дней прихода к власти большевиков. В условиях нестабильности политического режима на первый план вышла идеологическая функция науки. Это было детерминировано двумя обстоятельствами.

Во-первых, фундаментальный характер теории права предполагал, что именно эта наука призвана критически оценить историко-правовую реальность и разработать ценностные основания ее преобразования. Совершенно неслучайно поэтому, что первые теоретико-правовые исследования не только вышли из-под пера лиц, непосредственно причастных к правотворческой деятельности, и зачастую были опубликованы в ведомственных журналах, но и были эксплицированы в тексты нормативных правовых актов [17, с. 134–154].

Теория права, как и вся юридическая наука, стала выполнять роль транслятора правовой информации в процессе вертикальной коммуникации, специфичного инструмента воздействия на сознание и поведение советского человека, режима, теория права, в том числе и понимание ею права (как и государства), не могло иметь иного характера. Руководящие указания по направлениям развития теоретико-правовых исследований давались руководящими органами политической власти (коммунистической партии). Ими же ситуация корректировалась в соответствии с ценностными потребностями. Иными словами, дело даже не в том, что советская юридическая наука находилась в рамках идеологических схем марксизма, а в ее факультативной роли при правящем режиме.

Во-вторых, социальный заказ предполагал целенаправленную деятельность ученых по обоснованию необходимости и целесообразности сконструированной советской властью правовой реальности [6, с. 23–27]. Персональный состав первых советских теоретиков права был представлен лицами, вовлеченными в процесс конструирования новой правовой реальности, но не столько в силу наличия юридического или иного гуманитарного образования, сколько по причине занимаемой должности в государственном и партийном аппарате. Это обуславливало необходимость адаптации своих взглядов к задачам государственного строительства, в т. ч. стремление синтезировать философско-правовые концепции классиков марксизма-ленинизма и дореволюционных российских теоретиков права.

В наибольшей степени это удалось сделать М. А. Рейснеру, совместившему в своей теории наработки психологической концепции права Л. И. Петражицкого и политическую философию В. И. Ленина применительно к правовой реальности 1920-х гг. Его понимание советского права как компромисса трех классовых систем права (пролетарского, крестьянского и буржуазного права), обеспечивающего социалистический правопорядок

[15, с. 125], в перспективе могло способствовать утверждению интегративных позиций не только в науке, но и юридической практике, что в свою очередь привело бы к преодолению транзитивности и конструированию стабильного политического режима. Именно взгляды М. А. Рейснера были наиболее адекватной рефлексией советской правовой реальности.

Однако не учение М. А. Рейснера определяло парадигму советского правопонимания раннего советского периода. Почти на два десятилетия в советской юридической науке закрепилось социологическое правопонимание. Как отмечают современные исследователи о формировании советского правопонимания, «спонтанно происходящее переустройство отечественной правовой системы заставило советских юристов искать основания пролетарского права, прежде всего, в классовой структуре общества, правосознании, особенностях общественных отношений» [10, с. 417].

В первую очередь речь идет о понимании права как «порядка общественных отношений», разработанного П. И. Стучкой. Систематизировав взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по правовым и политическим вопросам, он попытался представить собственное видение основных категорий правоведе-ния [20, стлб. 415–430] и сформировать на этой основе цельное учение о правовой реальности СССР [18].

В силу непосредственного участия П. И. Стучки в правотворчестве [3, с. 206–212], его позиция по вопросу сущности права одновременно выступает первой попыткой не только научного, но и нормативного определения права [16].

Скептическое отношение П. И. Стучки к правовым нормам советской власти было вполне мотивированным. Право, выраженное в правовых нормах, помещенных в декреты власти того времени, было ничтожным без учета общественных отношений, что в условиях гражданской войны и последующего перманентного гражданского конфликта означало соотношение сил в обществе [23, с. 94–100]. Например, «правовая норма» о насильственной хлебозаготовке на самом деле не могла быть «действующей», если ее не будет «сопровождать» вооруженный отряд, совершающий силовое обеспечение.

Другим представителем марксистского варианта социологического правопонимания был Е. Б. Пашуканис [24, с. 27–30], который понимал право как юридическую форму экономических отношений обмена товаровладельцев. В своих трудах этот исследователь отмечал, что «право, как объективное социальное явление, не может исчерпываться нормой или правилом, все равно, записанным или незаписанным» [13, с. 42].

Е. Б. Пашуканис отмечал, что для юриста-догматика понятие нормы имеет специфический смысл, отличный от того, что социолог или историк понимает под объективным существованием права. Это и приводит, по его мнению, к неверным выводам, ибо юрист-догматик, решая, есть ли данная норма права действующей или нет, «чаще всего вовсе не подразумевает установить наличие или отсутствие некоторого социального явления между данным нормативным положением и более общим посылкой». Именно поэтому он может «спокойным образом отождествлять право и норму». Не соглашаясь с таким подходом, Е. Б. Пашуканис далее писал: «Если известные отношения действительно сложились, значит, создалось соответствующее право, если же был только издан закон или декрет, но соответствующих отношений

на практике не возникло, значит, была попытка создать право, но эта попытка не удалась» [13, с. 43].

Несмотря на господство социологического правопонимания в теории права в 1920 – первой половине 1930-х гг. параллельно формировалось и нормативистское понимание права, которое не только соответствовало этатистским традициям российского народа, но и отвечало изменению роли закона в правовом регулировании, которое происходило по мере укрепления советской власти [11, с. 82–84].

Так еще в начале 1920-х гг. М. Ю. Козловский определял право как «право есть совокупность норм, имеющих целью посредством организованного государственного аппарата защищать определённые производственные отношения, и возможно только в классовом обществе, где насилие неизбежно» [19]. Эти идеи получили развитие в трудах Н. В. Крыленко [9, с. 33]. Н. В. Крыленко одним из первых в советской теории права подчеркнул, что задачей права является не только сохранение существующего правопорядка, но и его оправдание. Тем самым он сформулировал идеологическую функцию права и его подчиненную политическим задачам адресата роль в воздействии на сознание и поведение адресантов правовой коммуникации.

Противостояние двух направлений советской теории права завершилось в конце 1930-х гг. во многом благодаря усилиям А. Я. Вышинского [26, р. 1157–1166], который в силу занимаемых должностей имел возможность оказывать воздействие на развитие теории права не только содержательно и организационно, но и институционально. С одной стороны, он был директором Института советского права и в силу занимаемой должности был призван руководить разработкой и проведением в жизнь официального советского правопонимания. С другой стороны, будучи прокурором СССР, А. Я. Вышинский получил возможность принудительной реализации своих идей.

Площадкой для завершения теоретических споров и утверждения официальной трактовки сущности права стало проходившее в 1938 г. I Совещание по вопросам науки советского государства и права, организатором которого выступил А. Я. Вышинский. Цели и задачи этого совещания заключаются в том, чтобы утвердить общеобязательную единую сталинско-большевистскую «генеральную линию» в юридической науке, прежде всего, в теории права, и с этих позиций переоценить и отвергнуть все направления, подходы и концепции советских юристов предыдущего периода как враждебные, антисоветские и решающие установки [21, с. 124–126]. Однако утверждение новой концепции носило не только организационный, но и институциональный характер. Его противники были осуждены не только ученым сообществом, но и правосудием.

В своем программном докладе А. Я. Вышинский остро раскритиковал группу наиболее известных ученых в сфере правоведения, констатируя, что «в течение достаточно, к сожалению, продолжительного времени направление нашей науки права не соответствовало интересам дела социалистического строительства» [4, с. 195].

Научные взгляды рассматривались в контексте государственной измены. В другом месте своего выступления А. Я. Вышинский прямо заявил, что «измена Тухачевского, измена целого ряда людей шла по той же линии провокаторской деятельности, которую в области теории культивировали Бухарин, Пашуканис и компания» [4, с. 204]. Такая оценка деятельности теоретиков права сочеталась у А. Я. Вышинского с квалификацией их деяний

в соответствии с нормами уголовного законодательства: «Едва ли сейчас в достаточной мере понимаем, какой действительно диверсионной, в прямом смысле этого слова, т. е. в прямом смысле ст. 58⁹ УК РСФСР, характер носила эта работа, работа, которую я характеризую как провокаторскую, диверсионную работу по теории права, работа, которая была направлена к тому, чтобы дискредитировать советское право в глазах самих работников юстиции и в глазах работников, которые соприкасаются с ними, чтобы развить нигилистическое отношение и к советскому праву, и к советской юстиции, и к советскому закону - основе всей нашей деятельности» [4, с. 207].

К приведенной «группе» был причислен и П. И. Стучка. По мнению А. Я. Вышинского, «сводя право к экономике, как это делал Стучка, утверждавший, что право совпадает с производственными отношениями, эти господа скатывались в болото экономического материализма». В таком случае «право переставало быть активной силой, одним из важнейших факторов борьбы и государственного строительства. Сводя право к политике, эти господа обезличивали право, как совокупность законов, подрывая их устойчивость и авторитетность, внушая ложную мысль, будто в социалистическом государстве применение закона определяется не силой и авторитетом советского закона, а политическими соображениями» [4, с. 224–225].

А. Я. Вышинский отвергал понимание теории права П. Б. Пашуканисом как «результат только логической обработки норм положительного права». Разумеется, указывалось им далее, что выработка этих принципов не может быть основана на нормах положительного права, напротив, «нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права, опирающейся в свою очередь на принципы социализма, социалистической революции, социалистического государственного и общественного строя» [4, с. 218]. Оппонируя «болтовне о советском праве как простой форме политики», А. Я. Вышинским отмечалось, что такие соображения «провоцируют такое представление о советских законах, о советской юстиции, о деятельности советских судов, при котором сила закона и сила права были бы поставлены в зависимое положение от политических требований государства» [4, с. 225].

С другой стороны, давая оценку науке буржуазного права, он указывал, что «там, где речь идет о науке права и о самом определении права, царит невероятная путаница, хаос, там отсутствует всякая научность» [4, с. 222].

Общее понятие права А. Я. Вышинским определялось следующим образом: «Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также санкционированных государственной властью обычаев и правил общежития, осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [4, с. 234, прим.].

Давая объяснение приведенному определению, А. Я. Вышинский указывал, что «право не есть система общественных отношений, право не есть форма производственных отношений, право есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, но и обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке». При этом он отрицал принадлежность своего подхода к нормативизму: «Наше определение ничего общего не имеет с нормативистскими

определениями. Нормативизм исходит из абсолютно неправильного представления о праве, как о «социальной солидарности» (Дюги), как о норме (Кельзен), исчерпывающей содержание права, независимо от тех общественных отношений, которые определяют в действительности содержание права» [4, с. 234]. В определенной степени, это утверждение А. Я. Вышинского оправдано. Однако его идеи нельзя рассматривать и в качестве развития марксистской теории. Как показывают современные исследования взглядом А. Я. Вышинского, ценностной основой его концепции является «синтез констант Русской государственности – православия, державности и соборности и коммунистической идеологии» [2, с. 9]. Однако в целом его взгляды были близки к нормативизму и могут рассматриваться в качестве его специфичной формы, которую используя терминологию В. С. Нерсесянца можно обозначить как «советский легизм» [12, с. 353–385].

Сформулированный А. Я. Вышинским подход стал доминирующим на несколько последующих десятилетий. Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, его концепция в целом отвечала правовой реальности СССР. А. Я. Вышинский теоретически обосновал те тенденции изменения в советской правовой системе, которые нормативно отразила Конституция СССР 1936 г. [8], провозгласившая построение в Советском Союзе социализма (ст. 1), что сопровождалось провозглашением принципиально новой идеи о расширении роли закона в регулировании общественных отношений по мере строительства социализма в связи с усилением сопротивления враждебных сил [14, с. 57–58].

Советское право того времени было системой норм, установленных государством [25, с. 30–35]. Государство формировало «право» (точнее – нормативную систему, которую официально считало «правом») монополично – через деятельность государственных правотворческих органов. Даже те нормы, которые она не создавала непосредственно – например, нормы международных договоров – на территории СССР вводились в действие (санкционировались) исключительно через норму советского права (непосредственно ни одна норма международного права не признавалась). Это нашло теоретическое обоснование в дискуссии о системности права 1938–1940 гг., в ходе которой в качестве критерия разграничения предметов ведения юридических наук и соответствующих отраслей советского права были утверждены общественные отношения [1, с. 84–91].

Во-вторых, опора на идеи державности и соборности соответствовали инструментальному восприятию права в российской дореволюционной юриспруденции и отвечали этатистским ожиданиям советского общества. Выполняя инструментальную управленческую роль для государства, нормы права выступали средством оформления его приказов, независимо от содержания последних. Однако государство и право при этом воспринимались патриархально-патерналистски. Подчинение изданным государством законам детерминировалось их направленностью на удовлетворение социальных потребностей граждан [22, с. 144].

В-третьих, благодаря непосредственному участию в обеспечении правопорядка, А. Я. Вышинскому удалось физически устранить противников генеральной линии в теории права как среди ученых, так и из числа правоприменителей [27, р. 152–153]. Тем самым на практике была реализована его идея о возможности существования лишь одной правильной точки зрения на

сущность права. Любая иная позиция объявлялась не только неправильной, но и враждебной, а ее носитель – «классовым врагом» [4, с. 198].

В-четвертых, один из первых учебников по теории права был издан при непосредственном участии А. Я. Вышинского [5]. Содержащиеся в нем нормативистские положения оказали существенное воздействие на формирование правосознания и правопонимания советских юристов послевоенного периода.

Сформулированное А. Я. Вышинским определение права детерминировало теоретические подходы к сущности и содержанию права как в теории государства и права, так и в отраслевых науках до конца 1950-х гг. [7, с. 146–152], когда появляются первые попытки формирования новой аксиологической парадигмы российской юридической науки. Речь идет первоначально о переходе к широкому подходу понимания права, а затем к формированию социологического и интегративного правопонимания. Однако это были лишь теоретические наработки отдельных ученых, не оказавшие существенного влияния на основным направлением советской юридической науки, которая до конца существования СССР оставалась на нормативистских (легистских, этатистских) позициях, предполагавших инструментальный подход к праву как средству поддержания режима законности и правопорядка в том виде, как оно было установлено государством и выражено в законах.

Именно государство, юридическая норма, законность и правопорядок выступали теми правовыми ценностями, которые определяли инструментальное отношение к праву и правовой системе не только в теории государства и права, но и в отраслевых юридических науках. Одновременно такой подход из юридической науки перекочевал в юридическое образование и детерминировал ценностные основания правотворчества и юридической практики, а во многом и обыденное отношение к праву.

Таким образом, становление советской теории права происходило в противостоянии двух основных концепций правопонимания: социологической и нормативистской. С конца 1930-х гг. благодаря деятельности и творчеству А. Я. Вышинского в качестве не только господствующей, но и официальной концепции правопонимания утверждается нормативизм в форме «советского легизма». Результатом стало конструирование правовой практики и правосознания, основанных на формальном представлении о праве как совокупности текстов, содержащих официальные правила поведения. При этом роль правотворчества явно идеологизировалась и идеализировалась в том плане, что за правотворческими органами априори признавалась некая трансцендентальная способность в большинстве случаев определять «объективные» тенденции в развитии общественных отношений. В значительной степени это объясняется как тем, что данная концепция соответствовала нормативным принципам построения советской правовой системы, так и отвечала правовым архетипам советского народа.

Библиографический список

1. *Азми Д. М.* Взгляды участников первой дискуссии о системе права на проблему определения отрасли гражданского права // *Гражданин и право.* 2016. № 11. С. 84–91.
2. *Анисимов И. И.* Синтез коммунистической идеологии и традиций российской государственности в политико-правовых идеях А. Я. Вышинского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012. 24 с.
3. *Бреев А. В.* О становлении политико-правовых взглядов П. И. Стучки // *Управленческое консультирование.* 2015. № 10. С. 206–212.
4. *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // *Вопросы правоведения.* 2009. № 1. С. 194–284.
5. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права: учеб. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
6. *Демичев А. А., Илюхина В. А.* Идеологическая функция науки теории государства и права // *Юридическое образование и наука.* 2022. № 9. С. 23–27. DOI: 10.18572/1813-1190-2022-9-23-27.
7. *Ефремова Н. Н.* «Советский легизм» в портретах: М. С. Строгович, Н. Н. Полянский, С. А. Голунский (к 120-летию М. С. Строговича) // *Право и государство: теория и практика.* 2015. № 1 (121). С. 146–152.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК.* 1936. 6 дек. № 283.
9. *Крыленко Н. В.* Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М.: Красная новь, 1924. 184 с.
10. *Львов А. В., Звонарев А. В., Пашенцев Д. А.* Социологическое направление в советской юриспруденции 1920–30-х гг. // *Образование и право.* 2022. № 10. С. 415–419.
11. *Максимова О. Д.* Становление понятия закона как основной формы советского права в 1920-е гг. // *Евразийский юридический журнал.* 2014. № 4 (71). С. 82–84.
12. *Нерсесянц В. С.* Философия права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 848 с.
13. *Пащуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Ком. Академии, 1927. 128 с.
14. Развитие российского законодательства в 1930-е гг.: моногр. / под общ. ред. С. А. Боголюбова, Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2023. 338 с.
15. *Рейснер М. А.* Право: Наше право; Чужое право; Общее право. Л.; М.: Госиздат, 1925. 276 с.
16. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года // *Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства.* 1919. 28 дек. № 66. Ст. 590.
17. *Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н.* Конструирование уголовно-правовых запретов как направление уголовно-правовой политики в первые годы советской власти // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* 2022. Т. 164. Кн. 4. С. 134–154. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.4.134-154.
18. *Стучка П. И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. статей 1917–1930. М.: Госюриздат, 1931. 236 с.
19. *Стучка П. И.* М. Ю. Козловский (Из революционных воспоминаний) // *Правда.* 1927. 6 марта.
20. *Стучка П. И.* Право // *Энциклопедия государства и права* / под ред. П. И. Стучки. М.: Изд-во Ком. Академии, 1926. Т. 3. Стлб. 415–430.
21. *Уманский Я. Н.* Первое совещание по вопросам науки советского государства и права // *Социалистическая законность.* 1938. № 9. С. 124–126.

22. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. 319 с.
23. Фалалева И. Н. Обыденное правосознание в Советской России 1920–1930-х гг.: о возможности реконструкции по историческим нарративам // Право и политика. 2019. № 12. С. 94–100. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.12.31683. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31683 (дата обращения: 01.10.2023).
24. Финогентова О. Е. Особенности марксистского правопонимания в социологической концепции Е. Б. Пашуканиса // Правовое государство: теория и практика. 2–16. № 1(43). С. 27–30.
25. Яцук Т. Ф. Понятие закона в советском правоведении и юридической практике в 1917–1936 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2016. № 1 (46). С. 30–35.
26. Fuller L. L. Pashukanis and Vyshinsky: a study in the development of Marxian legal theory // Michigan Law Review. 1949. Vol. 47. Iss. 8. P. 1157–1166.
27. Sharlet R., Belme P. Chapter 6. In Search of Vyshinsky: The Paradox of Law and Terror // Weirne P. (ed.) Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917–1938. New York: Routledge, 2015. P. 136–156.

Сведения об авторе / Information about the author

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия, av.skorobogatov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

Skorobogatov Andrey Valerievich – Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML), Kazan, Russia, av.skorobogatov@mail.ru

УДК 340.1

А. Ю. Петрыкин

СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА П. И. СТУЧКИ

Аннотация. В статье проанализирована концепция права П. И. Стучки в условиях становления советского социалистического права: исследованы социолого-правовые условия возникновения правовой концепции П. И. Стучки, отмечено значение марксистско-ленинской теории и определена роль социологического направления правопонимания в формировании концепции ученого. Правовая теория П. И. Стучки рассмотрена в аспекте позитивистской конструкции. Выделены признаки классической юридической позитивистской концепции в теории П. И. Стучки. На примере сопоставления сущностных признаков и содержания классического юридического позитивизма и социологического подхода в праве сформулировано представление о социологическом направлении правопонимания. Обозначены перспективы социологического правоведения.

Ключевые слова: диктатура пролетариата, марксистско-ленинская теория, советское право, социологическое понимание права, сущность права, юридический позитивизм.

А. Yu. Petrykin

SOCIOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE P. I. STUCHKA'S CONCEPT OF LAW

Abstract. The article analyzes the concept of law by P. I. Stuchka in the conditions of the formation of Soviet socialist law. The sociological and legal conditions for the emergence of the concept of law by P. I. Stuchka. The role of sociological legal understanding in the formation of the concept of a scientist is determined. Stuchka's legal theory is considered in the aspect of a positivist construction.

Key words: dictatorship of the proletariat, Marxist-Leninist theory, Soviet law, sociological understanding of law, essence of law, legal positivism.

Актуальность темы исследования. Теоретическое наследие советской теории права является одним из важных факторов развития современной юридической науки. Научный интерес представляет возникновение новых теорий права вследствие правового развития общества, обусловленного многими социологическими факторами. Поэтому особая актуальность отведена развитию социологического направления правопонимания в историко-правовом контексте, в частности в условиях радикальных преобразований общества в ранние советские годы. Актуальным является толкование права не только как системы нормативных предписаний государственной власти, а как специфического явления социальной жизни, которые стихийно возникают в результате процессов социальной саморегуляции, во взаимосвязи с другими социальными явлениями, что позволяет расширить сферу научного интереса в изучении права.

Социально-правовое исследование концепции права П. И. Стучки в условиях «диктатуры пролетариата», является актуальным для изучения развития социологического направления правопонимания в отечественной

юриспруденции. Широкий методологический подход способствует развитию общественных наук междисциплинарного характера изучающих право.

В период становления советского права все послереволюционные концепции понимания и трактовки права основывались на диктатуре пролетариата. В юридической системе революционного права правовое регулирование опиралось не на правовые механизмы, а на пролетарское принуждение. Тем не менее, во время становления советской власти имели место различные направления правопонимания, опиравшиеся на дореволюционные правовые школы [2, с. 96].

В этот период 1920–1930 гг. советским юристом и политическим деятелем Петром Ивановичем Стучкой предложена концепция права как порядка общественных отношений, которая, как считают исследователи советской науки теории права первой четверти XX в., сформировалась под влиянием социологического направления в юридической науке и способствовала формированию социологического направления правопонимания в советской теории права 20–30-х гг. прошлого века [4, с. 303]. Отдельные вопросы и особенности концепции права П. И. Стучки, с точки зрения социологической теории, были освещены в работах исследователей А. В. Бреева, Ц. Ц. Михеевой, М. В. Немытиной, В. В. Никулина, В. А. Токарева, О. Е. Фиогентовой, и др.

В условиях развития современной социологии права требуется новая научная оценка и переосмысление социологического правопонимания в контексте советской теории права, в частности анализ концепции права П. И. Стучки, которую принято считать социологической.

Концепция права, предложенная П. И. Стучкой, рассматривается юристами-теоретиками как социологическая теория права, тем самым затрагиваются проблемные вопросы социологического направления правопонимания в советской теории права 20-30-х гг. прошлого века. Согласно основному положению его теоретической концепции, сущность права заключается в правоотношениях, а не в правовых нормах. [9, с. 27]. Сформулированное им определение права соединяет марксистско-ленинское учение и социологический подход, который вобрал в себя отдельные идеи С. А. Муромцева (понимание права как системы общественных отношений) и Н. М. Коркунова (понимание права как средства разграничения интересов) [1, с. 207].

По нашему мнению, обозначенные научные исследования содержат два основных вопроса: 1) правовой анализ концепции права П. И. Стучки, в частности определения советского права, изложенного ученым в контексте социалистического общественного строя; 2) роль социологического правоведения в формировании концепции права П. И. Стучки и развитии советского социалистического права.

Изучение советской науки теории права, в частности анализ политико-правовых взглядов П. И. Стучки приводит исследователей к выводам, что социологизм в первые годы советской власти продиктован марксистско-ленинскими представлениями о классовой структуре общества как системе отношений. Марксистская теория, опираясь на социальные классовые интересы, с точки зрения подхода к праву отождествляется с социологической теорией, исключительно потому, что в основе двух теорий право рассматривается как порядок общественных отношений (соответствующих воле господствующего класса). Отсутствие в исследованиях взаимосвязи с такими

общественными науками как философия и социология не позволяет разрешить проблемы определения сущности и содержания права, специфики его взаимоотношений с государством и обществом относительно концепции права П. И. Стучки.

Не найдена подходящая методологическая установка для социолого-правовых исследований, в частности не задействован весь комплекс позитивистских концепций, отсутствует комплексный анализ социально-правовых условий концепции права П. И. Стучки во взаимосвязи с социальными явлениями в контексте коренных изменений представления о праве и современной правовой действительности. Вследствие этого социологическая обусловленность концепции права П. И. Стучки является не доказанной.

Социолого-правовое исследование концепции права П. И. Стучки во взаимосвязи с социально-правовыми условиями развития советского права, и определение роли социологического правопонимания в формировании правовой концепции ученого.

Выработка соответствующего представления о социологическом направлении в праве и определение места в отечественной юридической науке.

На первом этапе становления советского права все послереволюционные концепции понимания и трактовки права основывались на диктатуре пролетариата. В юридической системе революционного права правовое регулирование опиралось не на правовые механизмы, а на пролетарское принуждение. Тем не менее, во время становления советской власти имели место различные направления правопонимания, опиравшиеся на дореволюционные правовые школы.

В этот период 1920–1930 гг. советским юристом и политическим деятелем Петром Ивановичем Стучкой предложена концепция права как порядка общественных отношений, которая сформировалась под влиянием социологического направления в юридической науке. П. И. Стучка считал, что «право не есть просто совокупность норм, а является самою системою, самим порядком общественных отношений, тогда как общественные отношения являются содержанием права», тем самым ученый отступает от принципов классического позитивизма [9, с. 27].

Модель правовой реальности, предлагаемая Стучкой, является идеалистической, поскольку несет на себе отпечаток революционной идеологии, служащей надстройкой над социальной действительностью в силу своего нормативного характера. Тогда как в социологическом направлении право это модель сущего, а правовая действительность – естественная часть социальной действительности, что является предметом осмысления для понимания фактического действия права в обществе.

Очевидно, что и предмет теории права будет иметь принципиально различное содержание с позиции революционной теории и социологического подхода, поскольку будет различаться видение механизма правового регулирования. Советские юристы отводили второстепенную роль в управлении обществом и государством. По мнению Стучки, основными методами управления должны были стать внеправовые механизмы принуждения [10, с. 21]. Утверждение силовой природы права в качестве единственного основания концепции означает серьезное искажение понимания права. Поскольку социологический подход рассматривает право как естественную действительность, развивающуюся по собственным законам и не создаваемую

односторонними актами власти, постольку социальное, политическое, государственное и прочее принуждение не может лежать в его основании.

Социолого-правовой анализ теории права П. И. Стучки в условиях советского социалистического права указывает на то, что диктатура пролетариата была основана на принципах, совпадавших с принципами юридического позитивизма: превознесение роли государства, доведение ее до некоего абсолюта. Важнейшим признаком революционного права явилось принуждение, исходящее от господствующего класса, поскольку с помощью его охраняется созданная система общественных отношений [10, с. 20].

Законодательство, в основе которого лежит юридический позитивизм в классической интерпретации, исключает такие ценности как целесообразность и справедливость, и имеет формалистский характер.

Юридический позитивизм сделал советскую правовую систему беззащитной от вмешательства государственной несправедливости в сферу права, и в конечном счете, это обусловило слабость правовой системы рожденной революцией.

Исторически исследуемые факты указывают на то, что законы могут использоваться для осуществления бесчеловечных целей, мотивированных политической идеологией.

Рассматривая проблему в юридико-теоретическом русле, без излишней политизации вопроса, мы приходим к соответствующему выводу, что юридический позитивизм не является непосредственной причиной легализации диктатуры. Однако в совокупности с реальными социальными, экономическими, историческими предпосылками становления и развития соответствующей политической идеологии, юридический позитивизм является фактором, определившим социальный порядок. В широком понимании права связь его с политикой и другими социальными подсистемами общества очевидна, а их соотношение, в теоретическом плане, во многом зависит от того, как трактовать право.

Несмотря на общие черты у теории «естественного права» и марксистского учения о государстве и праве, признание государства монопольным субъектом, полномочным устанавливать право, не касаясь его общечеловеческих ценностных характеристик, и напротив отрицание права, не устанавливаемого государственной властью, относит концепцию П. И. Стучки к классическому (этактическому) юридическому позитивизму.

Право, как социально взаимосвязанный феномен является частью общественного бытия, постоянно (в динамике) подвергается оценке и осмыслению. Однако в концепции права П. И. Стучки основанной на революционной идее общество и государство не соотносятся, потому что государство поглощает общество. Вышеуказанные факторы исключают социологическую обусловленность во взглядах ученого на право.

Считаем, что право может выполнять свою социологически позитивную роль в том случае, если оно представляет собой систему определенных ценностей. В современном понимании право призвано быть важнейшим элементом социального порядка и одновременно служить инструментом защиты человека и общества.

Библиографический список

1. Бреев А. В. О становлении политико-правовых взглядов // Правовое консультирование. 2015. № 10. С. 206–212.
2. Кульчар К. Основы социологии права: с предисл. и под общ. ред. В. П. Казимирчука / пер.: В. Гусев. М.: Прогресс, 1981. 256 с.
3. Немытина М. В., Михеева Ц. Ц. Социальные отношения и право в советском обществе // Вестник РУДН. Сер. Юрид. науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 331–354.
4. Никулин В. В. Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права // Вестник ТГУ. 2011. № 8 (100). С. 300–304.
5. Стародубова Г. В., Иванов Ю. А. Право, рожденное революцией // Электронное приложение «Текст научной статьи по специальности «История и археология». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-rozhdennoe-revoljutsiey> (дата обращения: 24.11.2023).
6. Стучка П. И. Пролетарское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: сб ст. М.: Госиздат, 1919. С. 210–220.
7. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права М.: Госюриздат, 1931. 250 с.
8. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.
9. Финогентова О. Е. Особенности социологической концепции права П. И. Стучки // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 25–28.
10. Финогентова О. Е., Токарев В. А. Зарождение социологической теории права в СССР // Вестник Пермского университета. Юрид. науки. 2017. Вып. 35. С. 16–32.

Сведения об авторе / Information about the author

Петрыкин Алексей Юрьевич – заместитель начальника Управления по вопросам миграции МВД по Донецкой Народной Республике, капитан полиции, аспирант Донецкого государственного педагогического университета, г. Донецк, Россия, justboard@mail.ru

Petrykin Alexey Yurievich – Deputy Head of the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs for the Donetsk People's Republic, police captain, post-graduate student of Donetsk State Pedagogical University, Donetsk, Russia, justboard@mail.ru

УДК 340.111.5

А. А. Краевский

ДИСКУССИИ О ПОНЯТИИ И ПРИРОДЕ ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Проблема правового отношения привлекала пристальное внимание советской юридической науки, однако её обсуждение характеризуется разнонаправленными тенденциями. Правоведы, придерживавшиеся ортодоксальных марксистских позиций, пытались интерпретировать все правовые явления как некие фактические отношения, по отношению к которым правовые нормы – явление вторичное (надстройка). По-видимому, именно отсюда происходит широко принятое понимание правовых отношений как особого рода общественных отношений. Вместе с тем, с конца 1930-х гг. в юридической науке усилились нормативные тенденции, характерные для классической юриспруденции, для которой свойственно рассматривать возникновение прав и обязанностей с сочетанием правовой нормы и юридического факта. Несмотря на то, что несовместимость указанных представлений о правовых отношениях часто игнорировалась, многие представители советской юриспруденции стремились её преодолеть путём пересмотра одного из указанных аспектов доктрины правоотношений. Основные варианты решения заключались в отказе от понимания правовых отношений как общественных отношений, либо в отнесении прав и обязанностей к форме, но не к содержанию правового отношения. Данное противоречие теории правоотношений во многом сохраняется и в современном российском правоведе-нии. Правильным решением указанной проблемы представляется отказ от представления о правовых отношениях как об общественных отношениях.

Ключевые слова: правовое отношение, общественное отношение, советская теория права и государства.

A. A. Kraevsky

DISCUSSIONS ON THE CONCEPT AND NATURE OF LEGAL RELATION IN THE SOVIET THEORY OF LAW AND MODERN RUSSIAN JURISPRUDENCE

Abstract. The problem of legal relation attracted close attention of Soviet legal science, but its discussion is characterised by multidirectional tendencies. Legal scholars who adhered to orthodox Marxist positions tried to interpret all legal phenomena as some kind of factual relations, in relation to which legal norms are a secondary phenomenon (superstructure). Apparently, this is where the widely accepted understanding of legal relations as a special kind of social relations comes from. At the same time, since the late 1930s, the normative tendencies characteristic of classical jurisprudence, for which it is peculiar to consider the emergence of rights and obligations with the combination of a legal norm and a legal fact, have intensified in legal science. Despite the fact that the incompatibility of these views on legal relations was often ignored, many representatives of Soviet jurisprudence sought to overcome it by revising one of these aspects of the doctrine of legal relations.

© Краевский А. А., 2023

2023. Вып. 3 •

The main variants of the solution consisted in refusing to understand legal relations as social relations, or in attributing rights and obligations to the form, but not to the content of a legal relation. This contradiction of the theory of legal relations is largely preserved in modern Russian jurisprudence. The correct solution of the mentioned problem seems to be the rejection of the idea of legal relations as social relations.

Key words: legal relation, social relation, Soviet theory of law and state.

Проблема правового отношения всегда привлекала пристальное внимание советской юридической науки, однако её рассмотрение в разные периоды развития советского правоведения можно охарактеризовать разнонаправленными тенденциями. Понятие правового отношения играет важную роль в теории права и юридической науке в целом, поэтому общая проблема противоречивости понятия правового отношения выходит за рамки советского и постсоветского правоведения, достаточно сказать, что её элементы можно усмотреть уже у в классической Ф. К. фон Савиньи [14, с. 456–458], а критику, например, у Л. И. Петражицкого [12, с. 276–285]. Вместе с тем, представляется, что именно в советской юриспруденции этот вопрос приобрёл особую актуальность.

После 1917 г. и вплоть до второй половины 1930-х гг. ведущие теоретические позиции в советском теоретическом правоведении принадлежали учёным, придерживавшимся ортодоксальных марксистских позиций, среди которых особенно выделялись П. И. Стучка и Е. Б. Пашуканис.

Стучка неоднократно подчёркивал, что право представляет собой систему общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса, и охраняемую организованной силой этого класса [15, с. 42]. Каждой форме собственности «соответствуют свои отношения труда, присвоения и распределения (обмена) продукта и т. д.». Каждое из этих отношений является общественным отношением, но сами по себе они не являются правовыми, правовыми они становятся тогда, когда делаются господствующими вместе с целой системой других общественных отношений по мере исторического развития (от рабовладения к феодализму и т. д.) [15, с. 72–73]. Сходным образом рассуждал и Пашуканис, также опиравшийся на ряд идей К. Маркса, в частности, на идею, что в основе юридической надстройки общества лежат отношения собственности [11, с. 84]. Правовые отношения по Пашуканису суть в первую очередь отношения обмена, предшествующие правовым нормам.

Однако подобная радикальная антинормативистская позиция плохо согласовывалась с практическими задачами, стоявшими перед советским юридическим образованием и наукой. Новый период развития правоведения в СССР начался с «II совещания по вопросам науки советского государства и права», прошедшего 16–19 июля 1938 г. под руководством Прокурора СССР А. Я. Вышинского. Несмотря на декларативное сохранение приверженности марксистской правовой доктрине, в качестве основы «генеральной линии» советской юридической науки была взята традиционная правовая догматика, основанная на правовом этатизме [2, с. 40–41]. Прежнее марксистское правоведение подверглось критике, и оставшиеся его представители, в частности Пашуканис, были обвинены в «фальсификации марксизма-ленинизма» [4, с. 75]. На совещании были определены основные теоретические принципы наук теории государства и права, международного права и всех отраслевых

юридических наук, которые продолжали оказывать прямое и существенное влияние на советскую правовую доктрину вплоть до конца 1970-х гг. [9].

Примечательно, что уже в 1940 г. в учебнике С. А. Голунского и М. С. Строговича правовые отношения понимаются скорее нормативистски. С одной стороны, отмечается, что право возникает из определённых общественных отношений [5, с. 161], а правовые отношения рассматриваются как вид общественных отношений [5, с. 270]. С другой стороны, правовое отношение определяется как «отношение между людьми, в котором они участвуют как носители прав и обязанностей, обеспеченных правовой нормой» [5, с. 270], о нём говорится как о специфическом идеологическом отношении [5, с. 159–161, 273], или как о правовой связи между людьми, которую устанавливает правовая норма [5, с. 270]. Авторы даже пытаются возродить волевою теорию правового отношения, которую прежде беспощадно критиковали Стучка и Пашуканис.

Примечательно, что даже в своём собственном примере Иоффе признаёт, что речь идёт не о каком-то качественном изменении уже существующего родственного отношения, которое в принципе, само по себе является даже не общественным, а биологическим отношением, а о том, что к нему добавляется правовая связь между указанными лицами.

Пример второго рода по Иоффе – «отношения, возникающие в связи с предоставлением пособий многодетным и одиноким матерям». Это отношения между матерью и отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям. Общественные и правовые отношения по выплате пособий возникают одновременно [7, с. 15].

Рассматривая вопрос о содержании правоотношения Иоффе критикует теорию, высказанную в 1940 г. Агарковым [1, с. 22–23] о том, что содержанием правоотношения является поведение его участников [7, с. 60–61].

Но если содержание правового отношения в правах и обязанностях, и оно суть правовая связь, возникающая на основании норма в момент наступления юридических фактов, является ли оно собственно общественным отношением, то есть фактическим человеческим поведением? В этом – основное противоречие теории правоотношения, потому что два указанных широко признаваемых тезиса на самом деле несовместимы, а авторы, пытающиеся их совместить, противоречат сами себе.

В качестве следующего этапа дискуссии о правоотношении в советском праве стоит отметить книгу С. Ф. Кечекьяна «Правоотношения в социалистическом обществе» 1958 г. [8] и, в особенности, работу Ю. К. Толстого 1959 г. «К теории правоотношения» [16]. Кечекьян, развивая тезис Голунского и Строговича, пишет о правоотношениях как об особых, идеологических отношениях, а не как об общественных отношениях [8, с. 19–20].

Та же идея детализируется Толстым. Преимущества отстаиваемого определения состоят в следующем:

1) определение позволяет четко очертить место правоотношения в ряду других общественных явлений и провести грань между правоотношением и тем общественным отношением, которое норма права регулирует через посредство правоотношения;

2) определение отвечает не только на вопрос, как возникает правоотношение, но и на вопрос, для чего оно возникает, раскрывая тем самым

служебную роль по регулированию общественных отношений, выполняемую правоотношением;

3) определение ориентирует на то, что и норма права, и правоотношения имеют один и тот же объект, каковым являются фактические общественные отношения;

4) определение позволяет рассматривать правоотношение в качестве юридической формы того общественного отношения, на которое правоотношение воздействует как на свой объект» [16, с. 20–21].

Вместе с тем, в последующем, в 1960–1970-е гг. преобладающие позиции получило представление о правовом отношении как об общественном отношении, урегулированном нормой права. Характерно, что в работе «Общее учение о правоотношении» Р. О. Халфина принимает данное определение как аксиоматическое просто в силу его широкого признания [17, с. 51]. В этой же работе отстаивается высказывавшаяся и ранее мысль о том, что содержанием общественного отношения является реальное поведение его субъектов, а права и обязанности – формой правового отношения. Аналогичную точку зрения высказывал Л. С. Явич [18, с. 207–216].

При этом в большинстве случаев такое определение сочеталось с представлением о том, что содержание правоотношения составляет права и обязанности его субъектов. Указанные рассуждения Явича получили дальнейшее детальное развитие в трудах Ю. И. Гревцова, специализировавшегося на социологии права. Трактую общественные отношения из определения правоотношения как конкретную социологическую категорию, Гревцов последовательно отстаивает фактический и персонифицированный характер правовых отношений [6].

Отдельно стоит отметить позицию С. С. Алексеева, для трудов которого в целом характерно стремление к обобщению теоретических дискуссий и формулированию компромиссных точек зрения, учитывающих критику и достоинства противоположных позиций. Так, в теории правоотношения Алексеев, с одной стороны, соглашается с различием между правовым отношением и регулируемым им общественным отношением с другой [3, с. 255–258]. Но, с другой стороны, правоотношение по Алексееву, помимо собственно юридического имеет и реальное содержание, выражающееся в поведении людей, реализующих соответствующие права и обязанности [3, с. 259–260], и в целом определяется через относительно нейтральную категорию общественной связи: «Правоотношение всегда представляет собой известную связь» [3, с. 246].

Современное российское правоведение в целом сохраняет плюрализм мнений по вопросу о понятии правоотношения. Помимо уже названных авторов, перешедших из советской науки в постсоветскую, таких как Толстой, Гревцов и Алексеев, и не изменивших своих концепций правоотношения, можно привести несколько характерных примеров. Так, А. В. Поляков и Е. В. Тимошина определяют правовое отношение как социальное взаимодействие, осуществляемое путём реализации государственно-признанных прав и обязанностей субъектов правовой коммуникации [13, с. 372]. Права и обязанности при этом отнесены к форме правоотношения [13, с. 388–389]. Если абстрагироваться от особенностей коммуникативной теории и понятия коммуникации, то можно сказать, что авторы следуют той же концепции, что и Явич, Халфина и ряд иных советских правоведов.

В учебнике В. С. Нерсесянца, категория правоотношения трактуется как категория должного, то есть как форма конкретизации правовой нормы [10, с. 503]. Преобладающей же остаётся противоречивая позиция, сочетающая представление о правоотношении как об общественном, то есть фактическом отношении и идею о его юридическом содержании.

С нашей точки зрения, в данном споре правы авторы, понимающие правовое отношение как категорию должного, то есть индивидуализацию нормы относительно конкретной ситуации. В основе первоначального противоречия, как представляется, сочетаются две ошибки – гипостазирование прав и обязанностей в качестве отдельной от правовой нормы сущности – правового отношения, и смешение бытия и долженствования. Следует также отметить двусмысленность слова «отношение», по-разному употребляемого в социологической (как часть словосочетания «общественное отношение») и философско-логической (в значении двухместного предиката) литературе. Разумеется, такой подход не означает отрицания возможности исследований общественных отношений, на которые воздействуют правовые нормы, однако надо признать, что данная проблематика относится к области социологии права, а не правоведения в узком смысле, как науки о должном. Для описания же чисто юридических явлений категория общественного отношения не является необходимой. Представляется, что в силу указанных причин современному российскому правоведению следует использовать достижения советской теории правовых отношений, и оставить в прошлом содержащиеся в ней противоречия.

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Обязательства по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
2. *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
3. *Алексеев С. С.* Собр. соч. Проблемы теории права. Курс лекций. М.: Статут, 2010. Т. 3. 781 с.
4. *Вышинский А. Я.* Основные задачи советского социалистического права // Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 53–122.
5. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 305 с.
6. *Гревцов Ю. И.* Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 129 с.
7. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1949. 144 с.
8. *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
9. Круглый стол «Советского государства и права» «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–74; № 8. С. 48–77.
10. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 2002. 352 с.
11. *Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм // Избранные труды по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 32–181.
12. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
13. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 472 с.

14. *Савиньи Ф. К., фон.* Система современного римского права // Савиньи Ф. К., фон. Т. I: Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 248–509.
15. *Стучка П. И.* На пути к классовому пониманию права // 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. С. 40–101.
16. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1959. 88 с.
17. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
18. *Явич Л. С.* Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. 287 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Краевский Арсений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, a.krajewski@yandex.ru.

Kraevsky Arseny Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, a.krajewski@yandex.ru.

УДК 340.15

С. А. Дробышевский

К ДИСКУССИИ О ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. Рассмотрены разные концепции правотворчества. Учтены идеи как отечественных, так и зарубежных исследователей. Применены методы, адекватные решению указанных задач и обеспечивающие достоверность результатов исследования. В основу работы положено понимание права как норм, формулируемых органами управления всем обществом, выступающим в качестве самоуправляющегося социального объединения. Сделаны выводы, согласно которым история правотворчества начинается с возникновения самого так понимаемого человеческого общества, неизменно взаимодействующего с подобными социальными организмами на протяжении всего исторического развития. Причем этот факт должен быть принят во внимание как теоретиками, так и практиками правотворчества. Что касается последних, то они призваны при создании новых юридических норм исходить из столь широкой в историческом измерении практики правотворчества, беря из нее все ценное для нужд современных государств и учитывая ошибки своих предшественников без каких-либо исключений. Первые же должны помогать практикам в этом деле.

Ключевые слова: право, история общества, правотворчество, мононормы, обычное право, законодательство.

S. A. Drobyshevsky

TO THE DISCUSSION ON THE THEORY AND HISTORY OF LAW-MAKING

Abstract. Different concepts of law-making are considered. The ideas of both domestic and foreign researchers are taken into account. Methods adequate to the solution of these tasks and ensuring the reliability of the research results are applied. The work is based on the understanding of law as norms formulated by the governing bodies of the whole society, acting as a self-governing social association. Conclusions are drawn according to which the history of law-making begins with the emergence of the so-called human society, which invariably interacts with similar social organisms throughout the entire historical development. Moreover, this fact should be taken into account by both theorists and law-making practitioners. As for the latter, when creating new legal norms, they are called upon to proceed from such a broad practice of law-making in the historical dimension, taking from it everything valuable for the needs of modern states and taking into account the mistakes of their predecessors without any exceptions. The first ones should help practitioners in this matter.

Key words: law, history of society, lawmaking, mononorms, customary law, legislation.

Анализ дискуссии о теории и истории правотворчества актуален в силу нужд создания юридических норм как в современной России, так и за рубежом. Ведь это конструирование требует учета имеющихся теоретических подходов в указанном деле с целью формулирования лучшего права по сравнению с

© Дробышевский С. А., 2023

2023. Вып. 3 •

действующим. А такая задача неосуществима без выявления погрешностей и верных теоретических решений относительно правотворчества в истории и современности отечественными и зарубежными исследователями.

Таких решений предложено множество. При этом последующие мыслители для выработки собственных представлений, как правило, обращались к теоретическим разработкам своих предшественников. Так что степень разработанности исследуемой темы значительна. Однако считать, что в силу этого факта обсуждать дискуссию о теории и истории правотворчества неуместно, ибо не даст научной новизны, ошибочно. Причина проста. Всяких научный анализ, если он верно осуществлен, позволяет установить и исправить недостатки предшествующих.

Примененные в настоящем сочинении методы позволяют это сделать успешно. Ведь в данной работе используется вся их гамма, позволяющая со знанием дела подойти к постижению ее проблематики. При этом в основу методологии положен известный методологический принцип, что всякое научное суждение по его предмету отчасти содержит как субъективные моменты, привнесенные автором рассматриваемой идеи, так и объективные элементы, идущие от объекта авторского познания. Иными словами, из подвергнутых в последующем изложении теоретических подходов ни один не признается полностью ошибочным или всецело правильным.

Разумеется, это относится и к выводам, сделанным в настоящем сочинении. Тем не менее, они достоверны в том понимании, которого требует научная достоверность. Имеется в виду их логичность и учет ими реального правотворчества.

В той мере, в какой эти выводы отличаются от идей, использованных при их формулировании, и соответствуют действительной истории и нынешнему состоянию правотворчества, они обладают научной новизной. Практическая же значимость заключений, сделанных в настоящей работе, определяется предполагаемым ими расширением исторической сферы правотворчества на основе понимания права как общеобязательных для общества социальных норм, формулируемых суверенной властью отмеченного социального организма.

Что касается теоретических позиций в этом обсуждении, то существует концептуальный подход, разделяемый, в частности, А. И. Першицем. Имеется в виду то, что право возникает вместе с цивилизацией и государством как санкционированные последним монономы, превратившиеся путем этого санкционирования в правовые обычаи, «составившие старейший слой права» [13, р. 412]. К правовому обычаю в последующем «добавляются правовой прецедент и законодательный акт» [13, р. 413].

Как известно, с этим подходом несогласны многие ученые. «Теория мононорматики, – по словам А. А. Шепталиной, – довольно условно справляется с первоначальной задачей – обоснованием отсутствия права в доклассовом обществе. Несомненно, этот вопрос остаётся дискуссионным и в отечественной, и (в гораздо меньшей степени) в зарубежной историографии. Однако в динамике общий тренд очевиден: большинство зарубежных и все большее число российских исследователей в той или иной степени допускают... возможность использования термина “право” (право обычное, традиционное, туземное, примитивное, первобытное и т. п.) применительно к первобытности» [3, с. 92].

На факт, обусловивший действие отмеченной А. А. Шепталиной тенденции, ещё в 1977 г. указал К. Накхлех. По представлениям последнего,

«Першиц даёт нам дихотомию социальных санкций, основанную на предпосылке, что существует качественное различие между “доклассовыми” (...“догосударственными” или “первобытными”) и классовыми обществами... Однако... нет имеющих объективные причины критериев для классификации Першица» [13, р. 415].

Одна из теоретических позиций по обсуждающемуся вопросу, отличающихся от отмеченного воззрения А. И. Першица, отчасти выражена сформулированным Леонардом Адамом таким кратким заявлением. Свойственное первобытному обществу «неписаное право возникало в форме обычая» [4, р. 1221].

Это же мнение выразил Р. А. Познер. При этом он, считая обычное право как всю систему юридических норм первобытного общества точными правилами, сделал следующее замечание. «Чем более точным является правило, тем менее приспособляемо оно к изменяющимся обстоятельствам. Поэтому мы бы ожидали при системе точных правил наличие какого-нибудь метода для их быстрого изменения. У системы обычного права такого метода нет. Но это не является серьезной проблемой в статичном обществе. В таком обществе мала опасность, что правовое изменение будет отставать от социального изменения, производя те виды анахронизмов, которые в случае английского общего права (как и в случае римского права) создавали анализируемую Мэнном потребность в правовых фикциях, справедливости и законе, чтобы держать право на уровне современных требований... Очевидно, римское и английское общества изменялись быстрее, чем система целиком обычного права (нет фикций, нет справедливости) могла бы изменяться (что означает быстрее, чем изменяется типичное первобытное общество)» [14, р. 31–32].

Наличие только обычного права в условиях первобытности признавал и Г. В. Мальцев. По его словам, «обычное право появляется раньше государства... Было время, когда обычно-правовые системы функционировали в догосударственном обществе, черпая свою силу и действенность непосредственно из общественных структур» [1, с. 102–133]. Притом «уже до возникновения государства как особой политической организации человечество накапливает известный правовой опыт регуляции общественных связей нормами обычного права, которые возникли и оформляются в эпоху классовообразования и отражают сложную, запутанную и длинную практику этой догосударственной или предгосударственной стадии. Чисто внешнее различие между системами обычного и позитивного права заключается в том, что в первом случае нормы и институты права возникают органическим, стихийным способом, в порядке нормотворческой самодеятельности участников социального общения; во втором – они устанавливаются органами и лицами, на которых официально возложена такая функция и которые облечены специальной властью формулировать право (легислатура)... Системы обычно-правовых норм... формируются бессознательно и стихийно, трудно коррелируются со своими “создателями”, определёнными социальными группами... Главный аргумент, обычно выдвигаемый в доказательство отсутствия права в первобытных обществах, в том числе и тех, которые находятся на предгосударственных стадиях развития, состоит в утверждении, что там не было специального аппарата, способного принуждать к соблюдению правовых норм, т. е. государства с его функцией проводить в жизнь нормы права, опираясь на специально образованный для этого

репрессивный аппарат. Но... обычное право... может существовать и без него, используя механизм обеспечения норм, сформированный в самом обществе...

Этот механизм не устраняется с приходом раннего государства и лишь дополняется и дотраивается государственно-принудительными структурами, действующими в случаях неисполнения или нарушения норм. Основная нагрузка в работе по обеспечению реализации правовых норм, в сущности, падала на общественные, а не государственные механизмы» [1, с. 98; 101; 116]. Как полагал Г. В. Мальцев, в указанных условиях «уживались и взаимодействовали новое, раннегосударственное образование и старая, уходящая родоплеменная потестарная система, которая и была традиционной силой, обеспечивающей обычное право в группах, которые более или менее прочно объединены в рамках раннего государства... Наличие публичной власти – вот что прежде всего характеризует раннее государство в противоположность старым властным органам. В центре публичной власти стоит царь, король, князь и т. п., т. е. лицо, за которым признается право представлять “политические” интересы союзного единства групп вовне, самостоятельно принимать решения, касающиеся дел союза племён или иных групп, и осуществлять в рамках обычного права контроль за исполнением этих решений» [1, с. 118–120].

Изложенный теоретический подход, иллюстрированный цитатами из работ Леонарда Адама, Р. А. Познера и Г. В. Мальцева, не разделял Э. А. Хобель. По словам Л. Я. Поспишила, относительно первобытного общества Э. А. Хобель «отверг ошибочную позицию, часто занимаемую антропологами, социологами и философами, чей крайний акцент на точке зрения Дюркгейма “об обществе и общественных силах” вёл их к признанию того, что Стоун так подходяще назвал “законодательной импотенцией”» [15, р. 553; 18, р. 444.].

Э. А. Хобеля за это критиковали. Так, упоминавшийся Леонард Адам, выступая в роли рецензента книги Э. А. Хобеля «Право первобытного человека: исследование сравнительной правовой динамики», заявил следующее. «Профессор Хобель представляет интересную теорию о том, как [первобытное. – С. Д.] ... право первоначально возникло. Сначала указав, что первая необходимая функция права – это определять отношения между членами общества, он отмечает: “Никакая культура не имеет специфического начального пункта во времени. Однако при действии этой первой функции дела обстоят так, как будто бы люди собрались вместе и говорят друг другу: ‘Посмотрите сюда! Давайте здесь иметь малую организацию или мы никогда ничего не достигнем с этим беспорядком. Давайте иметь ясное понимание того, кто есть кто и что мы должны делать, а также того, как мы собираемся делать это’. По своему существу, это есть то, что теоретики общественного договора признавали в качестве основания общественного порядка”. Хотя эта теория и интересна, рецензент склоняется, скорее, к точке зрения Джорджа У. Пэйтона: “Часто спрашивают, убеждение ли порождает практику или практика убеждение. Если мы чересчур подчёркиваем первую альтернативу, то это наводит на мысль, что общество логически рассматривает свои проблемы и изобретает сознательно лучшие правила. Это есть ложная картина – рост многих обычаев есть результат не сознательного размышления, а пробной практики”» [4, р. 1221–1222].

Едва ли эта критика в адрес Э. А. Хобеля оправданна. Нельзя не признать, что в условиях первобытности – равно как и во всяких иных – «общество логически рассматривает свои проблемы и изобретает сознательно

лучшие правила». Что же касается «пробной практики», то она не может не быть сознательной.

Так обстоят дела потому, что люди – сознательные существа на всех этапах социального развития. Сознание же немислимо без постановки его носителями целей, формулирования в соответствии с последними норм будущего поведения соответствующих индивидуумов и проведения установленных правил в жизнь. Если у здорового, а не больного существа нет сознания, обязательно включающего указанные интеллектуальные и волевые возможности, то речь не может идти о человеке.

Вот почему нельзя согласиться с таким суждением. «Верно, конечно, что древний человек не ставил, да и не мог ставить себе цель создавать или вызывать посредством норм новые формы жизни» [1, с. 37].

В действительности он такие цели ставил и реализовывал в обществе с самого начала функционирования последнего. В противном случае социальный прогресс как все большее господство людей над собственной и внешней природой не осуществлялся бы и человечество не достигло бы цивилизованного состояния.

Только что подвергнутое критике заявление, по-видимому, разделяется М. А. Матвеевой и Р. В. Шагиевой. Такой вывод следует из их идеи, что при первобытном строе «в период становления государства... преобладал... обычно-правовой способ регуляции... Обычно-правовые системы складывались... путём полностью не осознаваемого, медленно ползущего процесса закрепления определенных форм поведения и адаптации их к природной и культурной среде с минимумом рисков и срывов. Системы обычно-правовых норм... формируются бессознательно и стихийно» [2, с. 8–9].

Если сделанное предположение верно, то нельзя согласиться и с приведённой идеей этих двух авторов. Ведь «древний человек... не мог» не «ставить себе цель создавать или вызывать посредством норм (в т. ч. юридических. – С. Д.) новые формы жизни».

По словам М. А. Матвеевой и Р. В. Шагиевой, «обычно-правовой способ регуляции не носил по своей сути правотворческого характера» [2, с. 8]. При этом под правотворчеством ими понимается ясно определенное социальное явление. «Речь идёт о сознательном, целенаправленном процессе создания или санкционирования правовых норм со стороны государственной власти, при котором создатель этих норм начинает заботиться об их принудительном обеспечении и который становится возможным лишь на определённом этапе развития общества, преобладая в современных условиях» [2, с. 9].

Идея об отсутствии правотворчества в первобытном обществе некорректна. Это объясняется тем, что любое нормативное регулирование, включая правовое, немислимо без создания новых правил поведения. Так как правовое регулирование здесь присутствует, существует и правотворчество. Причём этот логический вывод подтверждается имеющейся информацией о функционировании реальных отмеченных человеческих агрегатов.

Не случайно отрицание Э. А. Хобелем применительно к первобытному обществу упомянутого представления о «законодательной импотенции» базировалось на фактах. В частности, как он утверждал, «фактически совершенно очевидно, что среди первобытных людей... законодательство имеет... жизненно важное значение» [11, р. 107–108].

Притом надо отметить, что соответствующих фактов установлено немало. Например, по свидетельству Э. Кэмпбелла, «в первобытных обществах есть законодательство... у банту в форме королевских указов, у куба – в форме королевских статутов, у баротсе – в форме статутов короля... а также ... традиционное законодательство у тсвана» [8, р. 177; 7, р. 198; 5, р. 117; 9, р. 23, 69; 16, р. 41].

В частности, относительно последней этнической общности из указанных Э. А. Хобель написал следующее. «Профессор Шапера... ясно демонстрирует, что законодательная власть в руках вождя, которому дают совет его советники, является древней племенной практикой среди тсвана банту» [11, р. 107]. Другое дело, что «законодательная деятельность увеличилась с началом периода контакта с европейцами. Так обстоят дела не из-за какой-нибудь тенденции подражать западному законодательному зуду, но очевидно скорее потому, что приспособление к изменению стало более часто и сильно требуемым, чем в более ранние времена» [11, р. 108].

Факт правотворческой деятельности органов управления всем первобытным обществом выявил и сам Э. А. Хобель [10, р. 24]. Причём он это сделал с точным установлением её конкретных «обстоятельств, а также лиц, которые создали и ввели в действие новую норму права» [15, р. 553], предназначенную, выражаясь словами Э. Н. Аллотта, «для всеобщего будущего применения» [6, р. 52; 8, р. 178] и действительно применявшуюся таким образом [10, р. 146–49].

Естественно, что в свете приведённых данных присутствующая в рассматриваемой дискуссии идея, согласно которой все нормы первобытного общества появляются «спонтанно» [13, р. 416] и едва ли оправданно представлять первобытного человека в качестве «законодателя» [13, р. 411], может быть оценена только следующим образом. Она ошибочна.

И эту оценку разделял не только Э. А. Хобель. Скажем, по словам Л. Я. Поспишила, «мы имеем несколько примеров происхождения значительных правовых норм (в первобытном обществе. – С. Д.) ... все из которых произошли из решений вождей... а не в силу какой-то аморфной “спонтанности”» [13, р. 416]. Равным образом, как заметил У. Сигл, заявление, «что никакие “первобытные” народы (используя прилагательное “первобытные” в его общепринятом смысле) не имеют законодательства... является не соответствующим действительности» [17, р. 284].

Отсюда ясно, что история правотворчества начинается с возникновения самого человеческого общества, понимаемого как самоуправляющееся объединение людей, которое неизменно взаимодействует с подобными социальными организмами на протяжении всего ее хода. Причем этот факт должен быть принят во внимание как теоретиками, так и практиками правотворчества. Что касается последних, то они призваны при создании новых юридических норм исходить из столь широкой в историческом измерении практики правотворчества, беря из нее все ценное для нужд современных государств и учитывая ошибки своих предшественников без каких-либо исключений. Первые же должны помогать практикам в этом деле.

Библиографический список

1. Мальцев Г. В. Происхождение и ранние формы права и государства // Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2002. 832 с.
2. Матвеева М. А., Шагиева Р. В. Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения // Государство и право. 2014. № 12. С. 5–3.
3. Шенгалин А. А. Теория мононорматики в дискуссии о происхождении права: pro et contra // Государство и право. 2017. № 4. С. 90–93.
4. Adam Leonard. Review: The Law of Primitive Man. Study in Comparative Legal Dynamics. By E. Adamson Hoebel. Cambridge: Harvard University Press, 1954. P.VIII, 357 // The Yale Law Journal, Vol. 64, № 8 (Jul., 1955). P. 1219–1222.
5. African Law: Adaptation and Development. Ed. by H. Kuper and L. Kuper. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1965. 288 p.
6. Allott A. N. The Limits of Law. L.: Butterworths, 1980. 322 p.
7. The Bantu-Speaking Tribes of South Africa. An Ethnographical Survey. Ed. by I. Schapera. London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1937. 453 p.
8. Campbell A. International Law and Primitive Law // Oxford Journal of Legal Studies. Vol. 8. № 2 (Summer), 1988. P. 169–196.
9. Gluckman M. The Judicial Process Among the Barotse of Northern Rhodesia. Manchester: Manchester University Press, 1967. XXV. 469 p.
10. Hoebel E. A. The Law of Primitive Man. Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge: Harvard University Press, 1954. VIII. 357p.
11. Hoebel E. A. Review of the Book «Tribal Legislation among the Tswana of the Bechuanaland Protectorate: A Study in the Mechanism of Cultural Change» by I. Schapera // American Anthropologist. New Series. Vol. 48. № 1 (Jan.–Mar.) 1946. P.107–108.
12. Paton G. W. A Text Book of Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1951. 527 p.
13. Pershitz A. I., Back Lucien R.; Claessen Henry J. M; Fuchs, Stephen; Gellner, Ernest; Hewes, Gordon W.; Koch, Klaus-Friedrich; Nakhleh, Khalil; Nishimura, Asahitaro; Pospisil, Leopold; Singer, Norman J. The Primitive Norm and Its Evolution // Current Anthropology. Vol. 18. № 3 (Sep.) 1977 (and Comments). P. 409–417.
14. Posner R. A. A Theory of Primitive Society, with Special Reference to Law // Journal of Law and Economics. Vol. 23. № 1 (Apr.) 1980. P. 1–53.
15. Pospisil Leopold. E. Adamson Hoebel and the Anthropology of Law // Law and Society Review. Vol. 7. № 4 (Summer). 1973. P. 537–560.
16. Schapera I. A Handbook of Tswana Law and Custom. Second Edition. London: Oxford University Press for International African Institute, 1955. 328 p.
17. Seagle William. Primitive Law and Professor Malinowski // American Anthropologist, New Series, Vol. 39, № 2 (Apr.–Jun., 1937). P. 275–290.
18. Stone Julius. The Province and Function of Law. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1950. 918 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Дробышевский Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, sergiidrobicevski@gmail.com

Drobyshevsky Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, sergiidrobicevski@gmail.com

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОМЕРНОСТЬ» В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА: СХОЖЕСТЬ И РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ И ГРАНИЦАХ

Аннотация. В статье на компаративистской основе обобщен опыт проводимых в СССР и современной России исследований правомерного поведения как социально полезной и наиболее распространенной разновидности юридически значимого поведения. Рассмотрены особенности данного процесса в условиях идеологической заданности правового регулирования советского общества и в современный период так называемого идеологического плюрализма. Обращено внимание как на изменения в понятийно-категориальном аппарате отечественной юриспруденции относительно поведенческой проблематики, так и в подходах в классификации правового поведения, выделения в нем «пограничных» зон, возросшего интереса к его нетипичным формам, в том числе к алармистскому поведению.

Ключевые слова: правомерность, правовое поведение, правомерное поведение, противоправное поведение, нетипичные формы правового поведения, алармизм.

V. V. Oksamytnyi

THE CATEGORY OF "LAWFULNESS" IN THE SOVIET AND MODERN DOMESTIC THEORY OF LAW: SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN UNDERSTANDING AND BOUNDARIES

Abstract. The article summarizes on a comparative basis the experience of research conducted in the USSR and modern Russia on lawful behavior as a socially useful and the most common type of legally significant behavior. The features of this process are considered in the conditions of ideological determination of the legal regulation of Soviet society and in the modern period of the so-called ideological pluralism. Attention is drawn both to changes in the conceptual and categorical apparatus of domestic jurisprudence regarding behavioral issues, and in approaches to the classification of legal behavior, the allocation of "border" zones in it, increased interest in its atypical forms, including alarmist behavior.

Key words: lawfulness, legal behavior, lawful behavior, illegal behavior, atypical forms of legal behavior, alarmism.

Проблематика конференции определяет направленность дискуссии по вопросам общей преемственности отечественного правоведения либо по отдельным аспектам соотношения правовой реальности прошлого и настоящего. Выбор в пользу категории «правомерность» определился, прежде всего, непосредственной вовлеченностью в процессы, которые происходили в советской юридической науке в конце прошлого столетия в связи с обращением к проблеме личности как правовой ценности. И хотя в последующем собственные профессиональные пристрастия сменили ориентиры в пользу сравнительного правоведения и юридической компаративистики, связанность с поведенческими проблемами в праве сохранилась и проявляется в регулярных выступлениях

на научных форумах и в публикациях, как в научных статьях и монографиях, так и в учебниках и учебных курсах по теории государства и права.

В советской теории права интерес к правомерному поведению как юридическому феномену и правовой реальности активно проявляется в 70–80-е гг. прошедшего столетия, и тому могут быть ряд причин, среди которых обратим внимание на следующие.

Происходит привлечение теоретической науки к исследованию личностных аспектов правового поведения как реакция на повсеместное акцентирование внимания к правовому воспитанию и, в целом, широкой идеологически поддержанной кампании за усиление правовой пропаганды и правового обучения. Принимается ряд постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и других руководящих советских органов по расширению и углублению правового воспитания населения как «неотъемлемой части коммунистического воспитания масс», проводятся союзные, республиканские и иные конференции, совещания, чтения, «круглые столы». В них обращается внимание и на необходимость научной разработки проблем правовоспитательной деятельности, выявления и углубления процессов становления и развития уважительного отношения граждан к советскому закону и социалистическому праву вообще.

Следует отметить, что в советской юридической науке до рассматриваемого периода преобладал криминологический уклон в изучении правовой личности. Интерес к правонарушителю, конечно же, был закономерным и понятным, поскольку его знание, изучение причин противоправного поведения были и остаются аксиомными задачами противостояния преступности. Тем не менее актуализировался и вопрос, почему в одной и той же ситуации определенные лица нарушают правовые препоны, а другие – остаются на стороне закона.

С одной стороны, вполне обоснованным рассматривалась необходимость создания обобщающей дисциплины в рамках юридической науки, которая поставила бы своим изучением осмысливание явлений, предшествующих и способствующих противоправному поведению.

В то же время всё явственнее звучали голоса о том, что с не меньшим основанием следует выдвигать и отстаивать задачу формирования самостоятельного, фундаментального и перспективного научного направления, которое включало бы в себя всестороннее исследование комплекса общих проблем, связанных с должным (законопослушным, правособразным, правомерным) поведением.

Закономерно, что начинает становиться все более настоятельной проблема обращения к поведению юридически значимому и социально полезному. Особое место в изменении позиции юристов-теоретиков принадлежало мэтрам советской юридической науки, таким как С. С. Алексеев, В. В. Лазарев, О. Э. Лейст, Е. А. Лукашева, В. Н. Кудрявцев, Н. С. Малеин, И. С. Самощенко [1; 4; 6; 7; 8; 13]. Известный ученый-правовед академик В. Н. Кудрявцев в одной из своих работ особо подчеркивал: «Правовое поведение – это, по существу, единство противоположностей, изучать которые необходимо в тесной взаимосвязи между собой и с условиями жизни общества» [5, с. 6].

Соответственно, расширяются исследования, связанные с правовым поведением вообще, правосознанием различных групп населения, состоянием их правовой культуры. Изучение регулирующей роли правосознания

способствовало выяснению закономерностей поведения личности в правовой сфере, что, однако, ни в коей мере не снижало актуальности всестороннего и самостоятельного исследования правомерного поведения, выделения его в качестве объекта изучения теории права.

Перемены в подходе к правовому поведению как многосоставному явлению, не ограниченного лишь противоправными проявлениями, дают толчок всестороннему исследованию природы и социального значения правомерности как социальной ценного явления.

Как результат, интерес правоведов к данной проблематике значительно возрос. Он проявился в работах, посвященных общим вопросам правомерного поведения (О. П. Алейникова, В. М. Баранов, Н. Н. Вопленко, Т. А. Гуменюк, С. И. Сабикенов, Р. К. Русинов и др.). Свидетельством научной актуальности и практической значимости исследования вопросов правомерного поведения в правоведении становится целый ряд диссертационных разработок различных аспектов данной проблемы, в частности, закономерностям формирования правомерного поведения, понятию и сущности, социальной ценности; изучению его побудительных сил, социально-психологических и информационных факторов становления и обеспечения такого поведения, проблемам социально-правовой активности личности (Е. В. Аграновская, Ж. Д. Бусурманов, С. Н. Кожевников, Е. К. Нурпеисов, Л. Д. Чулюкин, В. М. Шафиров, Н. В. Щербакова и др.)

Мне «повезло» быть в их круге. И монография, и докторская диссертация по правомерному поведению личности были представлены как раз на рубеже между советским и постсоветским периодами российской правового государства, потому они в определенной мере отражали и уровень подхода к поведенческим аспектам в отечественной юридической науке [10; 11].

Дабы не заниматься самопиаром, приведу цитату из издания, подготовленного В. М. Сырых и посвященному юристам второй половины прошлого столетия. Я оказался упомянутым там, во многом, именно благодаря разработке основ правомерности: «В. В. Оксамытный впервые в советском правоведении провел комплексное исследование правомерного поведения, в котором заложил основы теории правомерного поведения личности как одного из компонентов общей теории права» [2, с. 321–322]. Конечно же, следует оспорить «впервые» и заменить более политкорректным словосочетанием: «в числе тех, кто...».

И все-таки, если обобщать в целом вклад советских ученых-юристов в становление данной теории, то можно выделить следующее:

- получило теоретическое обоснование учение о правомерном поведении как интегрирующее направление в рамках общей теории права;
- были раскрыты аксиологические качества правомерного поведения, исходя из его понимания как социально полезного, социально приемлемого и социально допустимого;
- проведены различные классификации правомерного поведения, в том числе в зависимости от мотивов и качества деятельности субъекта права;
- выделена социально-правовая маргинальность как «промежуточное», «переходное» состояние между двумя основными видами правового поведения, представляющими правовую ценность и правовую антиценность.

Указывалось на необходимость комплексного изучения такого явления как социологией права, так и криминологами, психологами и другими специалистами. Результатами объединенных усилиями могли быть

научно обоснованные прогнозы о вероятности, распространенности, направленности и характере такого поведения;

- раскрывались проблемы, связанные с пониманием социально-правовой активности как самостоятельной и инициативной деятельности личности в сфере правового регулирования.

Предполагалось, что дальнейшее развитие теоретических основ «правомерности» как юридической категории будет идти по пути:

- преодоления фрагментарности и недостаточности научных знаний о механизмах формирования и осуществления «правосообразного» поведения;
- выявления закономерностей распространения его «ареала»;
- исследования причин и факторов социальной, социально-психологической и иной детерминации общественно полезного поведения;
- изучения современных форм его проявления;
- более глубокого анализа «пограничной зоны» между основными формами юридически значимого поведения.

Практически так и складывается дальнейшее исследование феномена «правомерное поведение», исходя из объективных, неидеологизированных критериев его понимания на основе отказа от прежних изживших себя стереотипов мышления, массовости, добровольности, убежденности, ответственности и активности личности в своих действиях.

Так, с середины 90-х гг. прошлого столетия тема «Правомерное поведение» становится обязательной составной частью структуры учебников по теории государства и права наряду с главой о правонарушении. Вначале осторожно «правопослушная» тематика вклинивается в эту классическую часть учебной дисциплины, а затем и получает право на самостоятельное существование. Таким образом, на учебном уровне проводится анализ и противопоставление в юридически значимом поведении двух его антагонизмов.

В изучение различных сторон правомерности в правовой сфере, требующих уточнений или изменений, исходя из современных российских реалий, вовлекаются многочисленные исследователи нового поколения (среди них: Е. Ю. Зарубаева, Е. А. Зорина, М. Н. Карамнов, Е. Л. Ковалева, С. В. Конарев, А. С. Морозов, В. В. Парфенов, Д. И. Рукавишников, О. В. Семенова, Е. В. Титова, Н. И. Тюрина, Н. Ю. Фролова и др.).

От констатации существования такого явления как правомерное поведение и разнообразия его мотивов намечается переход к анализу практического проявления, которое фиксируется ныне гораздо большим разнообразием исследуемых видов правомерности:

- по степени значимости (необходимое, желательное, допустимое);
- по активности субъектов (социально активное, привычное, конформистское, маргинальное);
- по способам правового регулирования (в рамках запретов, дозволений или предписаний);
- по отраслевому признаку (в рамках конституционного, административного, финансового, уголовного и иных отраслей права);
- на основе межотраслевых связей (в рамках публичного, частного или процессуального права);

- по связи с правоотношениями (в рамках и вне рамок правовых отношений);
- по сфере деятельности (правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, контрольно-надзорная и т. п.);
- по форме реализации правовых норм (соблюдение, исполнение, использование);
- по субъектному составу (индивидуальное, коллективное);
- в зависимости от сферы проявления – внутригосударственной и международной (правомерное поведение современных государств).

Отмечается развернутое исследование субъективной стороны правомерного поведения (обращение к его внутреннему содержанию, воле, сознанию, психологическим устоям, мотивам, правовым эмоциям и т. п.).

Продолжено выявление пограничных проявлений правомерности, прежде всего, в виде маргинального поведения, которое рассматривается ныне отдельным видом юридически значимого поведения, имеющим как позитивное, так и негативное значение.

Отстаивается теоретическая и практическая актуальность выделения автономных и самостоятельных видов правового поведения, среди правомерного и противоправного форм выводятся промежуточные разновидности, которые пока еще не приобрели свое общепринятое объединенное понятие.

У некоторых исследователей это – «неправомерное поведение» или «юридически нейтральное поведение» [14, с. 31], с чем трудно согласиться, поскольку в большинстве случаев его фиксации законодательство реально не нарушается, однако регулирование реальных поступков происходит с помощью иных побуждающих сил.

Более адекватным видится собирательное название таких разновидностей как *нетипичные формы правового поведения*.

Среди них:

- *социально вредное поведение*, осуществляемое в рамках правовых норм (таким рассматривается злоупотребление правом, когда субъект, действуя в пределах правовых дозволений, совершает поступки, вступающие в противоречие с социальным назначением права);
- *виктимное поведение* как отклоняющееся от норм безопасности деятельности человека, которое приводит его к повышенной уязвимости как потенциальной жертвы правонарушения;
- *объективно-противоправное невинное поведение*, в котором отсутствует общественная вредность деяния;
- *действия в обход закона* как, в частности, «сделки, являющиеся сами по себе не противозаконными, но заведомо направленными к достижению результатов, не допускаемых законом»;
- *поведение вследствие правовой ошибки* как поведение лица в силу неверного представления о действительном (истинном) юридическом или фактическом характере (свойствах) деяния и его последствий;
- *поведение лиц, отбывающих наказание*, когда оно представляет собой разновидность особого правового статуса в зависимости от видов наказания;
- *посткриминальное поведение*, т. е. неправомерное поведение после окончания этапа исполнения решения о совершении деяния;

Эти поведенческие проявления разнородны, их антиценность для общества с учетом специфики проявления далеко не всегда рассматривается однозначно.

В число нетипичных форм, на наш взгляд, вписывается и *алармистское поведение*, пока еще не нашедшее должного уровня изучения. Отношение к алармизму как социально-правовому явлению также проходило разные фазы внимания. Прослеживается явное недопонимание сути алармистского поведения, мешают определенные шоры, привычные оценки, которые окружают такое явление. Что и стало стимулом остановиться на этом специально и подробнее.

Как уже отмечалось, не всегда первоначальное название термина определяет его сущность, но зачастую именно остается с ним на долго, нередко (зачастую) препятствует каким-либо изменениям в сложившемся понимании явления, его современным интерпретациям. Вспомним, например, происхождение и последующее использование в юридическом языке таких полисемичных понятий, как комиссия, декларация, дуализм, задержание и т. п.

В этом отношении явно «не повезло» алармизму. Его название прочно вошло в понятийный ряд, связывающий с паникой, истерическим настроением, неоправданной тревогой и т. п. Однако в ходу понятия не только «экологического», «парникового», «зеленого» алармизма, выводятся и обосновываются «либеральный», «антропологический», «финансовый» алармизм. А в средствах массовой информации находим и такие трафаретные выражения: «В Кремле не видят поводов для излишнего алармизма из-за инфляции в России», «Кремль не нашел повода для алармизма из-за ослабления курса рубля» и т. п. Собственно, алармист трактуется все еще по Далю, который в позапрошлом столетии рассматривал такое лицо как человека, «который все государственные и народные события гласно и шумно толкует в дурную сторону, пророча беду и тревожа этим общество» [3]. Алармизм – стало быть, это чрезмерная тревожность, реакция человека на происходящие вокруг него негативные события или прогнозы. Алармисты – это «всепропальщики» или люди, которые видят лишь трагический сценарий для человечества.

Тем не менее, алармизм упоминается информационным носителем и для идентификации иных явлений в обществе. Моя задача – сделать еще одну попытку реабилитировать, внести иные точки сопоставления, дать объективную характеристику такого социального феномена.

Рассматривая на компаративистской основе отношение к правомерности в двух временных измерениях, характерных нашему обществу, государству и праву, обратим внимание на следующее. До не столь давнего времени мы свыкались с ложно понимаемыми социальными приоритетами и ценностями, требовавшими непременно и во всем официозного единомыслия, и парадного, декларированного единства. На практике такой подход создавал особый тип личности, наделенной чертами "патриотического конформизма" [9, с. 458–459]. Последний, основывался на якобы безраздельно разделяемыми всеми без исключения единообразии мнений, суждений и действий, на некритическом отношении к государственно-правовым реальностям. Этот тип навязывался всему обществу под видом идеала как четко "знающего свое место", активно одобряющего все решения, постановления и инструкции.

Вывод напрашивается следующий: «алармисты», во-многом будоража окружающих своими поступками, необходимы современному обществу.

Поскольку их активность – это опережающее поведение тех, кто рискует, кто ранее других стал действовать. Отсюда вытекает и следующее определение такого социального явления в современной жизни как алармистское поведение – *основанная на мотивированном риске социально полезная деятельность, субъекты которой предполагают (или должны предполагать) возможность наступления за нее неблагоприятных последствий* [12, с. 264–265].

Упомянутые направления в исследовании собственно социально полезного и смежным с ним иных форм поведения в сфере права вызываются как практикой, так и теоретическими пробелами в самом механизме правового регулирования общественной и государственной жизни.

Эти процессы свидетельствуют о реальной необходимости объединения ведущихся разработок и координации тематики дальнейших исследовательских усилий в познании столь сложного явления, каким предстает правопослушное поведение.

Заключая перечисление практических шагов в исследовании самой категории «правомерность» и социально полезного поведения как явления, следует сказать, что столь по времени давно предсказанное оформление теории правомерного поведения в современном российском правоведении все еще продолжается. Процесс выявления различных сторон этого социально-юридического феномена происходит с учетом проведенных в 70–80-е гг. изысканий и промежуточных выводов. Стало быть, есть и поле, где развернуться пытливым исследователям.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве: монография. М.: Юрид. литература, 1989. 288 с.
2. Видные ученые-юристы России (Вторая половина XX в.): Энциклопедический словарь биографий / под ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2006. 548 с.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2023. 640 с.
4. *Кудрявцев В. Н., Малеев Н. С.* Закон и пределы правомерного поведения // Сов. гос-во и право. 1980. № 10. С. 31–38.
5. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология: моногр. М.: Наука, 1982. 287 с.
6. *Лазарев В. В.* Правомерное поведение как объект правомерного исследования // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 29–37.
7. *Лейст О. Э.* Методология исследования правомерных и неправомерных действий в развитом социалистическом обществе // Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма / под ред. А. И. Денисова, О. Е. Кутафина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 149–168.
8. *Лукашева Е. А.* Механизм воздействия норм социалистического права на сознание и поведение человека // Проблемы советского социалистического права в современный период. Некоторые теоретические вопросы / под ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1969. С. 186–204.
9. *Оксамытный В. В.* Общая теория государства: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 591 с.
10. *Оксамытный В. В.* Правомерное поведение личности: моногр. Киев: Наукова думка, 1985. 175 с.
11. *Оксамытный В. В.* Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. К.: ИСМ АН УССР, 1990. 42 с.
12. *Оксамытный В. В.* Риски в праве: временные координаты в контексте алармистского поведения // Юридическая техника. Ежегодник. № 13. Риски в

законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления. Н. Новгород: НГА МВД России, 2019. С. 262–265.

13. Самощенко И. С. О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей // Известия вузов. Правоведение. 1967. № 1. С. 29–38.
14. Степаненко Р. Ф. Современная концепция маргинального поведения в общей теории права: дискуссионные аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 34–38.

Сведения об авторе / Information about the author

Оксамытный Виталий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета, Московский университет им. А. С. Грибоедова, г. Москва, Россия, oksvv@list.ru

Oksamytnyi Vitaly Vasilievich – Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Theory and History of State and Law Department, Faculty of Law, A. S. Griboedov Moscow University, Moscow, Russia, oksvv@list.ru

УДК 340.1

А. В. Аверин

**ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО ПОДХОДА
К ПОНИМАНИЮ ПРАВА
ПРОФЕССОР М. И. БАЙТИН (1921–2008)
О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ
И ПРЕДМЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Аннотация. Актуальность проблемы, обсуждаемой на конференции, не вызывает сомнений. Преемственность – эволюционное свойство динамично развивающейся социальной жизни, важнейшей составляющей которой является научная мысль. В этой связи исключительно ценным для правовой науки представляется связь поколений, когда научные идеи, взгляды, концепции, сформулированные предшественниками, подхватывают потомки с тем, чтобы развивать дальше научную мысль. Одним из видных представителей отечественной теоретико-правовой мысли является профессор Михаил Иосифович Байтин, который ревностно отстаивал чистоту правовой науки и её квинтэссенцию – учение о праве.

Ключевые слова: право, научная мысль, правовая наука, преемственность, взгляд, концепция.

А. V. Averin

**THE FOUNDER OF THE MODERN NORMATIVE APPROACH
TO UNDERSTANDING LAW,
PROFESSOR M. I. BAYTIN (1921–2008)
ON THE METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE AND SUBJECT
OF THE GENERAL THEORY OF STATE AND LAW**

Abstract. The relevance of the problem discussed at the conference is beyond doubt. Continuity is an evolutionary property of a dynamically developing social life, the most important component of which is scientific thought. In this regard, the connection between generations is extremely valuable for legal science, when scientific ideas, views, concepts formulated by predecessors are picked up by descendants in order to further develop scientific thought. One of the prominent representatives of the Russian theoretical and legal thought is Professor Mikhail Iosifovich Baytin, who zealously defended the purity of legal science and its quintessence – the doctrine of law.

Key words: law, scientific thought, legal science, continuity, view, concept.

Одним из видных отечественных теоретиков права является академик РАН, академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Михаил Иосифович Байтин – ученик выдающегося отечественного правоведа профессора Н. Г. Александрова. М. И. Байтин, занимаясь разработкой проблем права, неизменно чтя своего учителя, отмечал, что

многие идеи Николая Григорьевича Александрова сохраняют свою актуальность и получают дальнейшее развитие в трудах его учеников.

Являясь учеником и последователем идей М. И. Байтина, автор настоящей статьи в полной мере относит сказанное и к творческому наследию своего учителя. При этом научной судьбе Михаила Иосифовича было угодно, чтобы в нелёгкие годы испытаний для отечественной науки в целом, и для правовой науки в частности, в годы разрухи в экономике, политике, в идеологии, и, как результат, в сознании, в том числе – научном, он выступил одним из немногих, кто отстаивал ценность и значимость научных методов познания, которые были сформулированы советской правовой наукой, сформулировал основные постулаты современного нормативного подхода к пониманию права, всячески боролся с размыванием понятия сущности права, отстаивал ценность общей теории права, как науки и педагогической дисциплины.

Некоторым базовым идеям проблем правопонимания, а также проблем отечественной правовой науки, которые были разработаны учителем, в свете современного состояния правовой мысли посвящается настоящая статья.

Один из постулатов, который М. И. Байтин во время незабываемых лекций в Саратовском юридическом институте им. Д. И. Курского – ныне Саратовская государственная академия права произносил, выдерживая паузу и театральным образом поднимая руку с вытянутым вверх указательным пальцем, звучал следующим образом: «Право – не облако в штанах». Отстаивая чистоту правовой теории, Михаил Иосифович интеллигентно, корректно, но при этом непримиримо и принципиально вступал в полемику с любым учёным – правоведом, если только видел в предлагаемых теоретических концептах признаки «размывания» сущности права. В этом плане «доставалось» и его именитым ученикам, в частности профессору В. К. Бабаеву. Но наиболее жёстко в своей монографии «Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) [2, с. 82–147] он вёл дискуссию с академиком В. С. Нерсесянцем, ярким представителем либертарной концепции правопонимания.

Очевидно, что для науки жизненно необходимы различные точки зрения, взгляды, подходы, касающиеся всех граней бытия, но при этом не менее очевидным является и тот факт, что теория должна существовать для жизни и ради жизни, то есть, не быть «облаком в штанах».

В качестве иллюстрации продолжения научных традиций правовой школы Н. Г. Александрова и М. И. Байтина, предлагается авторская позиция по базовым вопросам понимания сущности права, обозначенная в виде дискуссии с представителями либертарной концепции, отстаивающими свои представления о происхождении права, а также о соотношении права и закона [1, с. 6–27].

Происхождение права – методология познания. Вопрос о происхождении права представляется ключевым в понимании его сущности. При этом в поиске ответа на него существует два различных подхода. Первый – наиболее распространённый – от теоретических предпочтений в понимании права к поиску объяснения его генезиса. Второй – противоположный, заключается в поиске закономерностей, благодаря которым в человеческом общежитии должен был появиться данный регулятор общественных отношений, а это означает, что при втором подходе выявление причин происхождения права не

связано с научными пристрастиями учёного в вопросах понимания права, и вообще, очень условно связано с правом. Условность проявляется в том, что возникновение права, как социального регулятора, происходит постепенно и, что вполне очевидно, «не на голом месте», но в отсутствие самого права. Его возникновение является результатом действия природных закономерностей, которые могли проявиться при стечении определённых условий. Причины возникновения явления ещё не представляют собою это явление, которое должно сначала возникнуть, затем пройти путь формирования и становления, прежде чем пылливый ум учёного-теоретика получит возможность разглядеть его сущность. Право как специфический социальный регулятор появляется там и тогда, где и когда закономерности социального развития «вызвали его к жизни», поскольку иные, уже существующие социальные регуляторы (предтеча права – по М. И. Байтину) не в полной мере «справлялись» с важнейшей своей функцией, позволяющей социуму, достигшему определённого уровня развития, далее существовать и динамично развиваться.

В этой связи ответ на вопрос о возникновении права следует искать не в сформулированных концепциях правопонимания, а напротив, выстраивать представление о праве, опираясь на познание причин и условий его возникновения, выявленных на основе закономерностей существования неживой, живой и социальной природы. Указанный подход носит методологический характер, а игнорирование данного обстоятельства лишает научную мысль объективного критерия оценки полученных знаний о происхождении права.

Обратимся к мнению основателя либертарно-юридической концепции права по этому вопросу. По утверждению В. С. Нерсисянца, «каково понимание сущности права и государства (и, следовательно, их понятие), такова и соответствующая концепция их происхождения и назначения, соответствующая трактовка процесса их возникновения и развития» [11, с. 46]. «Разнообразие этих теорий обусловлено как сложностью данной проблемы и пробельностью знаний о той далекой эпохе генезиса права и государства, так и существенным различием исходных позиций авторов соответствующих теорий, различием их мировоззрения, идеологии, социально-политических взглядов и устремлений, разным пониманием самой сущности, назначения и судеб права и государства» [11, с. 40]. Трудно не согласиться с высказанным мнением по поводу разнообразия научных представлений об условиях и причинах возникновения права. Безусловно, точным замечанием является и то, что многообразие теорий происхождения права и государства обусловлено «исходными позициями авторов соответствующих теорий...» Однако правильно ли будет соглашаться с такой постановкой вопроса? Можно ли воспринимать в качестве состоятельных версии об условиях и причинах возникновения природных явлений (например, торнадо), если эти версии построены не на основе знаний о природных закономерностях, накопленных метеорологией, а лишь на основе наблюдения за проявлениями разрушительной силы торнадо? При подобном подходе наличие у наблюдателей «разного мировоззрения, идеологии, социально-политических взглядов и устремлений, разного понимания самой сущности, назначения и судеб» конкретного природного явления усугубляет проблему, но вовсе не разрешает её. Что же касается верного утверждения о пробельности знаний о той далекой эпохе генезиса права и государства, то оно как раз и указывает нужный вектор поиска ответа на поставленный вопрос.

Научные поиски причин возникновения права, его истоков и возможных проявлений его младенческого состояния не должны испытывать на себе критического влияния теоретических предпочтений исследователя в вопросах понимания права и государства, поскольку эти «предпочтения» не исключают, а, напротив, становятся причиной предвзятости и ограниченности научного поиска. В свою очередь, отсутствие желания «подогнать под свои взгляды» исторический материал, а также наличие единого научного инструментария и относительно общепринятых базовых (основных) представлений о науке и обществе не могут не привести к таким выводам о происхождении права и его генезисе, которые не будут иметь существенных (принципиальных) различий, типа: представляет ли собой Земля плоский диск, который расположен в центре мироздания и стоит на слонах и черепахе [8] или это планета шарообразной формы, являющаяся элементом солнечной системы. Такой подход к изучению проблемы происхождения права, когда учёный приступает к поиску ответа на вопрос о причинах и истоках происхождения права, отталкиваясь от принятой им платформы понимания права, неизбежно приведёт к тому, что «расхождения в трактовке проблем генезиса права в рамках разных типов правопонимания будут носить существенный, принципиальный (то есть сущностный) характер» [7, с. 444].

Либертарная концепция В. С. Нерсесянца понимает под правом лишь нормы, основанные на принципе формального равенства, а также исходит из того, что «этот сущностный признак права присутствует уже на самых начальных этапах правогенеза, отличая эти нормы от иных социальных регуляторов» [7, с. 448]. В этой связи с позиций либертарного правопонимания «происхождение права представляло собой процесс разложения первобытных отношений, базирующихся на неравенстве, и постепенное формирование новых общественных устоев, основанных на принципе формального равенства» [7, с. 449]. При этом фактическое равенство невозможно в принципе, поскольку равенство может быть только формальным [13, с. 84–92], и именно благодаря своей формальности (абстрагированности от «фактического») «равенство может стать и реально становится средством, способом, принципом регуляции «фактического», своеобразным измерителем всей «фактической» действительности» [12, с. 19]. Принимая в качестве исходной позиции утверждение о том, что генезис права связан с возникновением отношений между свободными и равными субъектами (общинами в рамках дуального союза), делается вывод о том, что «социогенез, правогенез и политогенез зародились практически одновременно и из одного источника – дуальной структуры первичного первобытного социума» [7, с. 468].

Для выявления правогенеза с позиций либертарной концепции существенное значение имеют следующие её выводы:

- 1) Право (в отличие от иных нормативных регуляторов) с самого начала возникло как форма выражения формального равенства, обеспеченная адекватной (то есть правовой по своей природе) институциональной формой публично-властной поддержки (сначала протогосударственной, а затем государственной)» [7, с. 468].
- 2) Формирование права и государства было, скорее, исключением, к числу которых «можно отнести историю возникновения права и государства у древних греков, римлян, германцев, заложивших основы ... всего

современного понимания того, что есть, собственно говоря, право и государство» [7, с. 469].

- 3) Свобода (свободные индивиды) появляется в процессе разложения первобытнообщинного строя с дифференциацией его членов на свободных и рабов, то есть свобода появляется в социальной жизни одновременно со своей противоположностью – с несвободой, носителями которой выступали рабы. Таким образом, необходимым условием возникновения права и государства как формы свободы является наличие социально значимой группы свободных индивидов и их принципиальной противоположности – несвободных (рабов) [10, с. 235].

Последовательно придерживаясь логики построения предложенной аргументации, следует согласиться с выводом о том, что необходимым условием возникновения права (как общеобязательной формы равенства, свободы и справедливости [12, с. 39]) является наличие социально значимой группы свободных, равных и справедливых индивидов и их принципиальной противоположности – несвободных, неравных и несправедливых, который (вывод) в свою очередь, не может не вызвать серьёзных возражений. Дифференциация любого социума по названным критериям с необходимостью приведёт к возникновению вопроса, ответ на который давно и хорошо известен этологии – науке о поведении животных в социальной среде [6, с. 352], согласно которой поведение субъектов социума определяется закономерностями, в том числе и социальными, одной из которых является формирование иерархии доминирования. Окружающая среда формирует поведение субъекта, который может лишь условно оказывать на неё обратное воздействие. Сознание (образ мысли) конкретного субъекта или группы людей – результат проявления функции приспособления, базирующейся на определённых инстинктах. Любое социальное образование не может существовать без соответствующего ему порядка организации, а, следовательно, без системы регулирования отношений и связей. Эта система регуляции предопределена законами неживой, живой и социальной природы, а конкретные (сложившиеся и устоявшиеся) правила поведения апробированы практикой жизни данного социума в конкретных условиях окружающей его действительности.

В. С. Нерсисянц, «действуя в соответствии с добрыми традициями философии права 18 в., априорно выделил принципы формального равенства, свободы и справедливости в качестве сущности права. Названные принципы, как и любое иное априорное знание, плохо согласуются с реальными процессами и явлениями» [14, с. 272]. Таким образом, если исходить из того, что право является одним из **состоявшихся** социальных регуляторов, возникших на определённом этапе развития человеческой популяции как проявление социальных закономерностей, а, именно, тогда, когда предшествующие ему регулятивные механизмы перестали адекватно отвечать уровню общественных отношений и запросам общества, которое изменилось количественно и качественно, то свобода, равенство и справедливость теряют свой сакральный смысл первопричины и сущности права.

Методология выявления соотношения права и закона. Либертарная концепция к одной из фундаментальных проблем понимания сущности права относит проблему соотношения права и закона, суть которой сводится к тому, что закон может быть как правовым, так и неправовым. Объективным критерием правомерности закона выступает естественное право, «постулаты которого человеческому сообществу давно хорошо известны: жажда мира,

потребность в питании, половое влечение, желание жить в обществе [9, с. 9], свобода, равенство, семья, частная собственность, достоинство, безопасность, вера в добродетель и справедливость, сопротивление гнёту и т. п.» [5, с. 37–38]. Поскольку представители современного нормативного подхода к пониманию права критически относятся к квинтэссенции естественно-правовой доктрины, согласно которой в обществе помимо позитивного права одновременно существует и «идеальное» – естественное право, которое оказывает (или должно оказывать) воздействие на позитивное право в целях его совершенствования, то, вполне понятно и их негативное отношение к идее либертарной концепции, согласно которой единственным критерием правового является естественное право, а всё, что ему не соответствует, правом считаться не может.

Абстрагируясь от многочисленных теоретических построений либертарной концепции, в обоснование которых приведены всевозможные доводы и аргументы, в поиске научной истины не может не возникнуть один простой вопрос: **как это работает?**

Если речь идёт о том, что «естественное право» оказывает или должно оказывать постоянное воздействие на позитивное право (в классическом варианте естественно-правовой доктрины), то с этой абстрактной идеей можно и не спорить, поскольку на позитивное право, безусловно, оказывает воздействие общественное сознание, в котором отражается представление людей о свободе, равенстве, справедливости и иных вечных и неизменных истинах, составляющих «не изменяющееся во времени и пространстве естественное право» [5]. Однако, согласно либертарной концепции позитивного права может и не быть, а общественные отношения (в этих случаях) регулируются неправовыми законами. Для подобной гипотетической ситуации возникает всё тот же вопрос: а что же право (в либертарном смысле), где оно, как оно работает в такой ситуации? Ведь если оно не работает, то и без него в общественном сознании есть представления о добре и зле, о свободе и рабстве, о равенстве и неравенстве, о справедливости и несправедливости и т. п., то есть общество может дать оценку существующей системе регулятивных норм без ссылки на «вечно и неизменно существующее трансцендентальное явление».

Профессор Ю. И. Бытко обстоятельно подверг критике научные взгляды М. И. Байтина, отстаивая идеи либертарной формально-юридической концепции В. С. Нерсесянца. Но так ли убедительна и последовательна предложенная в этой критике логика доводов и аргументов, которые позволили сделать вывод о том, что при беспристрастном рассмотрении позиция М. И. Байтина в определении права представляется «не только небесспорной, но и достаточно уязвимой» [5, с. 39]?

Квинтэссенция понимания права, выработанная М. И. Байтиным, нашла отражение в следующем определении: «право – это система общеобязательных, формально-определённых норм, которые выражают государственную волю общества, её общечеловеческий и классовый характер, издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения, являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [2, с. 80]. По существу, в данном определении *под правом понимается такой социальный регулятор, который представляет собой систему юридически значимых правил*

поведения (норм права). Раскрытие содержательной стороны трёх характеристик права – регулятивность, системность и юридическая нормативность является способом уяснения сущности права в его трактовке, которая дана представителями современного нормативного правопонимания.

В чём же проявилась «небесспорность и достаточная уязвимость» предложенной трактовки правопонимания? По утверждению Ю. И. Бытко, «Во-первых, М. И. Байтин соединил государство и общество, как и великий Сократ. ... М. И. Байтин считает право государственной волей всего общества и поэтому отождествляет общество и государство, хотя в действительности они не совпадают. В то же время он строго отграничивает нормы права (позитивное право) от норм, не являющихся правом (с. 40) ... Во-вторых, нельзя согласиться с М. И. Байтиным в том, что право является государственной волей общества. ... Противоречивость определения права по М. И. Байтину заключается в том, что оно (позитивное право) не может выражать волю всего общества, как не может одновременно выражать волю всего общества и иметь *классовый* характер. Право может иметь или классовый характер (в условиях общества с рыночными отношениями), или быть общенародным (в условиях классического утопического коммунизма). ... В-третьих, М. И. Байтин воздвигает непреодолимую преграду между позитивным правом и другими правовыми явлениями... Он считает недопустимым различие права и закона, «правового закона» и «неправового закона» ... Этот учёный не признаёт за естественным правом значение права в юридическом смысле» [5, с. 39–57].

Изучение содержательной стороны приведённого в этой критике обоснования сделанных заключений позволяет прийти к выводу об их несостоятельности. Ограниченность объёма настоящей публикации не позволяет провести скрупулёзный и доскональный анализ всех доводов, аргументов и цитат, предложенных профессором Ю. И. Бытко, в связи с чем остановимся на наиболее существенных.

Утверждение о том, что М. И. Байтин отождествляет общество и государство, поскольку считает право государственной волей всего общества, выглядит сколь некорректно, столько и алогично. Очевидно, что, занимаясь теоретическими проблемами государства и права (с 1951 г.), защитив в 1973 г. диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Государство и политическая власть», опубликовав в 1979 г. монографию «Сущность и основные функции социалистического государства», а также продолжая проводить глубокие научные исследования по проблемам государства и права и на момент появления в 2005 г. лекции Ю. И. Бытко «Справедливость и право», то есть, занимаясь более 50 лет на высоком научном уровне изучением теоретических и практических проблем государства и права, можно полагать, что М. И. Байтин имел-таки некоторое представление о различии государства и общества. Никакого тождества между ними из его определения права вовсе не следует. Минимально необходимая информация, для уяснения вывода о том, что право – это государственная воля общества, дана на с. 60–63 «Сущности права» – издания 2005 г., и какого-либо дополнительного разъяснения (ввиду своей предельной ясности) она не требует. Почему государственная? Потому что внешнее оформление позитивного права предполагает наличие соответствующих государственных институтов и процедур. Почему воля общества, а не класса? Потому что на современном этапе развития цивилизации, в государствах с демократическим режимом по

разрешению вопросов социального регулирования созданы условия для формирования мнения всего общества, а не отдельного класса. В каком месте рассуждений М. И. Байтин дал основания для заявления о том, что он не замечает разницы между обществом и государством, иными словами – отождествляет их?

Помимо неосновательного заявления о тождестве государства и общества, которое якобы следует из определения права, предложенного профессором М. И. Байтиным, в качестве ошибочности (недостатка) нормативной концепции права указано «строгое отграничение нормы права (позитивное право) от норм, не являющихся правом»[5, с. 40].

Что касается отграничения нормы права от норм иных нормативных регуляторов, то без такого отграничения научные исследования права немыслимы. Вопрос об уровне «строгости» такого отграничения в критике Ю. И. Бытко остался открытым, в связи с чем, предположительно, речь идёт о принципиальной позиции М. И. Байтина, который отстаивает жизнеспособность правовой теории, то есть оберегает научное представление о праве от его «размывания», превращения в нечто аморфное, киселеобразное или в «облако в штанах». Ведь, на самом деле, следует видеть разницу между нормами права, с одной стороны, и иными нормами социальной регуляции, например, нормами морали, религии, корпоративными нормами и т. д. Вместе с тем, вопрос о «строгости отграничения» правовых норм, которая проявляется в научных взглядах представителей современного нормативного подхода к пониманию права, предельно ясно разрешается утверждением профессора М. И. Байтина, согласно которому «Сущность и содержание права определяются не только экономическим строем данного общества, но и политикой, моралью, правосознанием, наукой, культурой, религией и всеми другими реалиями социальной жизни, достигнутым уровнем цивилизации» [2, с. 61].

Чрезвычайно важным моментом в подходе к пониманию сущности права является отношение М. И. Байтина к естественно-правовой доктрине. По этому вопросу он, в частности, пишет: «Особого внимания заслуживает такой духовный общечеловеческий фактор, вот уже несколько столетий оказывающий мощное влияние на формирование и развитие права, как учение о естественных, прирождённых, неотчуждаемых правах человека, которые должны лежать в основе позитивного права, официально действующего в данном государстве. Лишь в этом случае последнее, согласно естественно-правовой доктрине, признаётся соответствующим человеческому разуму, природе человека и потому гуманным и справедливым» [2, с. 61]. И далее: «Собственно вопрос – соответствует или не соответствует право того или иного государства идеям признания и охраны прирождённых, фундаментальных прав и свобод человека и гражданина – стал фактически международно-признанным критерием определения демократической или тоталитарной природы данного государства и права» [2, с. 62].

В этой связи видится крайне сомнительным упрек в адрес М. И. Байтина о «строгом отграничении нормы позитивного права от норм, не являющихся правом».

Тесно связано с первым замечанием и утверждение Ю. И. Бытко о том, что тезис «право является государственной волей общества» научно

несостоятелен. Суть обширных рассуждений и цитат по этому поводу сводится к тому, что общество неоднородно, общая воля – как воля большинства или тех, кто сумел заставить считать себя за большинство – несправедлива, государственная воля либо зависит от воли классов (специфических объединений), но тогда она не воля общества, а воля классов, либо не зависит от воли классов, но тогда получается, что классы не входят в состав общества, поскольку право – государственная воля общества...

Завершается указанный фрагмент критики утверждением, что определение права, предложенное М. И. Байтиным, отличается противоречивостью, поскольку позитивное право не может выражать волю всего общества, поскольку в условиях общества с рыночными отношениями право может иметь лишь классовый характер, то есть выражать волю (гегемонию) класса. В свою очередь «немножко классовым оно быть не может так же, как не может быть осуждённый немножко судимым, а женщина немножко беременной» [5, с. 45].

Использованный иронично-саркастический стиль скорее не усиливает, а ослабляет и без того сомнительную аргументацию. Очевидным является тот факт, что каждый человек – индивидуальность, все люди разные, у каждого постоянно возникают, корректируются и исчезают желания, цели, жизненные ориентиры, у каждого свои запросы и потребности, каждый имеет своё миропонимание и самооценку, и так далее. Что из этого следует? Что невозможно существование социума? Нет, конечно, социум существует. Или невозможно регулировать поведение людей правилами, одинаковыми для всех? Тоже нет. Возможно. Есть такие регуляторы. А может в обществе быть такое состояние, чтобы общие правила нравились всем членам общества? Опять-таки нет. Такого по определению быть не может (смотри вводную часть настоящего абзаца). Разве из этого следует, что не может быть общей воли в социуме? Каким бы парадоксальным не выглядел ответ на этот вопрос, но историей человечества он дан давно и однозначно – социум существовать не может без наличия общей воли в социуме. Он просто распадется, поскольку любое общество постоянно сопровождают два вида угроз – внутренние и внешние.

В свете сказанного было бы наивно полагать, что под волей в обществе в определении права, предложенным М. И. Байтиным предполагается 100 % голосов, поданных «за» конкретную норму права, а, тем более, за право, как систему юридических норм. Конечно же, такой примитивизм невозможен в теоретических изысканиях. Под государственной волей общества, воплощённой в праве, понимается материализованное представление общества о порядке и характере тех правил, которые необходимы для регулирования общественных отношений. Социальная практика, в том числе последнего времени, красноречиво свидетельствует о том, что в обществе (в том числе с высоким уровнем экономики и высоким уровнем жизни) не бывает единодушия. Взять, к примеру, последние выборы Президента США, когда общественное мнение о результатах выборов раскололось пополам. Но общественный выбор сделан. И, несмотря на отсутствие единодушия, а, скорее, несмотря на то, что общество раскололось примерно пополам, общая воля установлена. Она обозначена. Она оформлена. То есть, она легитимирована, несмотря на то, что почти половина членов общества не согласна с её значением.

Поэтому формула, согласно которой право – это государственная воля общества, имеет право на жизнь, поскольку она строго логична и соответствует современным жизненным реалиям.

Третий блок доводов, которые (по убеждению Ю. И. Бытко) разрушают логически стройную концепцию современного нормативного правопонимания, состоит в том, что М. И. Байтин: а) считает недопустимым различие права и закона; б) призывает преодолеть противопоставление естественного и позитивного права, одновременно отказывая в возможности деления права на естественное и позитивное, выступая по этому поводу с критикой В. К. Бабаева; в) не отождествляет право и справедливость; г) ставит в тупик своим суждением о генезисе правоотношений.

Изучение аргументов в пользу сделанных выводов однозначно свидетельствует о том, что в основе своей эти аргументы не касаются закономерностей, а носят декларативный, политико-популистский, лозунговый характер. Несмотря на то, что предложенные рассуждения свидетельствуют о ярко выраженной позиции гражданина, искренне переживающего за права, свободы и качество жизни простого человека в своём Отечестве, и со многими из этих рассуждений следует быть солидарным, тем не менее, они не опровергают научную логику взглядов представителей современного нормативного подхода к правопониманию, и, главное, не дают оснований для того, чтобы можно было в этой логике усомниться.

Яркой иллюстрацией может служить фраза, пафосно провозглашаемая Ю. И. Бытко: «Законодатель должен быть *«связан»* естественным правом: нельзя принимать закон, противоречащий этому праву; никакие чрезвычайные обстоятельства не должны отменять это право (нападение врага – исключение в отношении воинов врага); нормативный акт, противоречащий постулатам этого права, должен быть отменён *народом* в соответствии с процедурой, предусмотренной конституцией, а в случае утверждения реакционного режима власти – посредством осуществления акта необходимой обороны (право на восстание)» [5, с. 46]. Ну, красиво же! Один вопрос: как этот спич реализовать на практике?

Может быть, детально разработать, а затем ювелирно и педантично изложить естественное право в виде какого-то особого документа, чтобы было чем «связывать» законодателя? Но ведь «с тех пор, как провозглашённые естественно-правовой теорией законы, синтезирующие общечеловеческие представления об идеях и принципах морали и правосознания, впервые получили выражение в качестве государственной воли в одном из замечательных документов Великой французской буржуазной революции – Декларации прав и свобод человека (1789 г.), они прошли большой и сложный путь, ознаменовавшийся их международно-правовым признанием в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и в последующих развивающих её международно-правовых и внутригосударственных документах о правах и свободах личности» [2, с. 61–62]. Может это не то? Тогда как? Продолжать воспринимать естественное право в качестве абстрактного идеала, всеобщей идеи или абсолютной нормы, которой все нижестоящие нормы должны подчиняться? Но в таком случае насколько отличными будут эти научные взгляды от «основной нормы» в философской конструкции Ганса Кельзена?

В трактовке современного нормативного правопонимания никакого тождества между правом и законом не проводится, поэтому утверждение, что М. И. Байтин считает недопустимым различие права и закона, высказано не по адресу. Как раз наоборот, конструкт либертарной концепции предполагает

существование такого тождества, если «закон правовой». Из концепции, чётко изложенной М. И. Байтиным, довольно ясно следует, что право и закон – не одно и то же, и вместе с тем, между правом и законом не может существовать непреодолимой пропасти (что, с позиций либертарной концепции, является очевидным, если закон «неправовой»). Право – система юридических норм, закон – одна из форм, посредством которых юридические правила поведения находят своё внешнее выражение. В реальности, в практике человеческого общежития, на самом деле, а не в облаках или абстракциях, право должно быть материализованным, чётко и понятно выражено вовне, оно не может представлять собой лишь энергию мысли. Именно этого лишено так называемое естественное право, которое и не право вовсе в юридическом смысле.

Конструктивную критику, высказанную М. И. Байтиным относительно научных взглядов своего ученика – В. К. Бабаева, который с целью ухода от споров между представителями «узкого» и «широкого» правопонимания предложил «разделить» право на естественное и позитивное [2, с. 54–56], Ю. И. Бытко отнёс к одному из примеров противоречий, поскольку, с одной стороны, М. И. Байтин утверждает, что «нынешнее нормативное понимание права исходит из единства естественного и позитивного права» [2, с. 56], с другой – критикует В. К. Бабаева за предложение разделить право на естественное и позитивное, а с третьей – не признаёт за естественным правом его юридических свойств, то есть не считает его правом в юридическом смысле, то есть, по сути, отделяет естественное право от позитивного.

В свою очередь, в изложенной М. И. Байтиным аргументации никаких противоречий не содержится, а её недопонимание Ю. И. Бытко вызвано кардинальным расхождением в понимании базовых категорий.

Краеугольный камень современного нормативного подхода к пониманию права состоит в том, что право в юридическом смысле – право позитивное. Это официально-властный регулятор общественных отношений, который представляет собой систему общеобязательных правил поведения, выраженных вовне в письменном виде посредством форм права. Нет никакого другого юридического права в объективном смысле. «Естественное право – не право в юридическом смысле, а представляет собой связанные с позитивным правом проявления (формы) общественного сознания, прежде всего правосознание и мораль. Поэтому нет причин для рассмотрения как естественного права в качестве самостоятельной системы права, существующей и действующей наряду с позитивным правом, так и основанных на данной посылке обобщений, относящихся к праву вообще» [2, с. 55]. Вместе с тем, на современном этапе развития цивилизации существуют условия, позволяющие воплотить в жизнь идеи гуманистов далёкого прошлого, а именно создать механизмы, позволяющие в процессе правотворчества и правореализации проверять отдельные правовые нормы на соответствие их позитивному праву по критерию истинности [2, с. 69; с. 73]. Проводимые научные исследования проблем истинности норм права, разграничении истинных норм от норм ложных [4] находятся в плоскости соотношения позитивного права и естественного права, если при этом исходить из того, что критерием истинности правовых норм является выработанные современной цивилизацией «провозглашённые естественно-правовой теорией законы, синтезирующие общечеловеческие представления об идеях и принципах морали и правосознания».

В свете сказанного следует однозначный вывод и о том, что позитивное право не синонимично справедливости. В плоскости проблемы, заявленной

Ю. И. Бытко, камнем преткновения для либертарной концепции является то, что справедливость не тождественна не только позитивному, но и естественному праву, если не возводить справедливость в некий трансцендентальный абсолют, существующий вне социальных реалий и не соотносящийся с правосознанием людей. Не может быть одинакового представления о справедливости у разных обществ, не может быть одинакового представления о справедливости у одного общества, но в разные времена, не может быть одинакового представления о справедливости в одном обществе, в одно и то же время, но у разных людей, групп и образований.

Несостоятельность абстрактной категории справедливости, эксплуатируемой либертарной концепцией, проявляется немедленно, как только попытаться её с заоблачных философских вершин спустить на грешную землю. Любая постановка вопроса в привязке к жизненным реалиям приводит к исчезновению красивого и желанного миража. Например, справедливо ли получать за свой труд достойную денежную компенсацию? Скорее всего – да. Справедливо ли коллективным трудом зарабатывать доход, который можно получить в виде дополнительных бонусов к зарплате? Ну, да, наверное. А справедливо ли, что только небольшая часть общества может работать в ограниченной сфере, где существует возможность получения очень большого дохода, например, связанной с полезными ископаемыми, а другая часть общества такой возможности не имеет? Вроде бы нет, но, тогда как быть с первыми двумя «да»? А справедливо ли то, что сверхдоходы существуют в силу действия экономических законов? В реальной жизни «всеобщую» справедливость можно создать либо в воображении, либо с применением абсолютной силы, которая уничтожит индивидуальную уникальность каждого человека. Поэтому нормативный подход к пониманию права не может отождествлять систему юридических правил поведения с миражом или философской абстракцией.

Вызывает соответствующее постановке вопроса недоумение и по поводу утверждения Ю. И. Бытко, согласно которому: «Суждения сторонников нормативного правопонимания о генезисе правоотношений и их соотношении с общественными отношениями подчас ставят читателя в тупик. В частности, М. И. Байтин пишет: «Разумеется, нормы права не создают правоотношений, последние возникают из реальных общественных отношений» [3, с. 146]. Безусловно, правоотношения не создаются нормами права. Однако нет сомнения, что общественные отношения – суть правовые отношения и уже поэтому не могут порождать друг друга, они не находятся друг с другом в генетической связи» [5, с. 50–51].

По поводу «тупика» действительно спорить трудно, только стрелы пущены не в тот огород. В этой связи приписывание М. И. Байтину мыслей, согласно которым право является источником общественных отношений [5, с. 47] столь же неосновательно, сколько и не корректно. А вот утверждение сторонников либертарной концепции, согласно которым общественные отношения – суть правоотношения, действительно, не могут не поставить в тупик, поскольку, согласно этой позиции, все общественные отношения являются правовыми. Неужели все? Мы-то знаем, что не все. Но тогда не все общественные отношения следует считать правовыми, а лишь те, на которые оказало воздействие право, но тогда общественные отношения и право представляют собой разные явления, о чём и говорит М. И. Байтин.

Научные взгляды, которые формировались в дореволюционное, советское и постсоветское время, дают достаточно чёткое представление о том, что научная мысль, базирующаяся на познанных законах природы и закономерностях бытия, выдерживает любые социальные катаклизмы и не подвержена воздействию политической и любой иной «конъюнктуры».

Библиографический список

1. *Аверин А. В.* Справедливость и правопонимание, или Об аргументах «уязвимости» концепции правопонимания профессора М. И. Байтина // *Сущность права: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, [И. Н. Сенякина]*; Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. 313 с.
2. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
3. *Байтин М. И.* Теория государства и права: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: ООО ИД «Право и государство», 2001. 413 с.
4. *Баранов В. М.* Истинность норм советского права: Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.
5. *Бытко Ю. И.* Справедливость и право: лекция. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 76 с.
6. *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Издательство Петроглиф, 2009. 352 с.
7. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Рос. академия правосудия, 2012. 580 с.
8. *Мильков В. В., Полянский С. М.* Космологические произведения в книжности Древней Руси / М. Н. Громов. СПб.: Издание Товарищества «Мирь», 2008. 650 с.
9. *Монтескье.* Дух законов: кн. I / пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вст. ст. Д. Хаустова. М.: РИПОЛ классик, 2019. 690 с.
10. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 560 с.
11. *Нерсесянц В. С.* Теория права и государства: учеб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
12. *Нерсесянц В. С.* Философия права: учеб. для вузов. М.: Норма, 2005. 656 с.
13. *Нерсесянц В. С.* Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992. 34 с.
14. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. Т. 1. 528 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Аверин Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор юридического института Владимирского государственного университета, г. Владимир, Россия, avaverin@mail.ru

Averin Alexander Valentinovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Law Institute of Vladimir State University, Vladimir, Russia, avaverin@mail.ru

УДК 340.123

П. А. Пронин

ДОСТОИНСТВА И КРИТИКА ЛИБЕРТАРНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В. С. НЕРСЕСЯНЦА

Аннотация. В работе рассматривается либертарная теория права, автором которой является академик Владик Сумбатович Нерсесянц. Нерсесянц, разделяя все предшествующие теории правопонимания на две группы: юснатурализм и юспозитивизм, воспринимает свою теорию качественно новой, отличающейся от естественно правовой теории, критикуемой автором ввиду слияния понятия права и морали, а также дуализма права и закона. В свою очередь уникальность теории отстаивается, во-первых, за счет определения сущности права через принцип формального равенства, содержание которого раскрывается в триединстве всеобщей равной меры, свободы и справедливости, а, во-вторых, в разделении права и закона. Либертарная теория подвергается критике в научном сообществе в первую очередь ввиду нежелания автора признавать ее ответвлением естественно-правовой мысли, с которой либертарная теория имеет много общего, а также за размытость отличий права и иных социальных норм. Либертарная теория права, несмотря на свои недостатки, представляет большой научный интерес в первую очередь как противовес слепой и негуманной по своей сути этатистской теории.

Ключевые слова: либертарная теория права, формальное равенство, естественное право, теории правопонимания, равенство, свобода, справедливость.

P. A. Pronin

ADVANTAGES AND CRITICISM OF THE LIBERTARIAN THEORY OF LAW BY V. S. NERSESYANTS

Abstract. The article examines the libertarian theory of law, the author of which is academician Vladik Sumbatovich Nersesyants. Nersesyants, dividing all the previous theories of legal understanding into two groups: usnaturalism and uspositivism, perceives his theory as qualitatively new, different from the natural legal theory criticized by the author due to the fusion of the concepts of law and morality, as well as the dualism of law and law. In turn, the uniqueness of the theory is defended, firstly, by defining the essence of law through the principle of formal equality, the content of which is revealed in the trinity of universal equal measure, freedom and justice, and, secondly, in the separation of law and law. Libertarian theory is criticized in the scientific community primarily because of the author's unwillingness to recognize it as an offshoot of natural law thought, with which libertarian theory has much in common, as well as for the blurring of differences between law and other social norms. The libertarian theory of law, despite its shortcomings, is of great scientific interest primarily as a counterbalance to the blind and inherently inhumane statist theory.

Key words: libertarian theory of law, formal equality, natural law, theories of legal understanding, equality, freedom, justice.

Длительное господство марксистско-ленинского узко-нормативного восприятия права в СССР создало почву для развития в научной среде новых

теорий правопонимания в естественно-правовом духе, направленных на осмысление сущности права и соотношения его с законом. Одной из таких оппозиционных теорий является либертарная теория права, разработанная академиком В. С. Нерсесянцем в 1990-х гг.

Нерсесянц, обосновывая необходимость выделения своей самостоятельной теории права, разделял все предыдущие теории на две группы: юснатуралистическую и легистскую. Безусловно, каждая из данных групп, по мнению академика, отличалась большим количеством недостатков, хотя и имела свои положительные стороны, такие как основной вклад в развитие доктрины и догм права у позитивистов и выделение естественных прав в совокупности с борьбой с государственным произволом у юснатуралистов [9, с. 10]. Так, позитивистская теория критикуется за слияние права и закона, в силу ее основного постулата, который может быть сформулирован как: «приказ суверена – есть закон». Естественно-правовая теория подвергается критике в первую очередь за одновременное признание естественных прав, присущих человеку с рождения, и позитивного права, устанавливаемого государством и, как правило, оформляющего естественные права. Во вторую очередь данная концепция критикуется за размытость отличий между правом и иными социальными регуляторами вроде морали и религии. Здесь же можно заметить, что Нерсесянц пишет о такой характерной черте современной правовой действительности правового государства, при которой естественное право является ориентиром для позитивного, формируемого в соответствии с ним и, соответственно, закрепляющего естественно-правовые нормы, что уже не позволяет говорить о смешении права и морали. При этом В. С. Нерсесянц отмечает, что данный компромисс, заключающийся в требовании соответствия позитивного права естественному, не дает непротиворечивой концепции правового закона [9, с. 10], хотя, обращаясь, например, к Г. Радбруху, мы видим критерии правового закона, а именно соответствие принципам, составляющим естественное право, а также меры, принимаемые по отношению к неправовому, вопиюще несправедливому закону – неприменение его правоприменителем [13, с. 226]. В научной литературе также отмечается односторонний характер в подобном разделении типов правопонимания, ввиду идеалистичности рассматриваемых полярных по отношению к друг другу концепций, через призму которых рассматривается правовая действительность [15, с. 60].

Взамен данным теориям правопонимания Нерсесянц предлагал разработанную им либертарную концепцию понимания права, согласно которой сущность права трактовалась как формальное равенство, заключающееся в триединстве всеобщей равной меры, свободы и справедливости. Рассмотрим в свою очередь каждый из данных элементов по отдельности.

Равенство в понимании Нерсесянца представляет собой некую абстракцию, сравнимую с математическим равенством в уравнениях, в том, что по сути своей не является ни фактическим, ни правовым. Однако правовое равенство не является такой же выраженной абстракцией как математическое и имеет свое четкое основание в виде индивидуальной свободы независимого субъекта права в рамках единой нормы и единого масштаба. Право, основанное на принципе равенства, в свою очередь не исключает фактического неравенства между людьми, оно лишь формализует и структурирует данные различия в рамках общего, равного формального основания, преобразуя неопределенные фактические различия в формализованные неравные права равных и свободных индивидов [10, с. 21]. На практике данные положения

должны реализовываться следующим образом: выявляются различные группы индивидов, исходя из различий между данными группами, и к каждой из групп применяется необходимое правовое регулирование. Остается открытым вопрос о сущности данных различий, что необходимо учитывать при разграничении свободных индивидов.

Вспоминая критику естественно правовой теории, высказанную Нерсесянцем, а именно нечеткость оснований для различия морали и права [9, с. 10], можно высказать ответную критику о характерности деления общества на различного рода группы для их регулирования для всех социальных норм, будь то нормы морали, религии, этикета. Поэтому критерий формального равенства нельзя считать особенным признаком права, выделяющим его на фоне остальных норм.

Говоря о правовом равенстве субъектов, В. С. Нерсесянц в первую очередь говорит о равенстве их правоспособности, т. е. потенциальной возможности приобретения прав на различные объекты и блага, при последующем возможном различии в субъективных правах. Однако все равно остаются некоторые вопросы, а именно, как положение о правоспособности, в либертарной теории воспринимает лиц недееспособных? Каково положение несовершеннолетних и лиц, ограниченных в дееспособности или признанных недееспособными? Они исключены из сферы действия права и не являются субъектами права? Интересно отметить также, что, исходя из определения и приводимых примеров о возможности приобретения отдельных средств производства, В. С. Нерсесянц говорит исключительно о гражданско-правовой правоспособности, оставляя иные ее трактовки, в частности правоспособность политическую. Так, например, несовершеннолетнее лицо может быть признано полностью дееспособным (в гражданско-правовом понимании дееспособности) в случае эмансипации или заключения брака, однако не будет обладать политической правоспособностью, в частности не будет иметь активного избирательного права. При этом даже лицо, достигшее гражданско-правовой дееспособности в результате своего восемнадцатилетия, также не сможет в полной мере реализовать свою политическую правоспособность в силу отсутствия пассивного избирательного права, ввиду более высокого возрастного ценза.

Свобода, как следующая составляющая формального равенства, тесно взаимосвязана с всеобщим масштабом и равной мерой права, которыми в свою очередь она оформляется за счет запретов и дозволений [10, с. 23]. Фактически Нерсесянц выделяет три разновидности свободы исходя из соотношения с всеобщим масштабом и равной мерой права: 1) элитарное представление о свободе, как о «свободе» без равенства, 2) рабское представление свободы, как уравниловки или «иллюзорного фактического равенства» и 3) представление о свободе, высказанное В. С. Нерсесянцем в виде афоризма: «Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы» [10, с. 23]. При определении свободы большое внимание Нерсесянцем в очередной раз уделяется собственности. Формирование свободной личности, являющейся субъектом права, как пишет В. С. Нерсесянц, имеет определенную связь с признанием лица субъектом отношений собственности [10, с. 36]. Сама по себе собственность образует один из столпов свободы и права, представить которые в случае угнетения права собственности невозможно [10, с. 36].

Важное значение свободе придает В. В. Лапаева, называя свободу основанием уравнивания в праве, что отличает принцип формального равенства от математической абстракции [5, с. 24]. Лапаевой при этом выводится формула свободы: «свобода одного человека может быть реализована до тех пор, пока она не нарушает свободу другого человека и те ценности общего блага, которые являются условием реализации свободы» [5, с. 24]. При этом Лапаевой отмечается, что обличие свободы зависит от того какой смысловой нагрузкой общество наделяет данное понятие, ввиду чего оно может представлять в виде формулы талиона, «возвышенного» категорического кантовского императива, а также в правовых нормах.

Нерсесянц, констатируя необходимость свободы и независимости людей друг от друга для признания формального равенства фактически различающихся людей, называет свободу критерием определения правосубъектности лица, поскольку только свободные люди могут быть субъектами права [8, с. 9]. Данному положению можно найти подтверждение в действующем законодательстве. Так лицо несвободное в результате физического принуждения не подлежит уголовной ответственности согласно ст. 40 УК РФ, также как не несет ответственности лицо, не исполнившее обязательство ввиду непреодолимой силы, в соответствии со ст. 401 ГК РФ. Однако, как следует рассматривать случаи ответственности лиц «не свободных» в первую очередь от различных сторонних обстоятельств? Если мы говорим о принципе безвиновной ответственности, характерном для гражданского права и доктринально отстаиваемом в конституционном праве [14, с. 104], то критерий свободы лица не будет играть столь значимую роль для определения его в качестве субъекта права.

Интересным представляется взгляд на свободу через призму соотношения права и морали в трудах Н. В. Варламовой. Так, свобода в рамках правовой нормы, предполагает возможность совершать те действия, на которые направлена воля человека, ограничивая их только формально равной свободой других членов общества [3, с. 94]. В свою очередь нормы морали предполагают реализацию свободы индивида через интересы общества, которым отдается приоритет [3, с. 94].

Формальная справедливость по В. С. Нерсесянцу это «абстрактно-всеобщая, одинаково равная для всех мера и форма дозволений, запретов и т. д., исключая чьи-либо привилегии» [9, с. 4]. Именно вокруг справедливости строится отделение права и закона, являющееся ключевым моментом либертарной теории. Так, справедливость, представляя собой правовую характеристику, будучи внутренним свойством и качеством права, является частью понятия права, которое само по себе по определению справедливо. Ввиду этого, автор либертарной теории предлагает воспринимать вопрос о справедливости или несправедливости закона в качестве вопроса о соотношения закона с правом: является ли он правовым или нет [10, с. 28].

Нерсесянц отстаивает исключительно правовой характер справедливости, ввиду того, что допущение возможности ассоциации справедливости с неправовым (нормами морали, религии, этики и т. д.) влечет за собой признание права несправедливым, а неправовое наоборот источником справедливости, подверженном субъективизму, ввиду отсутствия принципа всеобщности и равенства, присущих праву [10, с. 31–32]. Помимо этого, проводя отграничение справедливости и иных компонентов формального равенства, как правовой категории, от неправовых социальных регуляторов, В. С. Нерсесянц акцентируют также внимание на формализованной, абстрактно-всеобщей

форме права [9, с. 5]. В данном случае с автором либертарной теории можно поспорить. Во-первых, нельзя отрицать возможность всеобщности социальных неправовых норм для отдельных социальных общностей (Нерсесянц, в свою очередь, также говорит не о едином обществе, а о наборе отдельных социальных групп, на которые распространяются нормы права), во-вторых, в частности на практике не во всех случаях правовые нормы отличаются от неправовых большей или даже равной формализованностью. Так, религиозные нормы будут более формализованными, чем правовые предписания, заключенные в таком источнике, как правовой обычай.

Как уже было сказано основным отличием либертарной концепции от естественно правовой является устранение дуализма позитивного и естественного права в виде выделения т.н. «правильного» (т. е. соответствующего естественно-правовым принципам) и «не правильного» закона, путем различения права и закона. Право в рамках данной концепции представляет собой принцип, совокупность правил и норм должного порядка действительности, в то время как закон выступает в качестве властного акта, либо соответствующего праву, либо не соответствующего и от того являющегося неправовым [4, с. 71].

Самостоятельность и обособленность либертарной теории может быть поставлена под вопрос. Основное направление критики связано с претензией данной теории на самостоятельность от классических позитивистской и юснатуралистской теорий. Действительно, сложно не заметить большое количество оснований сходства либертарной теории и естественно правовой теории. Так, право в рамках «нормативистского» юснатурализма определяется, как отмечает А. В. Поляковым и Е. В. Тимошиной, через всеобщую и необходимую меру свободы, равенства и справедливости [11, с. 99]. Архипов С. И. указывает на использование Нерсесянцем категориального ряда юснатурализма, а также на схожесть в основной идее – попытке вывести различия права и закона [1, с. 9]. О. В. Мартышин, в свою очередь, критиковал либертарную концепцию за чрезмерное увлечение либертаристами определением всеобщего критерия права, которое привело к гипертрофированию философской части права в понимании Канта и Гегеля [7, с. 10–11]. Жесткой критике либертарная концепция подвергается со стороны М.И. Байтина, которым констатируется, во-первых, дезориентация юридической практики, за счет оторванности концепции от реальной жизни, ввиду явного преувеличения значимости разделения права и закона для определения типа правопонимания, во-вторых, расплывчатость представления о праве, поскольку озвучиваемые высокие, но абстрактные идеалы либертарной теории не могут служить критерием правомерного и не правомерного и, в-третьих, развитие правового нигилизма [2, с. 96–99].

Интересной представляется критика с историко-правовой точки зрения. Правовые акты многих эпох, по своей сути не справедливые, не равные и не свободные, не могут считаться правом в рамках либертарной концепции. Следовательно, если следовать жестким принципам, выведенным Нерсесянцем, то от истории права отсекается огромная часть, сводящая на нет возможность изучения поступательного развития права. Как справедливо отмечал О. Э. Лейст за многовековую историю человечества сложно найти «правовые законы», история права, как воплощения справедливости и

равенства в таком случае начинается только с XVII–XVIII вв., а все, что было до этого не должно считаться правом [6, с. 308].

Либертарная теория права представляет собой занимательную современную концепцию правопонимания, являющуюся по своей сути, несмотря на утверждения ее автора, ответвлением, разновидностью естественно-правовой мысли, что также было отмечено в научной литературе [1, с. 8; 15, с. 66; 12, с. 286–287]. Безусловно, концепция не лишена недостатков, вызванных во многом ее новизной и необработанностью многих тонкостей проявления ее принципов на практике. Большая часть критики концепции вызвана в первую очередь стремлением обособить ее от теории юснатурализма, без наличия фактически значимых отличий. Однако нельзя отрицать и положительные аспекты теории. Во-первых, это побуждение научного и студенческого сообщества к дискурсу и как к рассмотрению иных точек зрения, так и углублению собственной аргументации. И, во-вторых, продвижение идей справедливости, равенства, свободы и вместе с ними ключевых принципов юснатурализма, что в свою очередь способствует распространению истинно правильного представления о праве, которому противопоставляется слепой этатистский подход.

Библиографический список

1. *Архипов С. И.* Либертарная теория права В. С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 5. С. 5–13
2. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимания на грани двух веков). Саратов: СГАП. 2001. 406 с.
3. *Варламова Н. В.* Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. С. 83–124.
4. *Лапаева В. В.* Либертарная концепция права В. С. Нерсесянца (К 70-летию со дня рождения) // Государство и право. 2008. № 10. С. 69–77.
5. *Лапаева В. В.* Соотношение права и справедливости в либертарно-юридической теории В. С. Нерсесянца // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. С. 9–36.
6. *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права: учеб. пособие. М.: Зерцало, 2011. 352 с.
7. *Мартыгишин О. В.* О «либертарно-юридической теории права и государства» // Государство и право. 2002. № 10. С. 5–16.
8. *Нерсесянц В. С.* Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристь. 1996. 160 с.
9. *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
10. *Нерсесянц В. С.* Философия права. М.: Норма. 2005. 656 с.
11. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учеб. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та,. 2005. 472 с.
12. *Поцелуев Е. Л.* Равенство и справедливость в философии права Г. Радбруха (1878–1949) и В.С. Нерсесянца (1938–2005) // Признание права и принцип формального равенства: сб. тр. Междунар. науч. конф. М.: Современная экономика и право. 2015. С. 279–288.
13. *Радбрух Г.* Пять минут философии права // Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 225–227.
14. *Червонюк В. И.* Концепция конституционной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 102–108.

15. *Шавеко Н. А.* Либертарно-юридическая концепция права: критический анализ // Вестник СГЮА. 2019. № 2 (127). С. 59–67.

Сведения об авторе / Information about the author

Пронин Петр Александрович – студент 3 курса юридического факультета Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия, ppronin282@gmail.com

Pronin Pyotr Alexandrovich – 3rd year student of the Faculty of Law of Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ppronin282@gmail.com

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека Е. Л. Поцелуев (ИвГУ).

УДК 340.1

А. А. Завгородняя

ОБЪЕКТИВНЫЕ, СУБЪЕКТИВНЫЕ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается актуальность исследования природы интереса в праве с точки зрения сложившихся «классических» подходов, а также трансформации познаний в данном направлении. Автором изучена научная разработанность и проблематика теоретической мысли. Речь идет о таких ученых, как Г. В. Мальцев, А. Я. Курбатов, А. В. Малько и В. В. Субочев, М. В. Першина и др.

В исследовании рассмотрены теории (подходы), на основании анализа делается вывод о том, что четкое разграничение между объективными и субъективными факторами формирования социального порядка, их влияние на необходимость обладания интересом, является сложной задачей и зависит не только от внешней среды. Отмечается, что о связи указанных факторов в доктрине права говорят как о диалектическом единстве. Отсюда автором поддерживается мнение о том, что природа социального интереса является intersubjective или, как указывают некоторые авторы, надиндивидуальной, интерактивной. Устанавливается, что интересы в праве в рамках intersubjective его понимания, прежде всего, имеют значение с позиции их синергии, компромисса, конкуренции и противостояния в постоянной динамике в правотворческой, правореализационной, правоохранительной деятельности. Именно intersubjective составляющая интереса не только понимания требует комплексного подхода в понимании сущности интереса в праве, но и позволяет объяснить закономерность формирования интереса, где еще при внутренней поисковой активности учитываются условия достижения цели, ценности, возможности, оценка возможных результатов деятельности, происходящей до выбора конкретной цели и возникновения намерения, а также позволяет избежать противоречивости «объективности» интересов.

Ключевые слова: интерес в праве, объективный подход, субъективный подход, intersubjective, коммуникация, взаимодействие.

А. А. Zavgorodniaia

OBJECTIVE, SUBJECTIVE AND INTERSUBJECTIVE APPROACHES TO UNDERSTANDING THE NATURE OF INTERESTS IN LAW

Abstract. The article examines the relevance of studying the nature of interest in law from the point of view of established “classical” approaches, as well as the transformation of knowledge in this direction. The author has studied the scientific development and problems of theoretical thought. We are talking about such scientists as G. V. Maltsev, A. Ya. Kurbatov, A. V. Malko and V. V. Subochev, M. V. Pershina and others.

The study examines theories (approaches); based on the analysis, it is concluded that a clear distinction between objective and subjective factors in the formation of social order, their influence on the need to have interest, is a complex task

and depends not only on the external environment. It is noted that the connection between these factors in the doctrine of law is spoken of as a dialectical unity. Hence, the author supports the opinion that the nature of social interest is intersubjective or, as some authors point out, supra-individual, interactive. It is established that interests in law within the framework of its intersubjective understanding, first of all, are important from the position of their synergy, compromise, competition and confrontation in constant dynamics in law-making, law-implementation, and law enforcement activities. It is the intersubjective component of interest that not only speaks of an integrated approach to understanding the essence of interest in law, but also allows us to explain the pattern of interest formation, where even during internal search activity the conditions for achieving a goal, values, opportunities, assessment of possible results of activities occurring before the choice of a specific goal and the emergence of intention, as well as to avoid the inconsistency of the “objectivity” of interests.

Key words: interest in law, objective approach, subjective approach, intersubjective, communication, interaction.

Термин «интерес» был и остается актуальным предметом исследования в правоведении и других гуманитарных науках. В рамках данного исследования мы не будем рассматривать происхождение категории интерес, исследований в этом направлении множество при достаточности разных углов научных познаний. Нами будет сделан акцент именно на подходах к пониманию такой на первый взгляд определенной и, тем не менее, сложной и многогранной категории в праве, как интерес. Так анализируя исследования, касающиеся объяснения природы интереса, его сущности в праве, большинство научных исследований, которые связаны с интересами, основаны на классических подходах объяснения сущности возникновения интереса в праве, а именно его *объективной теории, субъективной и различных сочетаний объективной и субъективной теорий*.

С точки зрения объективности интерес как *объективное* явление рассматривается в связи с тем, что сам интерес якобы всегда связан с потребностью, средством удовлетворения которой выступают блага. Ряд сторонников данного подхода акцентируют внимание на том, что интересы возникают на основании объективных потребностей. Данные суждения позволяют говорить о том, что интересы возникают вне субъекта, вне носителя [10, с. 19–20, 25; 12, с. 139–140]. Часть исследователей придерживается взгляда об объективных интересах как явлении общественного бытия людей [5, с. 12]. По мнению А. Я. Курбатова, основу любого субъективного права составляет «признанный законодателем *социально значимый*» интерес, который автор считает объективным, проводя эту идею в тех своих исследованиях, предметом которых являются интересы в праве [7, с. 109].

Стоит отметить позицию О. Ю. Кравченко, который говорит о том, что объективный интерес «выражает то, что объективно способствует упрочению и позитивному изменению социального положения субъекта общественных отношений», становится таким, «когда закон признает интерес объектом правовой охраны и критерием правомерности действий субъектов» [5, с. 12]. Мы видим, как в один ряд ставятся интерес и благо, и социальные условия и нормы. Данная позиция, описываемая автором, приравнивает объективный интерес к законному, который «фиксирует в общественном сознании меры (средства)» [5, с. 13]. Стоит сразу отметить, что существование «объективных» средств (то есть условий, в том числе, институционализированных) является

одним из элементов формирования интересов. Таким образом, «объективные» интересы в праве определяются некоторыми исследователями как те, что одобрены и получили законодательное закрепление реализации, либо сами нормы, в которых закреплены средства. В этом отношении отметим позицию Ю. С. Завьялова, который интересы в праве рассматривает с позиции предпосылки, фактора, влияющего на законодательную волю, цели, которая выбрана субъектом и достигается через использование норм права [3, с. 153].

Мы видим, что объективные подходы к определению сущности интереса рассматривают интерес с позиции самого блага, потребности либо нормы, которая существует вне воли конкретного субъекта в социально-правовой реальности. Отметим, что благо – это явление лишь условно объективное (как находящееся вне субъекта), а необходимость (потребность), отношение к ней – часто субъективно, если не говорить о базовых потребностях жизнедеятельности индивида. Нами поддерживается мнение В. И. Плохова о том, что, рассматривая природу интереса в таком контексте, сам объект интереса будет совпадать с предметом потребности в том случае, если субъекту для ее удовлетворения необходимо вступать во взаимодействие (вне взаимодействия предмет потребности не становится объектом интереса) [15, с. 213]. Указанные суждения автора раскрывают важный критерий выделения интереса как такового наряду с мотивами и потребностями и значение его для права: необходимость взаимодействия для удовлетворения потребности, получения блага и реализации интереса.

В контексте субъективного подхода интерес рассматривается как некий субъективный фактор, который обусловлен осознанием данной потребности субъектом. На сегодня в правоведении практически общепризнано: *без осознания нет смысла говорить и о самом интересе*. Однако данный подход также аргументированно критиковался [8, с. 93; 16, с. 98].

Стоит отметить в этом контексте, что сама потребность есть внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности в благо [17, с. 109], которое человеком осознается в любом случае. Но, если разбирать поэтапно формирование интереса, то на данном этапе мотивационно-волевая сфера психики человека еще не задействована. Отсюда закономерность возникновения потребности, а в дальнейшем и интереса обусловлена отношением к нему самого субъекта: значимостью объекта, блага как его необходимости либо полезности. Вместе с тем, при осознании субъектом своих потребностей и поиске способов ее удовлетворения формируется интерес как намерение получить благо в рамках социального взаимодействия, а при помощи правовых способов – правовой интерес. В случае пороков сознания и/или воли (малолетние, признанные недееспособными), удовлетворение потребности охраняется правом наряду с потребностями индивидов в силу значимости и институционализации, что не лишает индивида возможности удовлетворять потребности. То есть правовой интерес презюмируется и обеспечивается без полноценной субъективной составляющей.

В правоведении считается обоснованной взаимосвязь объективных и субъективных сторон возникновения интереса, существует определенная дифференциация мнений в отношении объективно-субъективных составляющих интереса, суть которых передается через синтез или разделение (двойственность) объективных и субъективных его сторон формирования и существования, но основное то, что *эти концепции не являются монистическими*. Часто исследователи говорят о *диалектическом единстве объективного и субъективного элементов в интересе* [4, с. 4–6]. На синтез объективных

и субъективных аспектов в правовом интересе указывает А. В. Кузьмина. С одной стороны, автор обосновывает объективные правовые интересы, обусловленные положением различных субъектов в правовом пространстве, с другой стороны, субъективные – как осознаваемые конкретным индивидом юридические блага-ценности [6, с. 50]. В свою очередь С. В. Михайловым поддерживается позиция, высказанная Г. Е. Глезерманом, который отмечает, что единство объективного и субъективного не в интересе, а в процессе его реализации [2, с. 21; 11, с. 25].

А. В. Малько и В. В. Субочев, определяя природу социального интереса, осуществляют дальнейшее обоснование позиции в отношении единства объективного и субъективного в его сущности. Как утверждают авторы, по своей природе интерес не призван разделять личные и объективные факторы, которые являются взаимодополняющими и взаимно детерминируемыми. Среди составляющих структуры интереса исследователи выделяют:

- социальные факторы, в частности, положение в обществе;
- осознание этого положения, от чего зависят методы, формы и средства удовлетворения потребностей;
- стимулы и мотивы; действия, направленные на удовлетворение потребностей [9, с. 14–15].

Отмеченные составляющие в целом, бесспорно, влияют на формирование интереса, но объективность и субъективность, кроме того, что сложно делимы, так еще и условны. Вместе с тем, не соглашаясь с отнесением указанных факторов к структуре интереса (ее составляют другие явления, изложены именно некоторые детерминанты), отметим, что исследователи совместили не только факторы формирования интереса, но и его закономерный результат – волеизъявление, однако, точно не определив место объективного критерия как материального (внешнего) фактора интереса и потребности. Также объективно-субъективное понимание интереса, по сути, сводится к субъективному подходу, на что указывает такой фактор, как осознание потребности, восприятие положения в обществе и т. д. Стоит также отметить, что признание самого научного понятия двойственным неверно с позиции логического закона противоречия как ложности одного из двух противоположных суждений. Поэтому есть основания говорить о факторах или составляющих интересов, значимых для права.

Обобщенные А. В. Малько и В. В. Субочевым факторы или составляющие, традиционно оцениваемые как объективные или субъективные и являющиеся сложно дифференцируемыми, являются условиями действительности, обусловленной совокупностью различных интересов других индивидов и общества (например, «методы, формы и средства удовлетворения потребностей», не зависящие от желаний и индивидуальных возможностей).

Разграничивая интерес в праве от социального интереса, интереса как элемента мотивационно-потребностной сферы психики человека (мотива), отметим, что его конститутивным фактором является не только объект и субъективное к нему отношение, а социальная коммуникация и взаимодействие, которые необходимы для получения блага как объекта интереса, и правила, соблюдение которых учитываются для его удовлетворения. Интересы возникают и существуют не просто на основании осознания их индивидами, а на основании взаимоотношений в обществе [14, с. 260], и именно *необходимостью в коммуникации* и взаимодействии и «вызываются». В ином случае

потребности не становятся социальными интересами. Формирование интереса осуществляется при социальном взаимодействии, в связи с чем, необходимо уяснить предмет притязаний, социально-правовой контекст деятельности и необходимые действия для получения данного предмета [20, с. 41]. В данном процессе одинаковое значение имеют и нужды субъекта, и ценностные ориентации, иные мотивационные установки, социальный, правовой контекст.

Как видно из проведенного исследования, четкое разделение *между объективными и субъективными факторами* формирования социального интереса является сложной задачей, можно даже сказать – ненужной, поскольку сами субъективные (сознательные и неосознанные, автоматические) факторы во многом зависят от внешней среды, а степень и порядок их влияния на необходимость в обладании определенными благами для личности установить сложно. О связи указанных факторов в доктрине права говорят как о диалектическом единстве. Дифференциация и/или единство (скорее – это взаимосвязь) указанных факторов крайне усложнена и может быть сконструирована лишь в общих чертах в рамках анализа закономерностей формирования потребностей, мотивов, влияния стимулов на сознание конкретной личности. Все это связано с тем, что *природа социального интереса, который и значим для права, является интерессубъективной или, как указывают некоторые авторы, надындивидуальной, интерактивной* [19, с. 85]. По указанным причинам факторы формирования интересов кроме субъективных и объективных включают чисто межсубъектные, которые учитываются индивидом при формировании намерения. Указанные факторы как условия взаимодействия, определяемые в правовой действительности не только путем применения норм, установленных в законодательстве (КС РФ ссылается и на принципы, не закреплённые в законодательстве), принято считать в качестве объективных в силу их опривычивания и легитимации, институционализированных форм поведения. Природные, физиологические потребности здесь не исключаются, но в целом не учитываются системно, в том случае, если для них не нужна ситуативная коммуникация, но необходимо выполнение условий правового характера. Бесспорным является то, что «для того, чтобы интересы стали основанием действий человека, которыми воспроизводится правопорядок, они должны быть осмыслены акторами как такие, которые соотносимы с действиями других акторов социальных интеракций и системой правовых норм, образующих содержание правопорядка» [1, с. 177].

Необходимо отметить, что реконструкция природы интересов в правоведении соответствует типам и теориям правопонимания: объективная составляющая отражает позитивистские подходы, субъективная – антропологические, их объединение – интегративные направления, интерессубъективная – координационные, коммуникативные, динамические характеристики правовой действительности.

Интересы в праве с точки зрения интерессубъективного подхода, прежде всего, имеют значение с позиции: форм их соотношения как синергии, компромисса, конкуренции и противостояния в постоянной динамике, что соответствует основным формам социального взаимодействия; средств установления определённого соотношения, оценки и координации в творческой, правореализационной, правоприменительной, правоохранительной деятельности.

Развитие права и государства обусловлено реализацией различных социальных интересов в определенном соотношении, находящемся в основе социального взаимодействия и коммуникации: антагонизме, конкуренции и

согласовании интересов отдельных индивидов, различных социальных групп, а также взаимодействия гражданского общества и государства, которое по своей природе должно соответствующие интересы обеспечивать в определенном соотношении, способствующем стабильности и благополучию в обществе.

В системе взаимодействия индивидов имеет свойство приобретать отрицательную или положительную направленность, проявляться либо в виде социального сотрудничества, приспособления, либо действовать на антагонизме, путем конфликта, противопоставления [19, с. 87]. Именно от *соотношения интересов в обществе*, приоритета одних из них зависят и всевозможные теории происхождения государства и права, а также его сущность, свидетельством чему являются типы, теории правопонимания, различные правовые теории, в частности: приоритет интересов определённых элит, официальной власти государства представлен юридическим позитивизмом; социологический позитивизм исходит из наличия правовых средств согласования интересов в социуме; реализацией прав и свобод человека обусловлена естественно-правовая теория [13, с. 9]. Но независимо от формы соотношения интересов и понимания права, оно выполняет служебную, инструментальную функцию, обеспечивая специфические средства реализации каких-либо интересов в равенстве или иерархии, связывая их с определенными условиями.

Учитывая изложенные положения, структуру социального *интереса* можно представить следующим образом: *объективная* составляющая связана с объектом, его внешним источником (внешний социальный стимул); *субъективная* составляющая – субъективная нужда (внутренний мотив или стимул (долженствование и актуализация квазипотребностей), необходимость в материальном или нематериальном благе), способность психики к осознанию потребности (при ее отсутствии необходимость лица в благе устанавливается, охраняется правом через охрану потребности), ее значимости как необходимости или пользы для индивида (отношение к благу в системе его потребностей, их иерархия для индивида с учетом внутренних предпочтений и внутреннего нравственного контроля), учет субъективных возможностей, воля субъекта, связанная с выбором *способов удовлетворения потребности*; *интерсубъективная, нормативная* составляющая, в которой проявляются условия достижения цели. И если первые две составляющие (объективная и субъективная) в различных соотношениях практически общеприняты в правоведении, то выделение последней связано с социогенностью интереса, вызванного общественными явлениями и процессами. Именно *интерсубъективная* составляющая интереса является не просто иной интерпретацией теории взаимодействия (объективно-субъективного понимания сущности интереса в их единстве или разграничении) [18, с. 21], объясняющей источник и реализацию интереса. Такой элемент позволяет комплексно объяснить закономерности формирования интереса, при котором во внутренней поисковой активности учитываются условия достижения цели, ценности, возможности, оценка возможных результатов деятельности, происходящей до выбора конкретной цели и возникновения намерения, а также позволяет избежать противоречивости «объективности» интересов. Указанные составляющие интереса имеют важнейшее юридическое значение, поскольку зависят, прежде всего, от правовых стимулов и ограничений, усвоенных в социальных и/или правовых практиках.

Так, интерес – это не явление, зависящее лишь от субъективных, личностных факторов, объективности блага или санкционированных

государством норм поведения. Интерес детерминирован значимостью и формируется в системе и иерархии потребностей личности либо общества, зависит от социально-правового контекста его реализации. Мотивы и цели индивида «смещаются» в результате социального влияния. В сильно институализированных обществах важные мотивы могут замещаться несвойственными для конкретной личности, а наличие стимулов, обусловленных необходимостью обеспечения общих благ, интересов других субъектов, позволяет относить сформированное намерение по выполнению обязанности (долженствование) к особому виду интереса через актуализацию иных потребностей (безопасности, самосохранения, благополучия) для конкретной ситуации. Этап формирования мотива состоит в том, что он возникает не непосредственно, а опосредуется коммуникацией [21, с. 1408–1409], откуда индивидуальные интересы уже приобретают свойство нормативности, а типичные и общие интересы институционализируются.

Таким образом, интересы в праве играют важную роль в организации правовой жизни и социального устройства общества, являются основой для определения целей права и субъектов права, разработки правовых средств их достижения. С учетом институционализации интересов вырабатываются нормы для защиты интересов. Этот тезис позволяет в правоповедении утверждать, что право придает объективное значение интересам, что не отражает их сущность так же, как и субъективный подход. Значение интересосубъективного фактора интересов заключается в том, что он позволяет учитывать взаимодействие и влияние интересов разных субъектов на формирование норм и реализацию правовых отношений. Право не является статической системой, а формируется и развивается в результате солидарности и противоборства интересов различных субъектов. Правовые нормы и механизмы должны учитывать разные интересы и находить баланс между ними, чтобы обеспечить справедливость и устойчивость правовой системы. Интересы в понимании их комплексной природы являются основой формирования и реализации правовых средств, выявления соответствия между интересом и волей, играют важную роль в правотворчестве, правореализации, правоприменении. Таким образом, интересы не только имеют юридическое значение, но также определяют и формируют правовую реальность. Это подтверждает нормативность интересов в праве и их влияние на правовую реальность, законодательную волю и выбор целей, которые достигаются через действие норм права.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. Н. А. Шматко / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Глезерман Г. Е. Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 15–26.
3. Завьялов Ю. С. Проблема интереса в марксистской теории социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. 216 с.
4. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 74 с.
5. Кравченко О. Ю. Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 27 с.
6. Кузьмина А. В. О типологии правовых интересов // Журн. рос. права. 2011. № 3. С. 49–56.

7. Курбатов А. Я., Подмаркова А. С. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав // Хозяйство и право. 2009. № 2. С. 106–117.
8. Малинова А. Г. Интерес и потребность: критический взгляд на их отождествление в отечественном правоведеии // Lex Russica. 2020. № 73 (10). С. 91–105.
9. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр-Пресс. 2004. 359 с.
10. Мальцев Г. В. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан // Сов. гос-во и право. 1965. № 10. С. 19–26.
11. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут. 2002. 203 с.
12. Мусаев Н. М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса // Право. Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2000. №1 С. 137–142.
13. Немытина М. В. Интересы в правовом измерении // Интересы в праве. Жидковские чтения = Interests in Law. Zhidkov's readings: матер. Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немытина. М.: РУДН, 2017. С. 5–13.
14. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1965. Т. 2. 824 с.
15. Плохова В. И. О целесообразности рассмотрения интереса, блага (правового блага), субъективного права в качестве объекта преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2001. № 2. С. 212–216.
16. Пономаренко И. Е. Понятия «Интерес» и «Социальный интерес» в юридической науке: теоретико-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. № 3 (17). С. 96–102.
17. Райзберг Б. А. Словарь современных экономических терминов / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. 476 с.
18. Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве. // Государство и право. 2002. № 9. С. 19–25.
19. Трофимов В. В. Интересы в праве: социально-интерактивная природа и роль в формировании элементов правовой материи // Интересы в праве. Жидковские чтения = Interests in Law. Zhidkov's readings: материалы Всерос. науч. конф. Москва, 25–26 марта 2016 г. / отв. ред. М. В. Немытина. Москва: РУДН, 2017. С. 82–98.
20. Трофимов В. В. Социально-интерактивная природа правовых интересов и их роль в формировании элементов материи права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2016. № 2. С. 36–49.
21. Ячин С. Е., Деменчук П. Ю., Минеев М. В. Институализация коммуникативных и жизненных практик в обществах современного типа (введение в исследовательскую программу) // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1399–1416.

Сведения об авторе / Information about the author

Завгородняя Анастасия Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, nastacija@mail.ru.

Zavgorodniaia Anastasiia Aleksandrovna — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Donbass Law University of Justice, Donetsk, Donetsk People's Republic, nastacija@mail.ru.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВотВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Актуальность проблемы модернизации законоотворческой деятельности вызывается не только задачей совершенствования действующих в государствах нормативно-правовых актов, но и проблемой своевременного процесса правового регулирования новых, возникших в XXI в. технико-правовых отношений, сопряженных к новациям информационно-технологического развития. Какие акторы публичной сферы, помимо государственных структур, по мнению автора, могут быть допущены (или уже допущены) к практике формирования нормативных правил, какова их социальная и юридическая природа и отношение к ним государства? Речь идет, прежде всего, об общественных объединениях, как перспективных субъектах правотворческой деятельности. В этом отношении познавательный интерес представляет исторический путь их становления, развития как участников правотворческого процесса, сопоставительный анализ реального их участия в правотворческой деятельности в советский и в постсоветский период. Представляют особый научный интерес труды советских ученых В. М. Горшенева, А. С. Пиголкина, В. Д. Трофимова, А. Ф. Шебанова, Ц. А. Ямпольской, исследующих вопросы участия общественных организаций в правотворческой деятельности советского государства.

В статье обозначены перспективы участия общественных объединений в правовом регулировании новых технико-правовых отношений, возникающих в среде информационно-коммуникативных технологий. Акцентировано внимание на правовом взаимодействии государственных и негосударственных акторов в поиске наиболее оптимальной модели правового регулирования.

Ключевые слова: общественные объединения, правотворческая деятельность, субъекты правотворчества, формы участия общественных организаций в правотворчестве, совместное правотворчество, информационно-технологическое развитие, технико-правовые отношения, модернизация законодательной деятельности.

A. A. Sokolova

PUBLIC ORGANIZATIONS AS SUBJECTS OF LAW-MAKING ACTIVITY IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS AND PROBLEMS OF MODERNIZATION OF LEGISLATIVE ACTIVITY

Abstract. The relevance of the problem of modernization of legislative activity is caused not only by the task of improving the regulatory legal acts in force in states, but also by the problem of the timely process of legal regulation of new technical and legal relations that have arisen in the 21st century, involved in the innovations of information and technological development. Which actors in the public sphere, in addition to state structures, in the author's opinion, can be allowed

(or have already been admitted) to the practice of forming normative rules, what is their social and legal nature and the attitude of the state towards them? We are talking, first of all, about public associations as promising subjects of law-making activity. In this regard, the historical path of their formation, development as participants in the law-making process, and a comparative analysis of their actual participation in law-making activities in the Soviet and post-Soviet periods are of educational interest. Of particular cognitive interest are the scientific works of Soviet scientists V. M. Gorshenev, A. S. Pigolkin, V. D. Trofimov, A. F. Shebanov, T. A. Yampolskaya, who study the issues of participation of public organizations in the law-making activities of the Soviet state.

The article outlines the prospects for the participation of public associations in the legal regulation of new technical and legal relations arising in the environment of information and communication technologies. Attention is focused on the legal interaction of state and non-state actors in the search for the most optimal model of legal regulation.

Key words: public associations, law-making activities, subjects of law-making, forms of participation of public organizations in law-making, joint law-making, information technology development, technical-legal relations, modernization of legislative activities.

Актуальность темы исследования. Человечество XXI в. сталкивается с проблемой обустройства юридического мира во взаимодействии с миром современных технологий: геновая инженерия, биотехнологии, искусственный интеллект – эти символы современной жизни могут вызывать как положительные последствия, так и в зависимости от намерений их создателей – исключительно негативные. Какие правовые инструменты следует использовать в противодействии неприглядным последствиям новаторской технологии, как предупредить от их наступления и создать надлежащее правовое пространство их безопасной для прав и свобод человека реализации?

В данном исследовании сделана попытка представить путь модернизации законодательной политики в новых смысловых значениях. Одно из направлений модернизации правотворческой деятельности, на мой взгляд, состоит в использовании потенциала демократической формы принятия правовых предписаний, то есть в реальном участии акторов гражданского общества в процессе принятия законотворческих решений. Основная задача законодателя – разработать оптимальную модель согласования различных интересов социальных групп, общества и государства и отразить их в нормативных предписаниях. Перспективным, с точки зрения профессиональной значимости, и демократичным по содержанию и формату, будет являться привлечение общественных объединений к участию в выработке оптимальной модели правового регулирования: проведению акций по выявлению, анализу и артикуляции интересов и потребностей плюралистического общества в проектах будущих нормативно-правовых актов. Применительно к правовому обустройству взаимодействия человека и технологии в цифровом мире, синхронизации интересов различных социальных институтов важным, на мой взгляд, является использование интеллектуального потенциала акторов, представляющих среду информационно-коммуникативных технологий и обладающих опытом высокой степени самоорганизации и саморегулирования.

Основное исследование. Теоретико-методологическими основаниями предлагаемого исследования будет являться социолого-правовая теория

согласования интересов личности, социальных групп и государства. Современное общество плюралистично по своей природе: социальные группы, индивиды, имея различные идеологические, религиозные, политические, культурные взгляды и ориентации обладают несовпадающими, а подчас антагонистическими, вызывающими конкуренцию и борьбу, интересами. Именно «в разграничении и защите интересов, в определении области интересов каждого человека и в поддержке порядка, создавшегося таким путем», выдающийся социолог права Питирим Сорокин усматривал цель права [8, с. 10]. Актуальными для современного законодательства остаются положения *теории согласования интересов* американского социолога и юриста Роско Паунда. Право, согласно Роско Паунду, обеспечивает социальное единство и упорядочивает процесс социальных изменений путем уравнивания конфликтующих интересов [13, р. 217–218].

Основная проблема современного законодателя состоит в примирении и гармонизации сталкивающихся интересов, в поиске компромиссного решения. Алгоритм такого поиска, очевидно, будет определяться механизмом согласования интересов, т. е. системой логически сменяющих друг друга операциональных действий, направленных на достижение соответствующего признанным в данном сообществе принципам права компромиссного решения как основы будущей правовой новеллы.

В целом модернизация законодательской деятельности, на мой взгляд, должна основываться на реализации неиспользованных резервов демократического обустройства законодательного процесса, новейших компьютерных технологий и осуществляться в следующих основных направлениях: частичном «разгосударствлении» законодательной деятельности; мультипликации субъектов правотворчества; использовании искусственного интеллекта в законодательском процессе. В исследовании частичного «разгосударствления» акцент сделан на одном из видов акторов гражданского общества – *общественных организациях*, чья роль в историческом пути правотворческого процесса имеет особый познавательный интерес. Проведем экскурс в историю формирования советских демократических институтов законодательной деятельности, сопоставим их участие в правотворческой деятельности с картиной современного правотворчества и попытаемся обозначить контуры перспективного участия в процессе модернизации (см. подр.: [6]).

Прежде всего, обратимся к вопросу о юридической природе участия общественных организаций в правотворческой деятельности в советский период. Общее условие правотворчества добровольных объединений состояло в предоставлении государством *полномочий* на издание нормативно-правовых актов в области их непосредственной деятельности, что обосновывалось перспективной идеей советского государства о постепенной передаче отдельных функций государственных органов общественным организациям (профсоюзам – управление домами отдыха, потребительской кооперации – осуществление торговых операций). Передача функций, сопровождалась наделением их правотворческими полномочиями. Фактическое *делегирование* государством полномочий общественным организациям формально придавало юридический характер их правотворческой деятельности. Кроме того, в целях эффективной реализации разнообразных видов деятельности, предусмотренной уставами и положениями, общественные организации осуществляли *локальную нормотворческую* деятельность.

Условно можно выделить две основные формы участия общественных организаций в правотворческой деятельности: *относительно самостоятельное* правотворчество и *совместное с государственными органами* правотворчество (см. подр.: [5]).

Относительно самостоятельная правотворческая деятельность общественных организаций, на взгляд автора, осуществлялась двумя способами и заключалось в следующем. Во-первых, в самостоятельной разработке нормативно-правовых актов, получающих юридическую поддержку государства. Основанием *относительно самостоятельного* правотворчества являлось предоставление общественной организации *общего полномочия* на издание нормативно-правовых актов по определенным вопросам. Так, в соответствии с постановлением ЦИК, СНК СССР и ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении Наркомтруда СССР с ВЦСПС» и постановлением СНК СССР и ВЦСПС от 10 сентября 1933 г. «О порядке слияния Наркомтруда и ВЦСПС» профсоюзным органам предоставлялось право издавать нормативные акты в области социального страхования [3].

Во-вторых, в установлении добровольными организациями правовых норм по *предварительному* согласию либо с *последующим* их утверждением соответствующим органом государства. Этот способ можно обозначить, как *санкционирование* (*предварительное или последующее*). Санкционирование было характерно для правотворческой деятельности многих видов общественных организаций (профсоюзов, кооперации, творческих союзов и др.). Так, согласно постановлению СНК СССР от 21 августа 1934 г. «О порядке издания инструкций, правил и разъяснений по применению законодательства о труде», ВЦСПС было предоставлено право издавать указанные акты после утверждения или предварительной санкции правительства [4].

Безусловно, относительно самостоятельное правотворчество общественных организаций является «вторичным» по отношению к государственной деятельности. Именно государство направляет импульс и придает общеобязательный характер и юридическую силу создаваемым общественностью нормативно-правовым актам. И все же, на мой взгляд, можно считать эту форму правотворчества формально *самостоятельной*, так как правовое регулирование отношений, связанных с выполнением задач и целей осуществлялось организациями; им принадлежала инициатива принятия и разработка проектов нормативно-правовых актов; принятые нормативные акты являлись актами самих общественных организаций, сохраняли свойственные им форму и наименование.

Другой наиболее распространенной формой вовлечения объединений трудящихся в правотворческую деятельность являлось *совместное правотворчество* общественных организаций и органов государства. Взаимодействие государства и добровольных объединений выражалось в сотрудничестве при принятии нормативно-правовых актов по *представляющим взаимный интерес* вопросам. Можно выделить основные способы осуществления совместной правотворческой деятельности:

- а) *совместное* установление правовых норм органами государства и общественными организациями;
- б) принятие нормативно-правовых актов государственными органами *по согласованию* с общественными объединениями;

в) установление правовых норм органами государства с участием *представителей* общественных организаций. Особое значение в практике совместного правотворчества придавалось совместным постановлениям руководящих органов государственных и общественных организаций (например, ежегодно принимаемым постановлениям ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом соревновании).

Для каждого вида общественных организаций (профсоюзов, комсомольской организации, потребительской кооперации, творческих союзов, добровольных обществ) характерны определенные способы их совместной правотворческой деятельности (например, для массовых общественно-политических организаций – *совместное правотворчество*).

Итак, какие выводы можно сформулировать на основе проведенного анализа правотворческой деятельности советского государства?

1. Участие общественных организаций в правотворческой деятельности советского государства, по существу, является уникальным явлением. В постсоветский период демократического развития бывших республик советского государства подобная практика не наблюдалась.

2. Конструктивной, на мой взгляд, является сама идея передачи некоторых государственных функций общественным объединениям.

3. Очевиден факт *юридической природы* правотворчества добровольных объединений. Это подтверждается, во-первых, производностью правотворческих функций от полномочий государства; во-вторых, предусмотренными формами юридикации нормативно-правовых актов (предварительного или последующего санкционирования, соучастия в государственной правотворческой деятельности).

4. В *относительно самостоятельном* правотворчестве проявляется способность общественных организаций к саморегулированию: своевременному выявлению потребностей в правовом регулировании и выражению их в принимаемых нормативных актах.

5. В *совместно* принятых нормативно-правовых актах содержалась консолидированная воля, как государства, так и членов общественной организации. Совместные акты, как правило, принимались высшими органами государственной власти и управления, руководящими органами общественных организаций по наиболее важным вопросам государственного, экономического, культурного развития.

6. Участие общественных организаций, наиболее активных граждан в различных стадиях правотворческого процесса государственных органов признавалось многими советскими учеными [2, с. 94].

7. Приобщение к правотворческой практике членов общественных организаций повышало уровень их правовой культуры, формировало новые компетенции по управлению делами общества и государства.

Вместе с тем, следует признать превалирование роли руководящих органов общественно-политических организаций (ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ) в правотворчестве; пропагандистский характер многих совместных нормативно-правовых актов, содержащих больше декларативных норм, нежели правовых механизмов регулирования проблемных ситуаций; формальный характер привлечения объединений трудящихся к совместному принятию правовых актов и многое другое. Тем не менее, в современной правотворческой деятельности ни одна из этих форм не используется.

Какие уроки можно извлечь из представленного исторического фрагмента для модернизации современной правотворческой деятельности?

Проблема модернизации политики в сфере законодательной деятельности обосновывается появлением *техничко-правовых отношений*, связанных с новациями современных технологий и в целом с изменением социальной жизни в XXI в. Очевидна необходимость обустройства жизненного мира в его взаимодействии с миром информационно-коммуникационных технологий.

По словам Дирка Хельбинга, профессора Швейцарской высшей технической школы Цюриха, современная реальность приобрела характер сложной социально интерактивной *«техно-социо-экономико-экологической»* системы, исследование которой требует поиска новых познавательных методов [12]. Как мне представляется, одним из таких методов является использование *междисциплинарной исследовательской модели*. Познавательная технология этой модели не ограничивается рамками отраслей правового знания или диапазоном правовых и иных гуманитарных и социальных наук, а проникает «в пограничье» гуманитарного, социального и новейшего *технического* знания. В мировом публичном пространстве появляются ансамбли новых акторов, в совокупности обладающих комбинацией современных знаний и целостным мировоззрением, способных создавать механизм нормативного регулирования отношений в информационно-коммуникационной среде и разрабатывать *техничко-правовые нормы* [7, с. 443].

Использование междисциплинарной познавательной модели можно продемонстрировать на примере сотрудничества акторов *мирового академического сообщества* (следует отметить, что международный опыт в саморегулировании опережает национальный). Обратимся к анализу *международного* правового регулирования (см. подр.: [9, с. 540–541]). Рассмотрим статус акторов, разрабатывающих стандарты и требования, предъявляемые к процедурам разработки, тестирования и эксплуатации систем искусственного интеллекта на примере *международной нормотворческой* деятельности. Акторами в среде компьютерно-информационных технологий выступают социальные институты *негосударственного* характера (исследовательские центры, профильные международные организации, профессиональные технические организации, некоммерческие фонды), способные разработать, признать и поддерживать унифицированные образцы поведения. Их профессиональное общение подчиняется совместно выработанным предписаниям, для надлежащей регламентации правового режима разработки и применения цифровых технологий создаются стандарты поведения, этические принципы, обязательность которых обеспечивается волей участников и институциональным авторитетом их организаций. В нормотворчестве таких правил-требований участвует ансамбль широкого круга современных специалистов в области технических и гуманитарных, в частности, юридических наук, обладающих *интегративным мышлением* и *целостным мировоззрением*.

В качестве примера приведем Институт инженеров электротехники и электроники (англ.: Institute of Electrical and Electronics Engineers, IEEE). Это – крупнейшая в мире техническая профессиональная организация, занимающаяся развитием технологий на благо человечества («Профессиональный дом для инженерного и технологического сообщества со всего мира»). Членами IEEE являются инженеры, ученые и смежные специалисты, чьи технические

интересы связаны с электротехникой, информатикой, инженерией и смежными дисциплинами. Институт является ведущим разработчиком отраслевых стандартов в широком спектре технологий, мировым лидером в области разработки правил, обеспечивающих стандарты проектирования, разработки, использования систем искусственного интеллекта [10].

Анализ деятельности ряда международных организаций в области информационных и коммуникационных технологий демонстрирует их новую миссию в правовом взаимодействии между государством и обществом, в достижении баланса их интересов в практике по разработке правовых документов. В этом отношении заслуживает внимания деятельность Международной ассоциации по технологическому праву (англ.: International Technology Law Association, ItechLaw) – ведущей глобальной некоммерческой организации юристов, созданной для информирования и обучения юристов, специализирующихся в области технологического права. Миссия ITechLaw – создавать беспрецедентные возможности для международного обмена идеями и углубленного изучения и разработки законодательства в области информационных технологий и телекоммуникаций [11].

Другим значимым информационно-аналитическим ресурсом в настоящее время является запущенная в феврале 2020 г. Обсерватория Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по политике в области искусственного интеллекта (англ.: OECD AI Policy Observatory, AIPO). ОЭСР – это комплексная аналитическая платформа по обзору политических мер и различных национальных инициатив в области искусственного интеллекта, анализу экономических и социальных последствий технологий искусственного интеллекта и результатов их применения на национальном и международном уровнях. С целью формирования стабильной политической среды на международном уровне, укрепления доверия к продуктам искусственного интеллекта пятьдесят экспертов ОЭСР различных специальностей и разных секторов (правительство, гражданское общество, профсоюзы, техническое и научное сообщества) разработали *Принципы в отношении искусственного интеллекта (ИИ)*, которые основываясь на таких ценностях, как справедливость, прозрачность, безопасность и подотчетность, продвигают искусственный интеллект, как инновационный инструмент, заслуживающий доверия, уважающий права человека и демократические ценности. Особенность Принципов ИИ ОЭСР заключается в том, что разработанный негосударственными структурами документ, получил признание правительств многих государств. Принципы включают конкретные рекомендации по государственной политике и стратегии, их следует применять к разработкам в области ИИ всеми заинтересованными странами. Будучи, по сути, юридическим инструментом ОЭСР, эти принципы отражают общие намерения присоединившихся стран [14].

Представленные примеры иллюстрируют факт возникновения уникального явления в мировом сообществе – *международной кооперации* по разработке моделей регулирования технико-правовых отношений: процессов создания и применения технологий искусственного интеллекта. Особенностью этого процесса является участие в нем, прежде всего, акторов *негосударственного* сектора, что объясняется, на мой взгляд, следующими факторами.

Во-первых, опытом самоорганизации и саморегулирования социальными институтами своей деятельности в области современных технологий. Создаваемый ими комплекс норм приобретает статус *международных*,

применяемых к разработкам в области искусственного интеллекта по всему миру и значимых для всего обновляющегося сообщества. Публичное признание принимаемых мировыми цифровыми корпорациями технико-правовых норм и требований делают их общеобязательными: акторы стремятся действовать согласно выработанным ими самими правилам.

Во-вторых, форматом публичной арены – установлением многостороннего и междисциплинарного диалога между участниками в рамках различных платформ, сетевых организаций, международных корпораций, ассоциаций, фондов и др.

В-третьих, доминированием *интегративного* мышления, синтезированного на основе взаимопроникновения гуманитарных, социальных, юридических и технических наук, попыткой объединения усилий представителей гуманитарного и технического знания, поиска языка их общения, координации, установления «диалога» между технологией и обществом.

В итоге, можно констатировать, что научное мировое сообщество «опережает» деятельность государственных институтов в разработке методологических подходов, позволяющих сканировать воздействие технологических процессов на облик современного общества, контролировать их и предупреждать негативные последствия. Законодателю все труднее адаптироваться к темпу развития современных технологий и своевременно принимать надлежащие нормативно-правовые акты. Однако окончательная прерогатива *юридизации* (официализации) признанных мировыми цифровыми корпорациями технико-правовых норм сохраняется за государствами: они приобретают юридическую силу и государственные гарантии обеспечения. Мы рассмотрели международный опыт формирования технико-правовых норм. Однако эта практика легко экстраполируется на национальную сферу.

Факты реальной сопричастности новых акторов к процессу регулирования технико-правовых отношений демонстрируют, на мой взгляд, появление у них новой функции и «утраты» государствами нормотворческой монополии на разработку алгоритмов поведения в среде современных информационных технологий. Применительно к информационно-коммуникационной среде белорусский исследователь Е. В. Перепилица справедливо отметил: «Учитывая растущий социальный запрос на легитимное включение многообразных общественных акторов в публичное пространство, а также скромные возможности такого включения в эпоху медленных скоростей, сетевая коммуникация государства и общества должна рассматриваться не только в качестве удобного способа для оперативного доведения правовой информации до граждан, но и как инструмент достижения взаимопонимания общественных и государственных акторов, средство преодоления коммуникативных барьеров между властью и гражданином» [1].

Проникновение мировой *технологической* культуры в нормотворчество ставит перед представителями юридической науки ряд проблем теоретико-правового характера. Осмыслению подлежат новые формы правового взаимодействия между государством и гражданским обществом, направленные на достижение баланса их интересов в информационно-коммуникационной и других сферах. Как обозначить это явление, какие акторы могут быть допущены (или уже допущены) к практике формирования нормативных правил, какова их социальная и юридическая природа и отношение к ним государства? Думается,

монизм государства в современной законодательной сфере не является самодостаточным. Речь идет об изменении формы бытия права и понимания процесса правообразования, признании множества источников, производящих право (корпорации, политические, профессиональные, научные организации, технические сообщества). Пожалуй, производство различными социальными центрами *негосударственного* права из оригинальной концепции «свободного права (живого права)» австрийского ученого Евгения Эрлиха превратилось в факт современной реальности, требующий официального признания и легитимации. Эта картина, наблюдаемая, прежде всего, в мировом академическом сообществе для стандартизации правил в сфере информационно-компьютерных технологий, имеет перспективное развитие для своевременного надлежащего урегулирования технико-правовых отношений на уровне государств. Речь идет о формировании публичной арены для *совместного* нормотворчества государственных и негосударственных структур, формат которого может приобретать различные варианты. К примеру, совместная разработка проектов правовых актов; рассмотрение проектов, предложенных негосударственными акторами в порядке их правотворческой инициативы; последующее утверждение (санкционирование) правовых документов государственными органами. Смею предположить, что грядущие культурно-технологические трансформации могут быть сопряжены с передачей нормотворческой функции в сфере технологии и бизнеса негосударственным акторам (вспомним «смелость» советского государства по наделению государственными функциями ряда общественных организаций в сфере их деятельности).

Заключение. Опыт участия общественных организаций в советском правотворчестве, различные формы их сопричастности к принятию правовых решений можно использовать в современном законодательном процессе. Совместное творчество открывает новые горизонты перспективной модернизации законотворческой деятельности, которая, по мнению автора, видится в следующих основных направлениях: частичном «разгосударствлении» законопроектной деятельности, взаимодействии акторов, представляющих публичную власть и гражданское общество; мультипликации субъектов правотворчества – признание нормотворческих полномочий за структурами негосударственного сектора. Демократизация законотворческого процесса направлена не на замену государственного права негосударственным, а на взаимопроникновение правового и неправового механизмов правового регулирования, композиционное действие различных видов социальных норм, правовое взаимодействие всех «творческих» сил общества.

Институты гражданского общества, выражая интересы и обязательства, соответствующие их положению в различных социальных полях (в юридическом, религиозном, политическом, информационном, медийном, сетевом и др.), своевременно выявляют потребности в регулировании, переводят их на уровень социальных проблем, вырабатывают общеобязательные требования и организуют их публичное обсуждение для продвижения и реализации. Фактическое признание государством их регулирующего воздействия должно превратиться в факт современной реальности, требующий отражения в правовой политике и официального нормативного закрепления.

Вызовы XXI в., связанные с появлением новых цифровых технологий, обозначают проблему надлежащего своевременного правового регулирования отношений между социальным миром и технологиями. Перед представителями юридической науки ставится задача теоретической реконструкции

ряда правовых понятий и категорий. В этом отношении классическая теория правотворчества подлежит обновлению, а политика в законодательной сфере – модернизации. Необходимо объединение интеллектуальных усилий юридического и технологического научных сообществ, государственных и негосударственных акторов для всестороннего теоретического осмысления новых явлений с тем, чтобы участвуя в публичном диалоге, находить формы правового взаимодействия в поиске наиболее оптимальной модели правового регулирования.

Библиографический список

1. *Перепелица Е. В.* Сетевая коммуникация государства и общества в цифровом мире постиндустриальной эпохи URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/setevaya-kommunikatsiya-gosudarstva-i-obshchestva-v-tsifrovom-mire-postindustrialnoy-erokhi/> (дата обращения: 22.10.2023).
2. *Пиголкин А. С.* Процессуальная форма в правотворчестве // Юридическая процессуальная форма: Теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юрид. лит., 1976. 279 с.
3. СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 238; № 57. Ст. 333.
4. СЗ СССР. 1934. № 43. Ст. 342.
5. *Соколова А. А.* Участие общественных организаций в правотворческой деятельности в условиях развитого социалистического общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 20 с.
6. *Соколова А. А.* Проблемы демократизации законотворческого процесса в советский и постсоветский период: сравнительно-правовой анализ // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (К 100-летию образования СССР) [Электр. Рес.]: в 2 ч.: материалы XIX междунар. науч.-теор. конф. С.-Петербург, 28–29 апр. 2022 г. Ч. 1 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2022. С. 1210–1218.
7. *Соколова А. А.* Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой: в 6 т. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного ун-та, 2022. Т. 1. С. 440–450.
8. *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль: Изд-во Яросл. кредит. союза кооперативов. 1919. 236 с.
9. *Харитонов Ю. С., Савина В. С.* Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юрид. науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549.
10. URL: [file:///C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B0/Downloads/tehnologiya-iskusstvennogo-intellekta-i-pravo-vyzovy-sovremennosti%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B0/Downloads/tehnologiya-iskusstvennogo-intellekta-i-pravo-vyzovy-sovremennosti%20(1).pdf) (дата обращения 23.10.2023).
11. Institute of Electrical and Electronics Engineers. URL: <https://www.ieee.org/> (дата обращения: 20.10.2023).
12. International Technology Law Association. URL: <https://www.itechlaw.org/> (дата обращения: 21.10.2023).
13. *Helbing Dirk.* The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future. 2011. URL: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/Futur>

ICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf (дата обращения: 25.10.2023).

14. *McLean Edward B.* Law and Civilization: The Legal Thought of Roscoe Pound. University Press of America, 1992. 323 p.
15. OECD AI Policy Observatory. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 21.10.2023).

Сведения об авторе / Information about the author

Соколова Алла Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Экономика и право», Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь; профессор-эмеритус, Европейский гуманитарный университет, г. Вильнюс, Литовская Республика, alla.sokolova@ehu.lt

Sokolova Alla Anatolevna – PhD in Law, Associate Professor of the Department «Economics and Law», Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus; Professor-Emeritus of the European Humanities University, Vilnius, Republic of Lithuania, alla.sokolova@ehu.lt

УДК 340.12

В. П. Пономарева

СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА ГЛАЗАМИ ЮРИСТОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация. В статье представлен анализ основных категорий советской теории права профессорами Русского юридического факультета в Праге и краткий обзор высшего юридического образования в Зарубежной России. К началу 20-х гг. прошлого века в Париже, Праге и Харбине были созданы российские научные учреждения, академическая группа и высшие учебные заведения, которые считали необходимым готовить юристов для будущей свободной России. Несмотря на аргументированную критику основных категорий советской теории права, данную профессорами Русского юридического факультета в Праге в сборнике «Право Советской России» следует признать, что юридическая наука русского Зарубежья смогла поднять ряд правовых проблем советского права, тем самым, помогая выработать догмы нового национально-го права России. Профессора и наиболее талантливые студенты русской диаспоры активно формировали правовое пространство, публикуя монографии, учебные курсы, сборники статей и работ, издавая специальные журналы и так далее. Благодаря этому российская правовая традиция не прервалась в эмиграции, а правовое наследие стало достоянием как отечественной, так и зарубежной юриспруденции.

Ключевые слова: правоведеы русского зарубежья, русское юридическое образование в Зарубежной России, категории права.

V. P. Ponomareva

SOVIET THEORY OF LAW THROUGH THE EYES OF RUSSIAN EMIGRANTS' LAWYERS

Abstract. The article presents an analysis of the main categories of the Soviet theory of law by professors of the Russian Law Faculty in Prague and a brief overview of higher legal education in foreign Russia. By the early 20s of the last century, Russian scientific institutions, an academic group and higher educational institutions were established in Paris, Prague and Harbin, which found it necessary to train lawyers for a future free Russia. Russian law Despite the reasoned criticism of the main categories of the Soviet theory of law given by professors of the Russian Law Faculty in Prague in the collection "The Law of Soviet Russia", it should be recognized that the legal science of the Russian abroad was able to raise a number of legal issues. Problems of Soviet law, thereby helping to develop the dogmas of the new national law of Russia. Professors and the most talented students of the Russian diaspora actively formed the legal space, publishing monographs, training courses, collections of articles and works, special journals, and so on. Thanks to this, the Russian legal tradition was not interrupted in emigration, and the legal heritage became the property of both domestic and foreign jurisprudence.

Key words: Russian lawyers' abroad, Russian legal education in Foreign Russia, categories of law.

Русское Зарубежье – это уникальное социокультурное явление, вызванное к жизни событиями февраля – октября 1917 г. и гражданской войны, возникшее на основе преемственности с российской культурой и диалога с другими социокультурными образованиями [9, с. 78]. В неимоверно трудных условиях чужбины русские люди не только смогли сохранить былую славу своего Отечества, его традиции, веру, язык, но и создать уникальное правовое наследие, которое сегодня важно для осмысления духовных проблем современной России.

Русская зарубежная юридическая мысль в 20–30-е гг. XX в. подняла и решила ряд проблем теории права, изучив их с позиций основных категорий юридической науки, в контексте новых течений западной юридической мысли, не прерывая российскую правовую традицию. В составе «первой волны» эмигрантов было много юристов-практиков, университетских преподавателей, представлявших различные научные школы дореволюционной России. Ученые-правоведы активно включались в работу зарубежных университетов и академических центров, откликались на правовые новации, оказывали заметное влияние на развитие юридической науки в эмигрантской среде.

В начале 20-х гг. центрами сосредоточения юридических кадров из России стали Белград, Берлин, Париж, София, Харбин. Русские правоведы попадали в них вместе с эвакуационными волнами Добровольческой Армии из Крыма в Константинополь, с армией адмирала А. В. Колчака из Сибири в Северную Маньчжурию, через прибалтийские страны в Берлин и Париж. Большая группа юристов оказалась на Западе, добравшись на пяти рейсах пассажирских судов, собиравшемся названных «Философским пароходом» из Петрограда в 1922 г. [3, с. 79–80].

Одной из ярких страниц образовательной, научной и культурно-просветительской деятельности русской эмиграции был Русский Научный Институт в Берлине, открытый 17 февраля 1923 г. в составе трех секций (отделений) – духовной культуры, экономической и правовой. Это учреждение недолго возглавлял известный русский юрист И. А. Ильин. Предполагалось, что ввиду случайного состава высланных и проживающих в Берлине профессоров, программа Института будет приспособлена к личному составу, а дипломы предполагалось выдавать по правилам Университетского устава 1885 г., сами же сотрудники института считали его миссию научно-просветительской [7, с. 9]. История Русского Научного Института прослеживается до второй половины 1930-х – начало 40-х гг., но, принципиальных научных исследований в сфере права не было [10].

Во многом это объясняется тем, что к началу 20-х гг. в Париже, Праге и Харбине появились первые учебные заведения, где эмигрантская молодежь могла получить первоклассное высшее юридическое образование на русском языке. В то же время в Советской России проводились революционные преобразования в области высшего образования. В феврале 1918 г. Наркомат просвещения РСФСР принял Постановление «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» № 859 – о закрытии юридических факультетов «ввиду совершенной устарелости учебных планов, а также полного несоответствия этих планов, как требованиям научной методологии, так и потребностям советских учреждений» [5, ф. 2306, оп. 1, д. 36, л. 89]. В марте 1919 г. были открыты факультеты общественных наук (далее – ФОН), в которые входили 3-х годовичные правовые отделения для подготовки практических работников социалистического строительства в сфере государственного

устройства и управления, обороны и правосудия. В области теоретического правоведения на правовых отделениях предполагалось знакомить студентов с методологией общественных наук, особенно экономических; общей теорией исторического процесса, уделяя внимание соотношению права и экономики; коллективной и индивидуальной психологии, формирующих мотивацию поведения. На время переходного периода кафедры финансового права, международного права, русского государственного права передавались на историко-филологические факультеты, кафедра государственного права преобразовывалась в кафедру советского законодательства, создавались кафедры эволюции политической и правовой мысли, публичного права Советской республики, социалистического права, криминальной, социальной и политической истории международных отношений и международного права, а, остальные кафедры – упразднялись [5, ф. 1609, оп. 18, д. 22, л. 151].

Первыми преобразовывали юридический факультет Московского университета, профессора которого пытались протестовать против введения новых «классовых» курсов. На заседании совета юридико-политического отделения ФОНа Московского университета от 26 сентября 1919 г. профессор А. М. Винавер высказался против включения в учебный план в обязательном порядке курса «Рабочее право и история рабочего законодательства», посчитав этот курс «излишним» [5, ф. 1609, оп. 18, д. 119, л. 30]. Все это вызывало недовольство партийно-государственного руководства РСФСР и на XII конференция РКП(б) (1922 г.) отмечалось, что антисоветские течения систематически пытаются превратить «кафедру высших учебных заведений в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды» [15]. В Петроградском университете реорганизация юридического факультета несколько затянулась, но, в итоге и его закрыли. Таким образом, прием студентов на юридические факультеты в РСФСР (позднее, в СССР) прекратился на долгие годы.

В эмиграции статус юридических факультетов определялся Общим уставом императорских российских университетов 1884 г. [4], действующим до февраля 1917 г.

Вокруг этих юридических факультетов Русского Зарубежья и продолжала формироваться правовая наука.

В Парижском университете в 1921 г. был открыт русский юридический факультет, который имел полный профессорско-преподавательский состав, хотя, естественно, число преподавателей постоянно менялось из-за малого числа слушателей [9, с. 85]. На факультете читали лекции: по государственному праву Г. Д. Гурвич, по гражданскому праву – В. Б. Эльяшевич, по уголовному – В. Д. Кузьмин-Караваев, вел занятия по истории русского права К. О. Зайцев, преподавал международное право Б. Э. Нольде. По понятным причинам, знание французского законодательства было более актуальным, чем изучение русского права, поэтому русский юридический факультет в Париже существовал не долго.

В совершенно исключительном положении оказалась молодежь русской диаспоры в Чехословакии благодаря особой программе помощи беженцам, организованной первым президентом республики Томашем Масариком [16]. Осенью 1921 г. в Праге возникло гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, призванное организовывать специальные занятия для русских студентов Карлова университета. Его председателем стал профессор

П. И. Новгородцев, секретарем – профессор Н. Н. Алексеев [2]. Позднее, на базе юрико-экономической секции гуманитарного отделения, был создан Русский юридический факультет. Первым деканом стал известный юрист П. И. Новгородцев, который понимал, что с упразднением юридического образования в РСФСР, возможность обучаться правоведению осталась только в русском Зарубежье.

Профессора верили, что выпускники факультета, в будущем, вернутся в новую демократическую Россию, где смогут использовать полученные ими знания. В приветственной речи 18 мая 1922 г. профессор П. И. Новгородцев говорил об этом: «Открытие Русского юридического факультета есть ставка на Россию, на ее будущее и, наконец, ставка на право» [12, с. 23].

Однако ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Главная из них заключалась в том, что юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях и национальном праве, за рубежом не смогло быть равноценным знаниям, полученным в местных высших школах. Дипломы Русского юридического факультета не могли быть признаны вне эмигрантской среды [14]. В 1929 г. факультет прекратил образовательную деятельность, а в 1933 г. официально упразднен.

Третьим крупным университетским центром русской эмиграции стал город Харбин – столица китайской Северной Маньчжурии. После крушения омского правительства адмирала Колчака в Харбин прибыла группа профессоров – юристов, которые и стали основателями «Высших экономико-юридических курсов», на базе которых, позднее, был создан частный вуз «Юридический факультет в городе Харбине» [1]. Это было важное событие, так как по отношению к русским жителям Маньчжурии применялось российское дореволюционное право. За образец организации Юридического факультета был взят устав Московского университета, в соответствии с которым создали 12 кафедр, которые «до конца дней своих дней сохраняли программу старых русских университетов» [6, с. 214].

Позиция факультета в отношении русского дореволюционного и советского права сформулировал профессор В. Рязановский: «Может быть, у некоторых возникает сомнение, зачем на Юридическом факультете преподается старое право в то время, когда вся Россия живет новым правом. В ответ на это скажу, что эти сомнения мне представляются и теоретически неправильными и фактически неверными. Прежде всего, надо отметить, что, строго говоря, нет старого и нового права, а есть единое право, которое живет и развивается; может быть только старое и новое законодательство» [6, с. 224].

С 1925 года на факультете издавались научные труды преподавателей – «Известия Юридического факультета». В рецензии журнала «Современные записки» (Париж) на третий том «Известий» автор назвал Юридический факультет в Харбине «оазисом русской культуры» и выразил убежденность, что ему «предстоит стать на неопределенное время единственным свободным рассадником русского юридического образования» [11, с. 19].

В Харбине сформировалась своя научная школа правоведов. Ученые юридического факультета, такие как профессор Г. К. Гинс, М. Н. Ершов, В. А. Рязановский, Г. Г. Тельберг, Н. В. Устрялов изучали старое русское право и новое советское право, исследовали правовое пространство стран Восточной Азии, изучали тенденций европеизации китайского права.

После оккупации Маньчжурии Японией и образование марионеточного государства Маньчжоу Го, продажей Китайской Восточной железной дороги, массового отъезда русского населения из Харбина, число студентов на факультете уменьшилось и тем самым свело на нет перспективы дальнейшего существования Юридического факультета. В 1937 г. он прекратил свою деятельность, внося заметный вклад в интеллектуальную жизнь Русского Зарубежья, поскольку дал солидную подготовку целому ряду молодых эмигрантов, которые впоследствии продолжили образование в других странах, главным образом в США.

Русские юридические факультеты занимались не только профессиональным образованием эмигрантской молодежи, но и формировали юридическую науку в Русском Зарубежье. Этот интеллектуальный процесс протекал в совершенно исключительной обстановке утраты основного объекта исследования правоведов – русского национального права, обусловленного проживанием в чужой стране, в которой действуют иные нормы.

Возникшее на территории большевистской России советское право воспринималось как новообразование, не имеющее будущего. Тем не менее, изучение этого права и правоприменительной практики большинством ученых считалось необходимым, что подтвердил съезд русских юристов, прошедший в октябре 1922 г. в Берлине [8].

Характеристику советского права, с точки зрения основных категорий общей теории права, на съезде русских юристов в Берлине (1922), представил Н. С. Тимашев в докладе «Правотворчество и применение права в советской России» [17]. Позднее вышло переработанное издание «Энциклопедии права» В.Ф. Тарановского, в котором был представлен догматический анализ общей теории советского права [18].

В 1925 г. в Праге вышел фундаментальный труд «Право Советской России», подготовленный профессорами Русского юридического факультета в Праге, в том числе Николаем Николаевичем Алексеевым и Николаем Сергеевичем Тимашевым [13]. Первая часть сборника была посвящена вопросам общей теории советского права, вторая – отраслям советского права.

Авторы-составители признавали, что для всестороннего познания права необходимо проживать в России, так как годы, прошедшие со времени событий октября 1917 г., изменили не только политико-географическое очертание великой страны, утратившей даже имя России, но и бытовые и хозяйственные условия существования государства.

Н. Н. Алексеев и Н. С. Тимашев исходили из того, что в советском государстве существенно изменилась правовая сфера, и наметились глубокие отклонения в области права, «связанные с резким расхождением между писанным законом и жизненными отношениями, между правом и фактом. Едва ли где-нибудь можно наблюдать столь резкое расхождение, как это имеет место в советской России. Отрицание самостоятельной ценности права, отсутствие правовой традиции, необычайная текучесть и изменчивость самих форм правотворчества, открыто выраженное властью нежелание связывать себя какими – либо устойчивыми нормами, – все это создает чрезвычайные трудности при изучении права советского государства» [13, с. 5]. Тем не менее, несмотря на все трудности, зарубежные юристы «не могут уклониться от посильного опыта научного анализа современного правового состояния

родины» [13, с. 5]. «Изучение права советской России, по нашему убеждению, согласного с мнением съезда русских юристов за границей (Берлин, 1–4 октября 1922 г.), представляется подлинной необходимостью. Оно необходимо, прежде всего, для того, чтобы иметь возможность не только в общей форме отрицать его, но и опровергать, столь часто встречающиеся за пределами России ошибочные представления о нем, в особенности в настоящее время, когда, в связи с провозглашением лозунга «социалистической законности» и изданием внешне упорядоченных кодексов, создается видимость глубокого перелома в правовом состоянии страны в сторону улучшения. С другой стороны, с советским правом, как создавшим, в результате относительно длительного существования, многочисленные субъективные права (напр., в области земельных отношений, в сфере семейного права и т. д.), придется считаться и при всяких изменениях в формах политического бытия России» [13, с. 6].

Естественно, что поясняя причины, побудившие к изучению советского права, авторы сразу же указывают на то, что исследование нового национального права «разумеется, отнюдь не означает призыва к его признанию. Из всего содержания сборника явствует, что советское право в его принципиальных основаниях не является той основой, на которой может и должен строиться здоровый созидательный процесс правового возрождения России. Но самое отрицание советского права, по нашему убеждению, действительную свою силу и внутреннюю убедительность должно основывать на точном и объективном знании его» [13, с. 6].

Среди наиболее важных категорий советского права, которые исследуются в сборнике, выделяются источники права. Суть проблемы, по мнению авторов-составителей, в том, что право, по взглядам идеологов советского государства «должно было родиться из непосредственных источников революционного сознания, менее всего связанного какими-либо привычными шаблонами. Его должна была породить «праздничная энергия масс» и их «революционный энтузиазм» [13, с. 7]. Но революционное сознание народных масс как источник права никак не коррелируется с сущностью советской власти, с государством диктатуры пролетариата. Если диктатура – это власть, опирающаяся на насилие, власть вне всяких законов и норм, не терпящая никаких регламентов, никаких формальностей, то, строго говоря, она (диктатура) «несовместима с писаным правом и не нуждается ни в каких основных и конституционных законах» [13, с. 7]. И новый парадокс советского права, на который указывают Н. Алексеев и Н. Тимашев – пристрастие к писаному праву, что составляет характерную особенность советского правотворчества – «чрезвычайно богатое развитие писаного права, – сначала в виде бесконечного количества не приведенных в систему декретов, устанавливающих основные контуры советских учреждений, а потом в виде систематизированных и даже кодифицированных сборников права» [13, с. 8].

В контексте источников права выделена проблема советских органов правотворчества. Авторы – составители сборника указывают, что «Конституция РСФСР от 10-го июля 1918 г. и СССР от 6-го июля 1924 г. дают по этому вопросу довольно неопределенные постановления, которые могут быть резюмированы, как предоставление правотворческой функции Съезду Советов, ЦИК-у и СНК» [13, с. 8]. Но на практике « кроме вышеозначенных органов, законодательствуют и Президиум ВЦИК-а, и СТО, и ВСНХ, и отдельные народные комиссариаты со своими отделами и управлениями, и разные

чрезвычайные органы управления (различные «тройки», «пятерки» и т. д. по борьбе с топливом, транспортным или иным кризисом или с трудовым дезертирством и т. д.) и, что особенно характерно, органы, формально не принадлежащие к составу государственного аппарата, как, например, Всероссийский Центральный Совет профсоюзов со своими центральными и местными ответвлениями» [13, с. 8]. Фактически, нормы права одновременно издаются по одним и тем же вопросам разными, зачастую не связанными между собой государственными и местными органами власти, мало отличаются друг от друга и разные правотворческие органы не знают «иногда не только о нормах, уже изданных другими органами, но даже о существовании последних» [13, с. 9].

Форма советского права так же стала предметом обсуждения в сборнике «Право Советской России». Алексеев Н. Н. и Тимашев Н. С. констатируют обилие норм писаного права и возникновение их в разнообразных источниках. Теоретики права указывают на то, что множественность форм права порождает необходимость классификации норм по юридической силе: «все это заставляет юриста с особым вниманием отнестись к вопросу о том, нельзя ли установить какие-либо признаки, позволяющие выделить в особую категорию нормы, которым, в формальном смысле слова, принадлежит высшая юридическая сила» [13, с. 9].

Советская практика исходила из того, что правотворческие акты публикуются под различными наименованиями: декрет, постановление, приказ, иногда – закон. Но, «ошибочно было бы, однако, искать за этими названиями какие-либо существенные различия. Советская власть не следует в данном случае историческим образцам французской революции, правотворчество которой всегда стремилось провести – различие между обычным декретом и декретом, наделённым силой закона» [13, с. 9].

Вывод, который делают юристы Русского Зарубежья: «русская революция проявила по отношению к идее закона какой-то особый удивительный дальтонизм. Непонимание смысла закона и законности, как формального условия жизни правового государства, составляет одну из наиболее замечательных свойств советского правительства. Положительное советское право в его «законах», декретах и постановлениях одинаково является *правом писанным, но не имеющим характера законного права*. Категория закона к этому праву вообще не применима» [13, с. 10].

Исследуя основные категории советского права, авторы – составители сборника указывают, что в нормах писанного советского права нет возможности провести какое-либо различие между двумя основными элементами закона в юридическом смысле этого слова, – между содержанием закона и между обязательной его силой. Различия этого материального и формального момента законодательных норм для советской практики не существует. Профессора Алексеев и Тимашев подкрепляют свой вывод следующими аргументами: «Советский строй похож в этом отношении на абсолютную демократию и на абсолютную монархию и всего менее подобен конституционному государству. Таким образом, можно утверждать, что нормы писаного права Советской Республики не обладают теми общими свойствами, какие обычно присущи изданным в установленном порядке государственным законам.

Характерно в этом отношении отсутствующее в советской практике отличие законов от указов, полная невозможность различать их» [13, с. 12].

Проблемой теории советского права, по мнению авторов сборника, является и то, что законодательные постановления советской власти не знают какого-либо особого порядка их отмены. Один декрет может быть отменен другим декретом, без всяких особых условий, и это независимо от иерархического соотношения издающего и отменяющего органа». В качестве примера приводятся: «ст. 51 Конституции РСФСР, по которой исключительному ведению Всероссийского Съезда Советов «подлежит установление, дополнение и изменение основных начал Советской Конституции. Но практика советской власти убеждает в том, что существенные и значительные изменения Конституции РСФСР введены были помимо участия съезда Советов. Так, например, ст. 64–78 Конституции, касающиеся избирательного права, подверглись неоднократному и существенному изменению на основании декретов ВЦИК-а. Изменена упраздненным тыловое ополчение декретом ВЦИК-а от 28 сент. 1922 г. ст. 19 Конституции» [13, с. 13].

Авторы предполагают, что выход из создавшегося положения советская теория права может найти, создавая кодексы, которые «можно рассматривать, как попытку выделить обладающую повышенной силой форму права под наименованием «кодекс». Конституция передает право издавать кодексы исключительно в компетенцию ЦИК-а, но специальный декрет 1923 г. (Известия ВЦИК-а № 159) устанавливает, что все предложенные ведомствами дополнения, изменения и поправки к кодексам, до внесения их на рассмотрение законодательных органов, должны направляться в НКЮ (наркомат юстиции), который вносит их на очередную сессию ЦИК-а или, при необходимости немедленного проведения их в жизнь – в его президиум, которому, в особо исключительных случаях, предоставляется право утверждать их с последующим окончательным утверждением очередной сессией ЦИК-а» [13, с. 14].

При наличии законодательной процедуры кодификация должна пройти те же самые стадии законодательного процесса, какие проходит каждый закон. Но, когда законодательная процедура отсутствует, процесс кодификации превращается в своеобразный законодательный акт, в результате которого, с одной стороны, «из пестрого, многообразного и случайного материала писаного права выделяются правовые нормы, обладающие законной силой, с другой стороны – создаются новые правовые нормы, подобные законам» [13, с. 14]. К сожалению, пишут Н. Алексеев и Н. Тимашев: «широкий процесс кодификации советского права за последнее время имеет именно такой «quasi – законодательный характер» [13, с. 15].

Так же авторы сборника обращали внимание и анализировали практику самовольного местного правотворчества (приводили ряд выдержек из официальных советских изданий, подтверждающих это положение), констатируя активную борьбу центральных органов советской власти с самовольной правотворческой деятельностью местных органов. Вывод не утешителен: «Советская Республика есть государство, в котором существуют нормы установленного писаного права (*jus constitutum*), не имеющие, однако, характера законов. В этом заключается отличие советского строя, как от государств, преимущественно живущих неписанным обычным правом, так и от государств, основывающихся на принципе письменного закона» [13, с. 18]. «Но теория советской власти не признает ни самостоятельности и святости

юридических обычаев, ни формальной силы установленных законов. Поэтому писаное право Советской России в принципе есть чистое выражение ничем не связанной и не ограниченной силы, диктующей свои предписания и изменяющей их в зависимости от интересов и потребностей стоящих у власти групп. Воплощением такого права и является революционный декрет (в широком смысле)» [13, с. 18].

В первой части сборника анализируются и другие проблемы советской теории права, в частности: порядок опубликования правовых норм, вступления их в законную силу, применения норм советского права.

Несмотря на аргументированную критику основных категорий советской теории права, данную профессорами Русского юридического факультета в Праге в сборнике «Право Советской России» следует признать, что юридическая наука русского Зарубежья смогла поднять ряд правовых проблем советского права, тем самым, помогая выработать догмы нового национального права России.

Идеи и публикации русских правоведов легли в основу дальнейшего развития как отечественной, так и зарубежной юриспруденции.

Библиографический список

1. Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине за восемнадцать лет существования (исторический очерк) // Известия Юридического факультета = Memoirs of the Harbin law college / Высшая школа в Харбине. Харбин: Тип. Китайской восточной ж. д., 1938. Т. XII. С. 3–86.
2. Ганин В. В. Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37–43.
3. Гессен И. В. Годы изгнания. Paris: YMCA-Press, 1979. 269 с.
4. Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб, 1900. Т. LXXIX. С. 324–351.
5. Государственный архив Российской Федерации, ф. 2306, оп. 1, д. 36.
6. Известия Юридического факультета = Memoirs of the Harbin law college / Высшая школа в Харбине. Харбин: Тип. Китайской восточной ж. д., 1925. Т. 1. 248 с.
7. Ильин И. А. Собр. соч. доп. т. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 608 с.
8. Исаев И. А. Русская юридическая наука за рубежом (20-е – начало 30-х гг.) // Русское зарубежье: История и современность: сб. ст. / РАН, ИНИОН. ред. колл.: Ю. В. Мухачёв (гл. ред.) и др. Вып. 5: Ред.-сост. вып. Ю. В. Мухачёв, Т. Г. Петрова. М.: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН (ИНИОН), Центр комплексных исследований российской эмиграции, 2016. 241 с.
9. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971. 347с
10. Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 94–103.
11. Никифоров Н. И. Оазис русской культуры // Рубеж. Харбин, 1934. 18 августа. № 34.
12. Отчет о состоянии и деятельности русского юридического факультета в Праге за 1923–24 уч. г. Прага: Типография «Легіографія», 1925. 33 с.
13. Право Советской России: сб. ст., сост. проф. Русского юрид. фак-та в Праге Н. Н. Алексеевым, С. В. Завадским, А. В. Маклецовым, Н. С. Тимашовым.

- Вып. 1: Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право. Прага: Пламя, 1925. 335 с.
14. Русские в Праге 1918–1928 гг. / ред.-изд. С. П. Постников. Репринт. воспроизв. изд.: Прага: Воля России, 1928. Praha: Narodni Knihovna Ceske Republiky, 1995. 352 с.
 15. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию / Народный комиссариат по просвещению. Вып. 2: (С 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г.). М.: Гос. изд., 1920 (обл. 1921). 236 с.
 16. *Сератионова Е. П.* Т. Г. Масарик и русские эмигранты в ЧСР // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика: по материалам междунар. науч. конф. М.: Русский путь, 2005. С. 61–70.
 17. *Чирова О. А.* Роль Съезда русских юристов и его Комитета в правовом регулировании статуса эмигрантов из России (сер. 20-х гг.). Новый исторический вестник. 2002. № 2. С. 86–96.
 18. Энциклопедия права. Труды русских ученых за границей / под ред. проф. А. И. Каминка. 2-е изд. испр. и доп. / проф. Ф. В. Тарановский. Берлин: Слово, 1923. Т. 4. 439 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Пономарева Вера Павловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Московский университет им. А. С. Грибоедова, г. Москва, Россия, pon-vera @yandex.ru

Ponomareva Vera Pavlovna – Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of The History and Theory of State and Law Chair, Faculty of Law, A. S. Griboedov Moscow University, Moscow, Russia, pon-vera @yandex.ru

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ
(В рамках 50-летия ИвГУ)**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

УДК 340.12

Е. Л. Поцелуев

**ПОНИМАНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА В СОВЕТСКОЙ УЧЕБНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ПО ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Аннотация. В статье изложен и проанализирован материал из учебников по теории государства и права, другой литературе, написанный исследователями из Института государства и права Академии наук СССР, преподавателями МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинградского университета им. А. А. Жданова, других центров юридической науки и юридического образования. Авторы этих работ, как правило, кандидаты и доктора юридических наук, маститые ученые. Поэтому изучение отечественной теоретико-правовой мысли советского периода имеет важное значение, которое актуализируется тем обстоятельством, что изученные работы были написаны и опубликованы в период «холодной войны». Рассмотрены подходы советских ученых-юристов к таким вопросам как марксистско-ленинское учение о государстве и праве, сущность права и государства, исторические типы государства и права, суверенитет, государственный суверенитет, внутренний и внешний аспекты суверенитета, народный суверенитет, национальный суверенитет.

Ключевые слова: советская теория государства и права, учебная литература по теории государства и права, марксистско-ленинское учение о государстве и праве, сущность права и государства, исторические типы государства и права, суверенитет, государственный суверенитет, внутренний и внешний аспекты суверенитета, народный суверенитет, национальный суверенитет.

E. L. Potseluev

**UNDERSTANDING SOVEREIGNTY
IN SOVIET ACADEMIC LITERATURE
ON THE THEORY OF STATE AND LAW**

Abstract. The article describes and analyzes the information from textbooks on the theory of state and law and other sources written by researchers from the Institute of State and Law of Academy of Sciences of the USSR, scholars of Lomonosov Moscow State University, Zhdanov Leningrad State University, and other centers of legal science and legal education. The authors of these works usually are Candidates of legal sciences and Doctors of Jurisprudence, experienced scholars. Therefore, the study of the domestic legal thought of the Soviet period is of great importance, because of the fact that the considered works were written and published during the Cold War. The approaches of Soviet legal scholars to such issues as the Marxist-Leninist doctrine of the state and law, the nature of law and

© Поцелуев Е. Л., 2023

2023. Вып. 3 •

the state, historical types of state and law, sovereignty, state sovereignty, internal and external aspects of sovereignty, people's sovereignty, national sovereignty are considered.

Key words: Soviet theory of state and law, academic literature on the theory of state and law, Marxist-Leninist doctrine of state and law, the nature of law and state, historical types of state and law, sovereignty, state sovereignty, internal and external aspects of sovereignty, people's sovereignty, national sovereignty.

Введение. Как известно, после печально знаменитой Фултонской речи У. Черчилля началась «холодная война», которая во время Карибского кризиса чуть не переросла в военное столкновение между США и СССР, между НАТО (создан согласно Атлантическому пакту 1949 г. [6, с. 126]) и Организацией Варшавского Договора (ОВД). В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. начался третий этап кризиса колониальной системы и появление новых, независимых государств. Вооруженные конфликты международного характера во Вьетнаме, Афганистане и других странах еще больше повышал интерес ученых, в том числе юристов (правоведов) к проблеме суверенитета современных государств. Поэтому вопрос о государственном суверенитете был, конечно, в рассматриваемый период актуальным и имел важное не только теоретическое, но практическое значение.

Мы изучили книги по теории государства и права 60–70-х гг. двадцатого столетия, написанные исследователями из Института государства и права Академии наук СССР, преподавателями МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинградского университета им. А. А. Жданова, Среди авторов учебной литературы вышеуказанного периода, безусловно, следует выделить таких известных ученых – юристов, классиков советской теории государства и права, как Н. Г. Александров (1908–1974) и А. И. Денисов (1906–1984).

Следует помнить, что в советское время учебников по двум вышеназванным учебным дисциплинам было по сравнению с постсоветским периодом немного: речь не о тиражах, а о том, что такие книги выпускали только ведущие вузы страны.

Учебная литература по теории государства и права 60-х гг. Так, в труде «Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве» под редакцией П. С. Ромашкина, М. С. Строговича и В. А. Туманова, изданного в 1962 г., нет привычного нам материала о признаках государства. В этой книге одна глава посвящена рабовладельческому государству и праву, другая – феодальному, следующая – буржуазному, затем – государствам, освободившимся от колониальной зависимости и далее несколько глав – социалистическому государству и праву. Интересующий нас материал мы нашли в главе VII «Государства, освободившиеся от колониальной зависимости». В ней говорится, что после Второй мировой войны «в Азии и Африке образовалось более 40 суверенных государств» [18, с. 147]. Автор данной главы, кандидат юридических наук Юдин, все страны, которые добились независимости после Второй мировой войны разделил на две группы:

а) «которые отстаивают свою политическую и экономическую независимость, проводят миролюбивую внешнюю политику, выступают за ликвидацию колониализма во всех его формах им проявлениях) Индия, Индонезия, Гана, Гвинея и др.);

б) страны, формально получившие самостоятельность, а фактически находящиеся в политической и экономической зависимости от иностранных монополий, вступившие в агрессивные блоки империалистических держав

или заключившие с ними неравноправные экономические и политические соглашения (Пакистан, Филиппины и др.)» [18, с. 148–149].

Юристы знают, что Индия, Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) были лидерами Движения неприсоединения, поэтому пример очень удачный. Это, во-первых. Во-вторых, и в настоящее время Индии пока удается сохранять определенную самостоятельность и независимость в своей внешней политике. В-третьих, ликвидация американцами Усама Бен Ладана на территории Пакистана, судя по всему, без разрешения и без согласования с властями этой страны явно показывает ограниченность суверенитета данного государства. В-четвертых, безусловно, членство государств в военных блоках ограничивает их независимость во внешнеполитической сфере. В-пятых, появление транснациональных корпораций ставит под вопрос проявление суверенитета ряда государств в их внутренней политике, по крайней мере, в сфере экономики.

Ю. А. Юдин делает правильный и очевидный вывод, что «политическая независимость не может быть реальной без независимости экономической» [18, с. 149]. Ученый сделал такой вывод применительно только к странам, освободившим от колониального гнета, но его можно экстраполировать на все государства, как в прошлом, так и в настоящем и обозримом будущем. Таким образом, это универсальное умозаключение.

В 1963 г. было выпущено учебное пособие (объем его 563 страницы!) коллективом ученых. В первой главе «Сущность государства и права» доктор юридических наук, профессор Н. Г. Александров последним (четвертым) признаком, отличающим государство в сравнении с другими организациями называет суверенитет, который выражается в том, что «государство не подчиняется какой-либо другой власти» и имеет «право решать самостоятельно внутренние и внешние дела» [1, с. 21]. Полагаем, что с таким подходом вполне можно согласиться, поскольку он отражает две грани государственного суверенитета: внутренний аспект и внешний. Нужно сделать лишь одну принципиальную оговорку: в государствах с демократическим режимом оно обязано подчиняться народному волеизъявлению на выборах и на референдуме, то есть получается, что оно подчиняется власти граждан (подданных) своей страны.

В этой книге в третьей главе «Исторические типы государства и прав эксплуататорских классов» (автор – кандидат юридических наук И. Ф. Калинин) есть § 6 «О государстве стран, освободившихся от колониальной зависимости». В нем, в частности, перечисляются государства (Индия, Бирма, Цейлон, Индонезия, Объединенная Арабская республика (в настоящее время это Египет и Сирия), Ирак, Сирия, Гана, Гвинея, Сенегал, Мали и др.), которые «добиваются экономической самостоятельности и упрочения политической независимости» [7, с. 119]. Далее автор отмечает, что эти страны «объективно создают условия для самостоятельного развития», проводя прогрессивные преобразования в общественно-экономической жизни, «опираясь на государственный сектор в экономике» 6, с. 120. Ученый констатирует, что эти молодые суверенные государства «не входят ни в систему империалистических, ни в систему социалистических государств» и прогнозирует, что до тех пор «эти страны не покончат с экономической зависимостью от империализма, они будут играть роль «мировой деревни», останутся объектом полуколониальной эксплуатации» [7, с. 120]. «В деле завоевания и

защиты национальной независимости ... важнейшую силу представляет собой союз рабочего класса и крестьянства», – пишет Ф. И. Калинычев [7, с. 121]. По его мнению, «независимое государство национальной демократии должно будет:

- последовательно отстаивать свою политическую и экономическую независимость, бороться против империализма и его военных блоков, против военных баз на своей территории;
- бороться против новых форм колониализма и проникновения империалистического капитала» [7, с. 123–124]; и др.

Мы видим во многом единство подходов авторов двух вышеуказанных изданий: историческая типология государств, классовый подход и соответствующая терминология (империализм, империалистический капитал, эксплуататорские классы и т. п.), речь о суверенитете идет применительно к государствам, освободившимся от колониальной зависимости; но в издании 1963 г. отмечаются суверенитет как отличительный признак любого государства и раскрывается его сущность.

В 1965 г. Всесоюзный юридический заочный институт (знаменитый ВЮЗИ) выпускает учебник «Теория государства и права» под редакцией профессора К. А. Мокичева. В нем называется пять особенностей, отличающих государство от других учреждений и организаций классового общества. Пятой, последней, является, как пишет доцент М. И. Хмелинин, суверенитет. Он понимает под ним «независимость государства, получающего свое выражение в праве государства свободно, по своему усмотрению решать свои внутренние и внешние дела без нарушения прав других государств, а также принципов и норм международного права» [17, с. 73–74]. Вполне корректная характеристика, которая могла быть дана и в настоящее время рядом авторов, особенно с легистским правопониманием. А вот далее идет текст, типичный для подобной литературы советской эпохи: «Государственный суверенитет носит классовый характер. В нем находит свое политическое и юридическое выражение полновластие господствующего класса. Суверенитет эксплуататорских государств принадлежит только господствующему классу, а не всем классам, не всему обществу, «нации», «народу», как об этом пишут буржуазные ученые. В антагонистическом, в частности, в капиталистическом обществе народ не обладает суверенитетом, не является его субъектом, ибо господствующее положение в обществе занимает буржуазия и суверенитет государственной власти есть политическое и юридическое выражение полновластия господствующего класса капиталистов...» [17, с. 74]. Затем следует логичный вывод о том, что «только в социалистическом государстве суверенитет стал подлинным суверенитетом народа» [17, с. 74].

Получается, что в социалистических странах понятия «государственный суверенитет» и «народный суверенитет» тождественные. Однако, М. И. Хмелинин правильно замечает, что «государственный суверенитет следует отличать от национального суверенитета. Национальный суверенитет, или суверенитет нации, означает право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [17, с. 74]. Следует отметить, что после Второй мировой войны и вплоть до признания коллективным Западом независимости косоваров (Косово) приоритет явно отдавался принципу территориальной целостности государств, принципу нерушимости границ. Впрочем, западные страны, на наш совершенно неправомерно, считают случай с Косово уникальным и не распространяют его на Южную Осетию, Абхазию, Крым и др.

Мы не отрицаем важность классового подхода к сущности государства и права, в том числе и государственного суверенитета, но не считаем его универсальным. Так, полагаем, что когда речь идет о периоде феодализма и соответственно феодальном государстве и суверенитете феодальных государств, то поскольку для этой эпохи характерно сословное деление, сословная структура общества, то логичнее, корректнее использовать именно эту терминологию. В. М. Сырых, кстати, считает, что католические государства средневековой Европы не обладали суверенитетом, а его носителем была Римская католическая церковь, Ватикан в лице его папы.

В 1966 г. выходит «Общая теория советского права» под редакцией докторов юридических наук С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. Констатируем, что впервые по сравнению с предшествующими учебниками начала 60-х гг. в названии книги (авторы пишут, что она может быть использована и в качестве учебного пособия) появляется термин «советского права». Это первое. Второе отличие заключается в том, что речь идет почти исключительно о праве: всего лишь два параграфа опосредованно, косвенно связаны с теорией государства: 6. Правовые формы осуществления функций Советского государства» (тема или гл. I) и 6. Укрепление законности в деятельности государственного аппарата (тема или гл. X) 13. Материала по интересующей нас проблеме в этом издании нет.

Учебная литература по теории государства и права 70-х гг. В 1972 г. в издательстве Московского университета тиражом 40 тысяч экземпляров под редакцией заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора А. И. Денисова выходит учебник «Теория государства и права». Имя этого исследователя и его теоретико-правовое наследие не забыто. В 2018 г., к 110-летию со дня его рождения, под редакцией доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права, политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, была издана монография с воспоминаниями об этом ученом и анализом его трудов: взглядах на государство и право [10, с. 40–52; 11, с. 120–129; 12, с. 3–10; 16, с. 52–72].

В учебнике 1972 г. отчасти сохраняется подход к суверенитету: он рассматривается среди признаков государства и опять последним, но, во-первых, довольно четко обосновывается его актуальность, а, во-вторых, более корректно излагается внутренний аспект суверенитета, в-третьих, ему уделено почти две страницы текста, то есть довольно много по сравнению с учебной литературой прошлого десятилетия [4, с. 80–81].

В этом учебнике говорится, что суверенитет принадлежит государству и под ним понимается «верховенство государства внутри страны и его независимость от власти какого-либо иностранного государства», то есть «право государства на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, право по собственной воле решать свои внутренние и внешние дела» [4, с. 83]. С таким подходом к интересующей нас дефиниции вполне можно согласиться.

Понятие «суверенитет» «на протяжении многих столетий привлекало к себе внимание теоретиков и государственных деятелей, — утверждает А. И. Денисов. — Оно приобрело еще большую остроту и актуальность в современную эпоху. Почему это так? Прежде всего потому, что империализм, представляя собой политическую реакцию по всей линии, попирает суверенитет как политический принцип и отвергает все демократические концепции

суверенитета, в частности, теорию народного суверенитета» [4, с. 83]. Если заменить термин «империализм» на «США, НАТО, коллективный Запад», то звучит очень актуально. Правда, суверенитет мы назвали бы не политическим, а правовым принципом, принципом современного международного права.

Позволим себе усомниться в одном из тезисов ученого: если имеются в виду теоретики государства и права, то это наука молодая и к 1972 г. она насчитывала в нашей стране максимум два столетия, в Западной Европе – немногим больше. Если отождествить мыслителей с теоретиками, то в этом случае, наверное, с А. И. Денисовым можно согласиться.

Далее ученый критикует зарубежных коллег, которые считают, что «усиление международного разделение труда и научно-технический прогресс представляют собой факторы, несовместимые с сохранением суверенных государств» [4, с. 84].

«Современные государства будто бы настолько зависят друг от друга во всех областях повседневной жизни, что уничтожение их суверенитета означало бы приведение правовых норм в соответствие с действительностью, – излагает А. И. Денисов мысли своих западных коллег. – Более того, суверенные государства и любые положительные концепции рассматриваются как абсолютное зло» [4, с. 84]. В примечании автор пишет, что свое «отрицательное отношение к государственному суверенитету выразили Дюги, Кельзен, Лаутерпахт, Лефер, Джессеп и многие другие буржуазные специалисты международного права» [4, с. 84].

Во-первых, Дюги и Кельзен были не только (и не столько) исследователями международного права. Ганс (Ханс) Кельзен – это, в первую очередь, теоретик права, философ права, специалист в области конституционного права и лишь затем – международного права. Доктор юридических наук, профессор А. В. Поляков называет Г. Кельзена одним «из самых авторитетных философов и теоретиков права XX в.» [14, с. 378], а доктор социологических наук, профессор В. А. Бачинин – австрийским правоведом, главой «венской нормативистской школы права, развивающейся в русле традиций юридического позитивизма» [2, с. 373]. Корректнее, конечно, определять Кельзена как австро-американского ученого-юриста [15, с. 8].

Французский юрист Леон Дюги (1859–1928) больше известен научной общественности как автор теории солидаризма (юридизированного солидаризма). Доктор юридических наук, профессор В. Г. Графский (1938–2022) пишет о нем как о теоретике права и государства [2, с. 560].

Во-вторых, в настоящее время благодаря переводам работ Г. Кельзена на русский язык 8, 9 можно дать более точную и достоверную характеристику его взглядов, в том числе и на проблему суверенитета. Заслуживает внимания анализ семи утверждений Г. Кельзена о суверенитете (нас интересуют лишь некоторые из них), сделанный кандидатом юридических наук, доктором философских наук А. Б. Дидикиным:

«Во-первых, суверенитет является неотъемлемой составляющей государства... И в силу того, что государство может быть нормативно рассмотрено только в связи с его правовой структурой, теория государственного суверенитета также должна быть правовой теорией» [5, с. 27].

«Во-вторых, в силу того, что теория государственного суверенитета является правовой и нормативной, само государство не может рассматриваться как реальный объект... Вместо этого, государство должно пониматься как олицетворение правой структуры, т. е. как юридическое лицо. Тогда правовая

теория государственного суверенитета – это теория суверенитета закона», – комментирует Г. Кельзена А. Б. Дидикин [5, с. 28].

«В-третьих, правовая теория суверенитета должна быть нормологической», т. е. «объект любой правовой теории должен быть нормативным» и эти нормативные объекты «должны находиться в логической связи друг с другом». Таким образом, «нормативная теория государственного суверенитета одновременно является и теорией о правовых нормах в их логической взаимосвязи» [5, с. 28–29].

«В-пятых, суверенитет закона, с точки зрения Г. Кельзена, является тем же самым, что и суверенитет правопорядка... Суверенный правопорядок является «высшим», потому что никакой другой нормативный порядок не может быть поставлен выше него», – разъясняет А. Б. Дидиким позиция ученого [5, с. 29].

Итак, совершенно очевидно, что Кельзен не был противником государственного суверенитета, но понимал его весьма своеобразно, оригинально, но вполне в духе своей нормативной теории права.

Таким образом, в советской литературе по теории государства четко прослеживается классовый, материалистический, формационный подход к проблеме государственного суверенитета. Ученые верно характеризовали внутренний и внешний аспект государственного суверенитета, различали народный, национальный и государственный суверенитет. Они констатировали, что бывшие колонии, независимые государства, находящиеся в экономической зависимости от капиталистических стран, подлинного суверенитета еще не обрели. Полагаем, что можно констатировать не вполне корректные высказывания советских ученых в адрес их западных (как их тогда называли – буржуазных) исследователей, что, по нашему мнению, можно объяснить «холодной войной» между социалистическими и капиталистическими странами, а также тем, что труды юристов из Австрии, ФРГ, Франции, США и других подобных государств, как правило, не были переведены на русский язык, были недоступны или малодоступны для большинства отечественных авторов.

Библиографический список

1. Александров Н. Г. Сущность права и государства // Основы теории государства и прав. М.: Госюриздат, 1963. С. 14–43.
2. Бачинин В. А. Кельзен // Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. С. 373.
3. Графский В. Г. История политических и правовых учений: учеб. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2009. 736 с.
4. Денисов А. И. Сущность, типы и формы государства // Теория государства и права / под ред. заслуженного деятеля науки РСФСР, проф. А. И. Денисова. М.: изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 80–81.
5. Дидикин А. Б. Принцип релятивизма в политике и международном праве // Философское и правовое наследие Ганса Кельзена: сб. ст. и материалов. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. С. 25–33.
6. Жакье Бернар. Международные отношения. Т. I: Субъекты международной системы: учеб. пособие. Н. Новгород: Университер де Гренобль; изд-во Нижегородского ун-та, 1997. 173 с.
7. Калинычев Ф. И. Исторические типы государства и права эксплуататорских классов // Основы теории государства и прав. М.: Госюриздат, 1963. С. 63–126.

8. Кельзен Ганс. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезева. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
9. Кельзен Ганс: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., фр.; сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. М.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 704 с.
10. Лазарев В. В. Вспоминая А. И. Денисова. К вопросу о сущности государства // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова): монография / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2018. С. 40–52.
11. Липень С. В. Профессор А. И. Денисов о нормах и принципах научного исследования в «ленинской методологии нахождения конкретных истин» // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова): монография / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2018. С. 120–129.
12. Марченко М. Н. Государственно-правовые взгляды А. И. Денисова и современность // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова): монография / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2018. С. 3–40.
13. Общая теория советского права / под ред. докторов юрид. наук. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М.: изд-во Юрид. лит., 1966. 491 с.
14. Поляков А. В. Правовой нормативизм: Г. Кельзен // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2007. С. 378–398.
15. Поцелуев Е. Л. Идеино-теоретическое наследие Ганса (Ханса) Кельзена в русскоязычной, украинской и немецкоязычной юридической литературе: краткий обзор // Нормативная теория Ганса Кельзена и развитие юриспруденции в Европе и США (к 40-летию со дня смерти Г. Кельзена): материалы VII ежегодной Междунар. науч. конф. Иваново, 8–12 октября 2013 г. / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново Иван. гос. ун-т, 2015. С. 8–22.
16. Сырых В. М. А. И. Денисов как стойкий последователь советской версии марксистской теории права // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А. И. Денисова): монография / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2018. С. 52–72.
17. Хмельнин М. И. Сущность, типы и формы государства // Теория государства и прав / под ред. проф. К. А. Мокичева. М.: изд-во Юрид. литер., 1965. С. 68–86.
18. Юдин Ю. А. Государства, освободившиеся от колониальной зависимости // Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве / под ред. П. С. Ромашкина, М. С. Строговича и В. А. Туманова. М.: изд-во АН СССР, 1962. С. 146–168.

Сведения об авторе / Information about the author

Поцелуев Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Potseluev Evgenii Leonidovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights, Law Faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, elp777@yandex.ru.

УДК 340.1

М. Д. Горбунов

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОГМЫ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МИРОВОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос эволюции представлений о государстве и его роли в правовой и нормативной системе в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли. Непосредственным объектом изучения стали взгляды классических правоведов позитивистов и юснатуралистов (анти-позитивистов), оценки их влияния на современные представления в отечественной науке. В работе было отмечено, что ранние концепции позитивизма акцентировали внимание на императивном характере государственной власти и этатистском подходе к пониманию права, юснатуралисты же отдавали предпочтение ценностным основам и необходимому самоограничению государства правом и его служебной функции. Изменения онтоэпистемологических реалий в середине XX в. обусловило необходимость пересмотреть данные установки, что способствовало сближению данных антагонистических позиций в иностранных исследованиях и формированию специфических особенностей отечественных. Отмечено, что в российской науке наследие дореволюционной догмы и советского нормативизма определило специфическую консервативность взглядов на данную проблематику. В результате автором выдвигается ряд предложений по обеспечению инновации и преемственности для отечественной догматики в вопросе определения роли государства в правовой системе.

Ключевые слова: философия права, правопонимание, государство, власть, общество.

M. D. Gorbunov

THE PROBLEM OF DETERMINING THE ROLE OF THE STATE IN THE LEGAL SYSTEM: TO THE QUESTION OF THE SPECIFICITY OF THE SOVIET AND MODERN DOMESTIC LAW DOGMA IN THE CONTEXT OF THE SUCCESSION OF THE WORLD LEGAL THOUGHT

Abstract. The article deals with the evolution of ideas about the state and its role in the legal and regulatory system in domestic and foreign political and legal thought. The direct object of study was the views of classical jurists positivists and jusnaturalists (anti-positivists), assessing their influence on modern ideas in domestic science. The work noted that the early concepts of positivism focused on the imperative nature of state power and the etatist approach to understanding law, while jusnaturalists preferred the value bases and the necessary self-limitation of the state by law and its service function. Changes in onto-epistemological realities in the middle of the 20th century made it necessary to revise these attitudes, which contributed to the convergence of these antagonistic positions in foreign studies and the formation of specific features of domestic ones. It is noted that in Russian science, the legacy of pre-revolutionary dogma and Soviet normativism determined

© Горбунов М. Д., 2023

2023. Вып. 3 •

the specific conservatism of views on this issue. As a result, the author puts forward a number of proposals to ensure innovation and continuity for domestic dogma in determining the role of the state in the legal system.

Key words: philosophy of law, legal understanding, state, power, society.

В мировой и отечественной правовой теории вопрос о государстве, его соотношении с правом и месте в нормативной системе является с одной стороны одним из самых обсуждаемых, с другой стороны одним из наиболее далеких от ответа. Важное значение в этой теме имеет компонент определения политико-правовой субъектности государства в сфере властного управления и правообразования. Соотношение права и государства, характер их взаимного соподчинения принципиально влияет на теорию и практику существования государственно-правовых систем.

Необходимо отметить, что мы рассматриваем субъектность государства не в контексте отраслевого законодательства как некой правовой фикции (субъекта правоотношений), а в контексте, который закладывался правовой философией и теорией правопонимания.

Прежде чем обратить внимание непосредственно на специфику постановки и решения вопроса исследования в отечественной дореволюционной, советской и современной российской правовой мысли следует обозначить ключевые аспекты проблемы определения субъектности государства и его роли в правовой системе в масштабах мировой науки и в первую очередь альтернативной правовой доктрины. Данный вопрос стал непосредственным предметом активной дискуссии в мировой (европейской) науке между позитивистами и юснатуралистами с момента усиления политических процессов в XVII–XVIII вв.

Если правовой позитивизм указывал, что государство обладает своей внутренней волей, отождествляя его с неким персонифицированным сувереном, то юснатурализм связывал государство с внешней волей народного суверенитета, либо некоего рационального, в том числе божественного начала. Государство таким образом в юснатурализме совместило в себе некую утилитарную роль, связанную с долженствованием естественного права. Необходимо отметить важную деталь, что юснатурализм не отрицал фактические властные отношения и феномен государственного властного волюнтаризма, но если позитивизм нормализовывал эти явления и рассматривал их как системообразующие (например, в рамках командной теории), то юснатурализм рассматривал это в контексте произвола и узурпации сувереном власти и искажения утилитарной роли государства [8, с. 75–94; 9; 21, р. 166; 22, р. 53–55; 23, р. 483–492].

Представляется, что оба этих подхода, предложенных раннем юснатурализмом, принципиально разделяющим право и государство, ставя второе в услужение первому, и антогонистические им взгляды позитивистов оказались несовершенными и не лишены ошибок, которые неоднократно рефлексировались в последствии в рамках продолжающегося традиционного спора между позитивистами и юснатуралистами.

И действительно к середине XX в. стало понятно, что реалии существования государственных и правовых систем не вписываются больше в такую простую модель в виду следующих обстоятельств:

- закрепление в конституционном законодательстве большинства государств идей равенства, справедливости и демократизма;

- формирование демократических государственных систем с институциональным самоограничением государственной власти;
- появление наднациональных организаций и автономных объединений на базе собственного нормативного регулирования.

Именно на адаптацию к новым реалиям государственного и правового строительства во многом были направлены аргументы современных позитивистских и юснатуралистских теорий. Если проследить развитие и позитивистской и юснатуралистской доктрины, то становится понятно, что государство в большей степени воспринимается не как носитель воли, но как инструмент ее выражения. Важным здесь признание что такая воля имеет субъективный характер и связана с действующими политическими процессами в системе нормативного регулирования [4; 20; 12, р. 204–320]. Государство рассматривается как один из вариантов институции, обеспечивающей минимальные условия для функционирования политико-правовой системы [13, с. 119; 24, р. 11–25; 25, р. 359; 26, р. 29].

При этом в условиях такой значительно трансформации взглядов на субъектность государства отечественная правовая доктрина во многом сохраняет классическое понимание роли государства в правовой системе. Лаконичное, но не лишенное изъяснов, понимание государства Дж. Остина было воспринято российской наукой через учение Г. Шершеневича и усиленной в последствии в рамках советского нормативизма [6]. Представляется, что данное обстоятельство во многом обуславливает проблемность поднятой темы.

Еще в дореволюционной доктрине выдающийся отечественный правовед Г. Ф. Шершеневич высказал центральный для отечественной позитивистской доктрины тезис, определивший представления о взаимосвязи права и государства: «право – это норма должного поведения человека, неисполнение которой влечет за собой принуждение со стороны государственных органов» [16, с. 170]. В вопросе свойств государственной власти и его правовой субъектности правовед исходил из того, что «самостоятельность государственной власти, которой она отличается от других властей, в своем раскрытии обнаруживает (собственные) свойства. Самостоятельность характеризует государственную власть как независимую, высшую, неограниченную и неделимую. Ни одно из этих свойств в отдельности не покрывает собой понятие о государственной власти» [17, с. 72]. Шершеневич таким образом поддерживал классические позитивистские установки об отгосударственном происхождении права и неограниченности государства какими-либо рамками. Как резюмирует сам правовед: «государство – есть источник права, и потому определение его в категории (ограничений) права логически недопустимо» [17, с. 71; 18].

Подобные взгляды, по сути, составили основу официальной доктрины, несмотря на аргументы альтернативных непозитивистских теорий, которые в российских реалиях имели в целом ограниченный характер. В частности, следует привести идеи С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова, которые высказывались за необходимость учета общественных интересов в правовом регулировании и государственной политике, между тем не отрицали главенствующей роли государства [15, 19].

Советская доктрина при всей своей идеологизации и провозглашении марксистской идеи права и государства как средств классовой борьбы в целом сохранила классические позитивистские установки на отгосударственное

происхождение права и некой самостоятельной, выраженной во вне государственной воли. Примечательным здесь будет определение Вышинского: «право – это совокупность правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [2, с. 4]. Таким образом в советской науке с самого начала высказывались однозначные аргументы в пользу универсальной принудительной природы государственной власти, определяющей форму и содержание права [1, с. 60–64]. В более поздний советский период такие жесткие установки были смягчены. Так было признана возможность самоограничения государства конституционным законом, но лишь в контексте добровольного на то волеизъявления государства [7, с. 3–8].

В современной правовой теории с отказом от идеи классового общества и строгой необходимости силового административного управления в духе положений новой российской конституции была декларирована многоаспектность понятия права и включенность в него более широкого поля закономерностей, лежащих за пределами фактического волеизъявления государства. Однако по-прежнему общепризнанной остается установка, что «в любом случае действие права неразрывно связано с государством, которое от своего имени издает акты, формирующие право в формально-юридическом смысле, обеспечивает их реализацию представителями социума, а также осуществляет меры юридической ответственности в отношении правонарушителей. Именно государство придает праву публичный характер, обеспечиваемый в том числе при помощи мер государственного принуждения» [11, с. 57–64].

В современной отечественной теории мы наблюдаем противоречивую картину, поскольку одновременно защищаются аргументы в пользу широкого понимания права, признания конституционных принципов, наличия самостоятельной государственной воли, восприятию сущности государства через защиту определенного политического интереса, и утверждения о центральной роли государства в политической системе [3, с. 126–132]. Такое понимание представляется дихотомичным и внутренне противоречивым по своему содержанию.

Однако нельзя сказать, что отечественная правовая наука не видит этой ситуации. В российских исследованиях ранее и сегодня продолжают звучать аргументы о необходимости пересмотра классических позитивистских установок и упрощенном понимании права через государственное волеизъявление, обеспеченное государственным же принуждением. Тем не менее, представляется, что степень ее важности недооценена, хотя в последние годы наряду с расширением методологическим основанием отечественной догмы появляются и специальные исследования, посвященные данному вопросу [5]. Проблема, как кажется, заключается в том, что альтернативная дискуссия все равно сосредоточена вокруг понятия государства и оценке права через государственную деятельность. Здесь можно отметить и взгляды В. С. Нерсесянца, стремившегося примерить позитивистские и юснатуралистские установки в рамках собственной либертарно-юридической концепции [10,

с. 3–15]. Один из последовательных критиков правового позитивизма В. А. Четвернин строит свою концепцию на противостоянии потестарного и либертарного понимания права; логоцентричного и социологического понимания нормативности [14]. Потестарная парадигма и логоцентричное понимание нормативности понимаются как неверные и, по сути, отождествляются с позитивистским пониманием соотношения государства и права, в ней «источником социального порядка признается только внешняя сила, а общеобязательные нормы заданы социальным актором (в первую очередь государством) в виде авторитетных текстов» [14, с. 6–9].

Тем не менее, объяснение сути правовые явлений, правообразования и внутреннего качества закона в целом по-прежнему преимущественно формулируется через субъектность «хорошего» и «плохого» государства, принимающего или не принимающего на себя обязательства перед обществом в сложившейся практике отношений. Практическую значимость данной дискуссии сложно переоценить, постольку такая разность восприятия государства, его места в политико-правовой системе определяет правообразование и критерии действительности нормативного регулирования. Когда мы говорим о государстве как субъекте, носителе политической воли, то процесс правообразования происходит «сверху к низу». В случае, когда государство – это обслуживающая институция, то правотворчество происходит «с низа к верху». Это принципиально влияет на учет общественных интересов при формировании правил и самой основы функционирования правовой системы. Представляется, что в условиях острой конкуренции государственно-правовых систем в современном мире отечественному праву в повышении его конкурентоспособности могут поспособствовать подходы, учитывающие максимально широкие основания нормативной системы и утилитарную роль государства как института.

В таком контексте установки отечественной правовой науки в целом фактически сохраняют преемственность классической позитивистской и нормативистской доктрины. В свою очередь процессы в мировом знании вокруг вопроса о роли государства в правовой системе и его субъектности при родстве общих оснований идут по несколько иному пути. Эффективность же выбранной модели может показать лишь реальная практика существования государственно-правовых систем.

Библиографический список

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005. 554 с.
2. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949. 424 с.
3. Гольцман В. В. Государство как основной субъект политической системы общества // Актуальные вопросы в науке и практике: сборник статей по материалам IX международной научно-практической конференции: в 2 ч. Самара: Б. и. 2018. Ч. 2. С. 126–132.
4. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2020. 592 с.
5. Денисенко В. В. Право и власть: рациональные основания правопорядка // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: Б. и., 2017. С. 94–99.

6. Краевский А. А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2014. 231 с.
7. Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 3–8.
8. Михайлов А. М. Эволюция англо-американского юридического позитивизма в конце XIX – начале XX в.: понимание юриспруденции и права в учении Дж. У. Сэлмонда // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2022. № 1. Т. 26. С. 75–94
9. Нерсесянц В. С., Графский В. Г., Золотухина Н. М., Сюкияйнен Л. Р. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.
10. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
11. Ромашов Р. А. Правовой реализм и реалистический позитивизм: теория и практика // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 57–64.
12. Фуллер Л. Л. Анатомия права: пер. с англ. В. В. Архипова // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 204–320.
13. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 304 с.
14. Четвернин В. А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 1. Вып. 13. С. 2–35.
15. Шаповал О. В. Учение Н. М. Коркунова о праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 180 с.
16. Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1: Часть теоретическая. Вып 1: Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. 320 с.
17. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 2 т. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. Вып. 1. Т. 1. 698 с.
18. Шлома О. А., Чердакова Т. Б. Государственно-правовые взгляды Г. Ф. Шершеневича // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 71–77
19. Юценко Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Муромцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 204 с.
20. Alexy R. A. Theory of Legal Argumentation. New York: Oxford University Press, 1989 (1976). 323 p.
21. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / ed. Rumble W. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 293 p.
22. Bentham J. Anarchical Fallacies. Works vol. 2, Edinburgh: Tait, 1843. 602 p.
23. Hobbes T. Leviathan / ed. Tuck R. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 618 p.
24. MacCormick N. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory, 1st edition. New York: Oxford University Press, 2007. 317 p.
25. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. New York: Oxford University Press, 2001 (1994). 380 p.
26. Raz, J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. New York: Oxford University Press, 2009 (1979). 245 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, maxandgor@gmail.com

Gorbunov Maksim Dmitrievich – Candidate of Science (Law), Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia, maxandgor@gmail.com

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ
(В рамках 50-летия ИвГУ)**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.41

С. П. Коваль

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО
И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА**

Аннотация. В современной России актуальна тема изучения преемственности конституционного развития. В данном исследовании отражено желание продемонстрировать признаки, которые оказались «связующим звеном» между советским государственным правом прошлого и конституционным правом России настоящего времени. Автор обращает внимание на сравнение принципов, заложенных в основу построения конституционного права, содержание ранее действующих конституций и преемственность некоторых международно-правовых обязательств, которые отражены в тексте современной Конституции РФ. Особое внимание уделяется анализу содержания советских конституций. В результате проведенного исследования формулируются выводы о том, что преемственность в конституционном праве происходила и была непрерывной, встречается она между досоветским и советским, досоветским и современным, советским и современным периодами.

Ключевые слова: преемственность, конституция, Россия, государственное (конституционное) право, СССР, РСФСР.

S. P. Koval

**SOVIET STATE LAW
AND CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA:
CONTINUITY AND NOVELTY**

Abstract. In modern Russia, the topic of studying the continuity of constitutional development is relevant. This study reflects the desire to demonstrate the signs that turned out to be a "link" between the Soviet state law of the past and the constitutional law of Russia of the present. The author draws attention to the comparison of the principles underlying the construction of constitutional law, the content of previously existing constitutions and the continuity of some international legal obligations, which are reflected in the text of the modern Constitution of the Russian Federation. These studies were devoted specifically to continuity throughout the law and laid the foundation for the development of the development of the issues under consideration. Special attention is paid to the analysis of the content of the Soviet constitutions. As a result of the conducted research, conclusions are formulated that continuity in constitutional law occurred and was continuous, it occurs between pre-Soviet and Soviet, pre-Soviet and modern.

Key words: continuity, constitution, Russia, state (constitutional) law, USSR, RSFSR.

© Коваль С. П., 2023

• Серия «Естественные, общественные науки»

Тема исследования преемственности конституционного права России является актуальной в наши дни. Конституционное право является основополагающей отраслью российского права, она отвечает за установление базовых основ государственного устройства и способствует соблюдению прав и свобод человека и гражданина, а также занимается регулированием порядка формирования государственных органов, представляющих государственную власть. Благодаря конституционному праву можно исследовать роль конституций в динамике генезиса государства.

Советскими учеными часто предпринимались попытки исследовать преемственность в советском праве, однако она воспринималась, в основном, как рецепция. Преемственность можно определить между досоветским и советским, досоветским и современным, советским и современным периодами истории государства и права России. Обычно преемственность рассматривается как компонент конституционной самобытности и рассматривается с различных позиций. Например, в международном праве правопреемственность рассматривается как переход полномочий от одного государства к другому, в теории государства и права – как повторение правом государства положений прошлых лет этого же государства. Последний пример стал объектом моего внимания.

Тесные взаимоотношения государств часто приводят к рецепции и модернизации конституционно-правовых норм. Подобный опыт присущ российскому государству. Однако существуют некоторые особенности российской конституционной самобытности и несовпадения. Одним из таковых выступает преемственность, которая рассматривается как перенесение правом страны положений прошлых лет. Советское право официально отрицает данное свойство и считает свое содержание как нечто новое, отличное от предыдущего буржуазного и другого современного, не похожего на марксистское. В данном исследовании отражено желание продемонстрировать признаки, которые оказались «связующим звеном» между советским государственным правом прошлого и конституционным правом России настоящего времени. Хочет обратить внимание на сравнение принципов, заложенных в основу построения конституционного права и преемственность некоторых международно-правовых обязательств, которые отражены в тексте современной Конституции РФ [9, с. 104].

В Конституции РФ 1993 г. ч. 2 ст. 67.1 закреплена в следующей редакции: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Таким образом, механизм преемственности уже заложен и будет еще усилен в Конституции. Именно через легализованную преемственность можно говорить о попытке сохранения конституционной самобытности.

В 80–90-е гг. XX столетия исследования и дискуссии о преемственности в конституционном праве почти не встречаются. Данный вопрос стал актуальным в связи с распадом СССР и появлением Конституции РФ 1993 г. Обращаясь к исследованиям ученых-юристов, можно обозначить фундаментальные работы В. К. Бабаева, Н. К. Неновски, Г. В. Швекова. Данные исследования были посвящены именно преемственности во всем праве и заложили основу для развития разработки рассматриваемой проблематики. Данными авторами преемственность рассматривалась, скорее, как категория рецепции.

Прошлый век характеризовался сменяющимися друг друга несколькими типами конституционного права. В начале развивалось дореволюционное государственное право, которое отражало переход от абсолютной монархии к конституционной монархии, а затем и к парламентской республике. В течение 1917 г. зародилось и начало развиваться тоталитарное конституционное (государственное) право, которое оказалось гораздо долговечнее, чем предыдущая форма конституционного права и существовало до периода, связанного с распадом СССР и перестройкой 80-х гг. XX в. В 1993 г. началось построение демократических основ конституционного права.

Историю конституционного развития России можно охарактеризовать пятью конституциями, принятыми в 1918, 1925, 1937, 1978 и, конечно же, в 1993 гг. Сроки действия конституций характеризуют относительные периоды стабильности, составлявшие от семи, двенадцати и даже до сорока и пятнадцати лет. Каждая конституция закрепляла существенные изменения в обществе, подводила итоги предыдущего развития, определяла новый этап развития государства и становилась отражением инновационных концепций. Недостатки Конституции 1993 г. свидетельствуют о необходимости её совершенствования, обновления.

При изучении преемственности конституционного права, важно акцентировать внимание на соответствии права динамике развития общественного строя. Необходимо помнить о важности новизны Конституции РФ 1993 г., по отношению к предшествующим конституциям, их общих чертах и преемственности. Реформирование конституций в России решается посредством внесения поправок либо принятия нового акта. Внесение поправок является отражением мнения парламентского большинства в России в 90-е гг. XX в. Поправки вносились в Конституцию РСФСР 1978 г., чтобы привести ее в соответствие с реальной обстановкой в обществе и государстве. Многие российские депутаты стремились с помощью реформ улучшить содержание данной советской конституции, ограничившись частичными ее изменениями [8, с. 15].

В основе данного реформирования была обширная преемственность. В течение 1989 г. в Конституцию 1978 г. внесли 25 поправок. Они копировали всю структуру государственных органов, руководивших СССР. В 1990 г. Конституция России была дополнена уже 53-мя поправками. Депутаты России решали задачу по приведению норм Конституции с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР. В итоге удалось сохранить советскую систему власти, что представляло собой основную форму преемственности. В 1992 г. после внесения в Конституцию РСФСР, примерно, 300 поправок наступил предел всех мыслимых границ, что свидетельствовало о противоречиях в проводимой конституционной реформе.

Характерной чертой данного периода в развитии права России стало широкая реализация в сфере правотворчества рецепции права. Конституция РФ 1993 г. стала преемником Конституции РСФСР 1978 г. Авторам Конституции и законодателям удалось добиться полного сохранения российской государственности. Базой преемственности стал одинаковый уклад основ демократии, присущих российскому государству, а также обеспечение процветания и благополучия России.

Государственное (конституционное) право в переходный период подвергается серьезному изменению. За 75 лет поменялось пять конституций. Понятным было принятие Конституции СССР в 1924 г., потому что на карте

мира появилось новое государство – СССР. Остальные конституции принимались в связи с какими-то изменившимися социально-политическими условиями. Предпосылки принятия новых конституций были заложены в Конституции РСФСР 1918 г. При оценке любой конституции России необходимо учитывать и анализировать не только конкретные исторические условия, но и условия, определившие преемственность основного закона по отношению к предшествующему, особенно последнему.

Обычно конституции реформируются двумя способами: внесением поправок и принятием нового акта. Первый способ отражал мнения депутатов России о внесении поправок в Конституцию РСФСР 1978 г. Такой подход называют стратегией поправок, где преобладала ситуативная логика, с преобладанием корпоративного интереса. Модернизация осуществлялась на основе обширной преемственности. В 1989 г. в Конституцию РСФСР 1978 г. было внесено 25 поправок, которые копировали структуру государственных органов Советского Союза. Поправки 1990 г. в Конституцию РСФСР 1978 г. решали отдельные внутренние вопросы парламента (например, о должности первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР), а также в это время содержание Конституции приводилось в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. (что было формой преемственности) [7, с. 117].

В 1992 г. конституционная реформа подошла к этапу серьезных противоречий. После данных поправок в содержании Конституции начала прогрессировать диспропорция в распределении властных полномочий. Был перенесен из Декларации принцип разделения властей. В декабре 1992 г. разрушилось хрупкое равновесие властей. В данных поправках отразилась борьба, некоторое время протекавшая в конституционных рамках. Одновременно с этими событиями данного года шла активная работа над проектом новой конституции. Эти способы реформирования конституции в основе своей имеют преемственность.

Конституция РСФСР 1978 г. и Конституция РФ 1993 г. были приняты на основе одного и того же уклада общественной и государственной жизни, одинакового типа правового сознания. Формировались данные акты на базе одних и тех же исторических, национальных и иных традиций, а также на единых основах конституционной теории. При разработке и принятии Конституции РФ 1993 г. учитывался опыт предшествующего конституционного развития России. Все предшествовавшие Конституции РФ 1993 г. конституции имели классовый характер и обладали социалистической ориентацией. Данные взгляды в отношении преемственности Конституции РФ 1993 г. имеют многочисленные теории и практики современной России. В основе советского государственного права как науки были заложены идеи коммунистической партии о государстве и конституции. Советская конституционная теория не только обращалась к общемировым проблемам, но и сама оказывала влияние на переоценку многих устоявшихся положений конституционного права. Этатический характер, привязанность к прежним конституционным традициям в основе преемственности Конституции РФ 1993 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Также позитивистский характер отражается в основе содержания данных конституций. Данные конституции «привязаны» к государству, к его принудительной системе, которая помогает реализовывать конституционные положения. Некоторые идеологические компоненты советской конституционной теории отражены в тексте Конституции 1993 г.

Ярким примером преемственности является взаимосвязь Конституции РСФСР 1978 г. и Конституции РФ 1993 г. Обращения «всем народам», «всем нациям и народностям России», которые содержатся в преамбуле Конституции РСФСР 1978 г., стали прообразом современного понятия «многонациональный народ РФ». Конституционная самобытность напрямую соприкасается с последней упомянутой категорией. Необходимо вспомнить, что ст. 64 Конституции СССР 1977 г. подчеркнула дружбу наций в многонациональном государстве, а ст. 70, что Советский Союз – это единое многонациональное государство. Интересна дефиниция «многонациональный народ», которая является несколько противоречивой, спорной. По мнению некоторых специалистов, народ не может быть многонациональным. Нация – более широкая по отношению к народу категория. В конституциях других стран нет понятия «многонациональный народ» (например, в Конституции Франции 1958 г. «французский народ», в Основном законе Германии 1949 г. «немецкий народ»). Это воспроизводство советской идеологемы «новая историческая общность советский многонациональный народ».

Идеологические оттенки данных конституций проявляются в том, что они содержат не подтвержденные государственно-правовой практикой идеологемы, как «общенародное государство», «развитое социалистическое общество» (Конституция РСФСР 1978 г.) и «правовое государство», «социальное государство» (Конституция РФ 1993 г.). Можно выделить другие общие черты, которые сближают оба акта. Например, обладание высшей юридической силой, выступление конституции в качестве базового акта, особый порядок принятия, пересмотра и внесения поправок, закрепление с помощью конституции наиболее важных общественных отношений, относительная стабильность, всеохватывающий характер конституционной регламентации. Данные юридические признаки, свойственные Конституции РСФСР 1978 г. и Конституции РФ 1993 г., выявляют общность данных актов между собой и с другими советскими конституциями [6, с. 15].

Конституцию РФ 1993 г. разрабатывали ученые, которые начинали свою деятельность еще в период существования СССР, а значит и пользовались своими соответствующими размышлениями в этой сфере и при создании данного нормативного акта. Все это отразилось в преемственности некоторых сформировавшихся в советском прошлом категорий. Специфические признаки преемственности для конституционного права России следующие: 1) принципы конституционного права; 2) содержание Конституций; 3) международно-правовые обязательства, которые отражены в действующей Конституции.

Выделим принципы, составляющих основу преемственности в российском праве. В первую очередь следующие принципы: государственность, иерархичность, приоритет публичных ценностей над частными, приоритет обвинительного уклона правосудия над состязательным. Это можно отнести к своеобразию построения права в России, конституционной самобытности в частности. Подобное отражалось еще в дореволюционных источниках. Например, принцип закономерности управления, который был выражен в ст. 84 Основных законов 1906 г. «Российская империя основывается на законах, которые издаются в установленном порядке». Для реализации равенства граждан перед законом, необходимо, чтобы судьи и представители администрации понимали законы одинаково (ст. 85 Основных законов 1906 г.).

В современное время данное правило активно применяется. Законность и равенство граждан являются общеправовыми принципами, которые составляют основу деятельности государства в России.

Попытка отказаться от ранее существовавшей формы права (закон) наблюдается в Конституции РСФСР 1918 г., но в дальнейшем постепенно обнаруживается его возвращение. В Конституции СССР 1936 г. используется обобщенная формулировка «законодательство» (ст. 14), «закон» (ст. 39). Появляются указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения Совета министров СССР и Совета министров союзных республик, международные договоры, которые встречались и ранее в Конституции РСФСР 1918 г. В действующей Конституции 1993 г. встречаются разновидности законов, которые были не чужды и ранее описанному дореволюционному периоду.

Необходимо обратить внимание на значительную долю правового наследия СССР, использованную при подготовке и принятии Конституции России 1993 г. и обязательно сделать акцент на следующих принципах, заложенных в конституционном праве России: 1) народного суверенитета; 2) свободы личности; 3) федеративного устройства; 4) социального государства; 5) признания и гарантирования местного самоуправления в РФ. В советский период принцип народного суверенитета имел специфический оттенок, принцип свободы личности только развивался, а принцип местного самоуправления был заложен лишь в последние годы существования СССР. Все обозначенные принципы создавались поступательно и развиваясь в новом российском конституционном законодательстве.

Изучая преемственность содержания Конституции 1993 г., необходимо обратиться к текстам предшествующих ей основных законов. В соответствии с положениями Конституции РСФСР 1918 г. лишались избирательного права лица, признанные в установленном порядке душевнобольными и умалишенными, а также состоящие под опекой и осужденные за корыстные и порочащие преступления (ст. 65). В Конституции РФ 1993 г. имеется ст. 32, где установлено ограничение в реализации избирательного права для тех, кто признан судом недееспособным или содержится в местах лишения свободы по приговору суда [5, с. 95].

Необходимо выделить преемственность Конституции РСФСР 1925 г. по отношению к Конституции 1918 г. В Конституции РСФСР 1925 г. имеются ссылки на нормы последней (напр., ст. ст. 1, 20). В Конституции РФ 1993 г. закреплены положения о всеобщем, равном, прямом избирательном праве при тайном голосовании, которые впервые появились в Конституции РСФСР 1937 г.

В Конституции СССР 1936 г. имеется гл. 9 «Суд и прокуратура» (в Конституции РСФСР 1937 г. гл. 10 «Суд и прокуратура»). Судебные полномочия впервые сосредоточены в одной ветви государственной власти, что позволяет говорить о начале реализации принципа разделения властей. Появление гл. 7 Конституции РФ 1993 г. «Судебная власть и прокуратура» дает основание говорить о наличии преемственности данной идеи. Новым явлением для советского государственного права стало введение института народных заседателей (ст. 103 Конституции СССР 1936 г.). Судопроизводство являлось открытым, осуществлялось с участием защиты (ст. 111 Конституции СССР 1936 г.) [2, с.18]. Принципы Конституции СССР (подчинение судей только закону, рассмотрение дел во всех судах с участием народных заседателей, открытое разбирательство дел, обеспечение права обвиняемому на защиту,

ведение судопроизводства на языке союзной или автономной области) не потеряли своей актуальности и были закреплены в Конституции РФ 1993 г.

Современные юридические свойства Конституции РФ 1993 г. (напр., высшая юридическая сила, верховенство на всей территории России и прямое действие) нашли свое отражение в тексте Конституций СССР 1936 г. и 1977 г. В конституциях стран мира не было практики закрепления четкой формулы «прямого действия» конституционных норм. В преамбуле Конституции РСФСР 1978 г. законодательно была закреплена преемственность положений Конституций РСФСР 1918 г., 1925 г., 1937 г. В преамбуле Конституции 1993 г. содержится идея о преемственности, выражена воля народа к сохранению исторического сложившегося государственного единства, незыблемости демократического строя, уважение памяти предков. Данная вводная часть – средство легальной фиксации преемственности правовой политики. Механизм преемственности заложен в Конституции РФ 1993 г. При наличии легальной преемственности можно говорить о сохранении конституционной самобытности в России [4, с. 273].

Конституционная самобытность напрямую соприкасается с последней упомянутой категорией. Конституция РФ 1993 г. заимствовала идею о статусе республики как государства в ее составе из текста Конституций РСФСР и СССР. Социальные права, которые были закреплены в конституциях СССР и РСФСР нашли отражение в тексте Конституции 1993 г. (например, право на вознаграждение за труд, право на отдых (ст. 37), право на социальное обеспечение (ст. 39), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) и т. д.) Конституция РСФСР 1978 г. закрепила положение, согласно которому государство было обязано обеспечивать соблюдение законности, охрану прав и свобод граждан (ст. 4). В Конституции РФ данное положение отражено в гл. 1 «Основы конституционного строя» как принцип правового государства (ст. 2, 15).

Разработка конституций 1978 г. и 1993 г. происходила под влиянием идей и принципов западного конституционализма. В Конституции 1978 г. это отразилось в положениях, которые касаются представительной демократии, реализации воли народа через своих представителей, некоторых прав и свобод граждан (например, свобода слова, свобода совести и вероисповедания). Конституция 1993 г. имеет важное отличие от ранее действующих советских конституций. Это проявляется в появлении Конституционного Суда РФ, закреплении механизма толкования Конституции и в определенном смысле ее последовательной адаптации к изменяющейся среде. Влияние западных концепций связано с теми международными обязательствами, которые на себя брала сначала РСФСР, а затем и Российская Федерация. И, возможно, что это не рецепция, а последовательная универсализация конституционного права, делающая его схожим, относительно конституций других государств. Хорошим примером может быть ст. 20 Конституции РФ, где закреплено право на жизнь в соответствии с положениями Всеобщей декларации прав человека (1948 г.).

В Конституции России 1993 г., можно выделить и конституционные новеллы. Например, конституционная норма в ст. 69: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». Выделение конституционного понятия «коренные малочисленные народы», а также гарантий их статуса, способствует защите правового положения этих народов.

Конституция РФ 1993 г. заложила основы нового типа государства, тем самым поставив Россию в один ряд с развитыми демократическими странами. Осуществляя политическую модернизацию российского государства, Конституция РФ 1993 г. сохранила определенную историческую преемственность. Она заметна по отношению к положениям Манифеста от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Конституция РФ закрепила основы, которые были впервые провозглашены в Манифесте: свободу слова, совести, политических объединений и т. д. Права и свободы человека были закреплены в советских конституциях, но они не предполагали свободы объединения в политические партии, свобода слова не допускала политического инакомыслия. Затем в названии одной из палат парламента РФ Конституция повторила название первого российского парламента – Государственной думы. Нормы современной Конституции РФ представляют собой развитие и конкретизацию положений Манифеста, в котором говорилось о роли Государственной думы в законодательной сфере и контроле за исполнительной властью. Новым моментом в конституционно-правовом развитии было закрепление за Государственной Думой Федерального Собрания РФ права выдвижения обвинения против Президента РФ с целью отстранения его от должности.

При закреплении института местного самоуправления Конституция РФ опиралась не только на имперский опыт. В советском государстве вместо него были организованы местные Советы народных депутатов. Конституция опиралась также на опыт демократических государств, где местное самоуправление является одним из важнейших институтов. В зарубежных государствах местное самоуправление не отделено от государства. В Российской империи земское самоуправление на уездном уровне существовало отдельно от государственных структур. Конституция РФ 1993 стала продолжателем данной традиции и установила, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Элементы реставрации присутствуют в преемственности. Можно вспомнить такие реставрированные из имперского правового прошлого составляющие в современном праве РФ, как институт губернаторства, институт мировой юстиции, суд присяжных.

В Конституции ярко выделяется определенная преемственность по отношению к советскому конституционализму. В области государственно – территориального устройства она продолжает советскую традицию, закрепляя федеративное устройство. Советский федерализм был конституционно-правовым феноменом, так как реальное политическое устройство страны носило жестко централизованный унитарный характер. Основы советской и современной федерации существенно различаются. Советская базировалась на национальном принципе, ее субъектами были, в основном, национально-государственные образования. Конституция РФ закрепила новую модель федерации, включающую два типа субъектов: национальные и территориальные. Конституция РФ закрепила основы новой формы федерации, которая отличается от советской.

Согласно положениям Конституции СССР 1977 г. в Верховный Совет СССР поступали проекты законов (ст. 115). В современной России данным органом является Федеральное Собрание РФ (Государственная Дума), что воспринимается как преемственность. Еще одним доказательством преемственности советского права и современного могут служить следующие исторические факты: в период Октябрьской революции 1917 г. и во времена преобразований в России 1991–1993 гг. широко использовалась форма законодательного акта – декларация. В первом случае это была Декларация прав

народов России (1917 г.), Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918 г.), то во времена преобразований 1991–1993 гг. – Декларация прав и свобод человека и гражданина (1991 г.) и Декларация о государственном суверенитете РСФСР [3, с. 296].

По отношению к советскому конституционализму существует преемственность и в сфере социальных функций. СССР было социалистическим государством, а современная Россия является социальным государством. Советское государство устанавливало в тексте Конституции обширный круг социальных обязательств, а российское социальное государство также создает условия, которые должны обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека. Понятие «социальное государство» было заимствовано из европейского права. Данные характеристики впервые появились в конституциях Германии, Франции, Испании в условиях рыночной экономики. Конституция РФ 1993 г. закрепила современную модель государства в социальной сфере. Между данными типами государств есть существенное различие. Социалистическое государство было собственником основных средств производства и главным работодателем, а социальному приходится осуществлять свои функции в условиях смешанной экономики.

Формальная преемственность конституционного права РФ по отношению к советскому государственному праву существует во взаимоотношениях с религиозными организациями. В СССР церковь была отделена от государства. Согласно положений Конституции РФ (ст. 37), Россия является светским государством. Между этими моделями имеется принципиальное различие. В СССР атеизм являлся важнейшим элементом государственной политики. В России реализуется принцип идеологического многообразия.

Конституция РФ 1993 г. закрепляет моноцентрическую структуру власти (один институт играет основную роль в системе власти), продолжая традиции досоветского и советского периодов. В российской империи данным институтом был император. В советском государстве роль высшей власти выполнял руководитель партии. В современной России функция центра власти закреплена за Президентом РФ. Он выполняет высшие политические функции (например, «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства»). Президент РФ обладает широкими полномочиями во всех сферах государственной власти.

Преемственность в праве – категория, которая в советский период смешивалась с рецепцией. Преемственность в конституционном праве происходила и была непрерывной, встречается она между досоветским и советским, досоветским и современным, советским и современным периодами. Конституция РФ 1993 г. заложила основы модернизации государства и обеспечила преемственность по отношению к предшествовавшему правовому опыту, наиболее важным достижениям имперского и советского периодов. В перспективе приоритетом политического развития многие ученые и практики видят не в изменении Конституции, а в том, чтобы действия всех властных структур соответствовали конституционным нормам. Необходимо отметить, что происходящие процессы новеллизации конституционного права где-то основываются на преемственных аспектах. Можно обнаружить, что процесс этот происходит непрерывно: как между советским правом и современным, современным и досоветским. Преемственность в конституционном праве РФ – это форма сохранения конституционной самобытности России.

Нередко следование историческому опыту служит фактором сдерживания от опрометчивых непродуманных шагов и опасных социальных экспериментов. Отсутствие же знания собственной истории и уважения к ее памяти является благодатной почвой для распространения идей, несущих прямую угрозу государственному суверенитету. Принцип исторической преемственности, который закреплен в Конституции РФ, состоит в признании неразрывной связи и единства прошлого, настоящего и будущего, что является отражением законов природы. Отрицание преемственности усиливает разрыв между государством и гражданским обществом, а сам государственный механизм делает деструктивным. Никакая конституция не может изменить то, что веками укоренялось, приобретало характер преемственного и передавалось от одного поколения к другому.

Библиографический список

1. *Акопов Л. В.* Конституция (Основной закон) РСФСР 1978 г.: проблемный комментарий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 1. С. 64–72.
2. *Бычков А. И.* Историко-правовая характеристика Конституции СССР 1936 г. // История государства и права. 2012. № 8. С. 18–19.
3. *Липень С. В.* Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 294–297.
4. *Марченко М. Н.* Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование): учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. С. 271–278.
5. *Пашенцев Д. А.* Конституция РСФСР 1918 г. как памятник революционной эпохи (к 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 93–96.
6. *Скуратов Ю. И.* Преемственность в конституционном праве (состояние, тенденции развития) // Образование и право. 2016. № 1. С. 8–16.
7. *Сорокун В. П., Калашиников В. С.* Историко-правовое сравнение советской и российской конституций // Эпоха науки. 2016. № 8. С. 115–118.
8. *Сальников М. В.* Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 154–156.
9. *Чувилкин К. В.* Мировоззренческие проблемы современной правовой науки в русле процессов преемственности в конституционном праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 102–106.

Сведения об авторе / Information about the author

Коваль Сергей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Koval Sergey Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, petrovitsch17@mail.ru

УДК 34-342

Т. А. Алексеева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО ИСПАНИИ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Аннотация. Автор выделяет три этапа в изучении испанского конституционного (государственного права) Испании в советском правоведе-нии, дает характеристику трудам юристов и соотносит их с исследованиями специали-стов в области истории и иных общественных наук. Отмечается влияние марк-систской идеологии на выбор предметов исследований, их содержание и вы-воды. На первом этапе (30-е гг. XX в.) авторы немногочисленных публикаций сосредотачивалась на некоторых аспектах государственно-правового развития страны во время революций, а также Второй республики и гражданской вой-ны; на втором этапе (II половина 50-х гг. – 1975) – в значительной степени на изучении франкистской государственности; на третьем (1975–1991) – на осмыслении политико-правовых преобразований после кончины Ф. Франко, Конституции в 1978 г., практике ее реализации и развитии ее норм в законода-тельстве.

Ключевые слова: конституционное право Испании, конституция 1978 г., советская юридическая наука; государственное право буржуазных стран, революция и конституция.

Т. А. Alexeeva

SPANISH STATE LAW IN THE RESEARCH WORKS OF SOVIET SCIENTISTS

Abstract. The author distinguishes three stages in the research process of Spanish constitutional (state) law of Spain in Soviet jurisprudence, characterizes publications of law researchers and correlates them with publications of specialists in the field of history and other social sciences. The influence of Marxist ideology on the choice of research subjects, their content and conclusions is noted. At the first stage (30s of the XX century), authors of some publications focused on some aspects of the state and legal development of the country during Spanish revolutions, as well as during the Second Republic and the Civil War; at the second stage (II half of the 50s – 1975) – mostly on the Francoist state regime; at the third (1975–1991) – on analysis of the political and legal transformations after the death of F. Franco and after the adoption of the Constitution in 1978.

Key words: constitutional law of Spain, Constitution of 1978, Soviet legal science; state law of bourgeois countries, revolution and constitution.

Актуальность темы исследования. Конституционное (согласно терминологии советского правоведе-ния – государственное) право Испании не являлось предметом тщательного изучения советскими юристами, что объяс-нимо, прежде всего, отсутствием особого интереса к самой стране, начавшей свое конституционное развитие в 1808 г. Испания не входила в перечень тех государств, правовые системы которых являлись согласно идеологическим установкам и политическим ориентирам объектами разностороннего изуче-ния советскими правоведами. Исследования юристов в указанной области

были весьма немногочисленны. Вместе с тем, определенное внимание к государственно-правовым институтам и явлениям пиренейской страны демонстрировали специалисты по истории Испании, занимавшиеся в советскую эпоху, прежде всего, ее средневековьем. Однако в связи с обострением интереса к Испании в известные политически значимые моменты историки обращались к анализу событий XIX и XX вв. В рамках данной статьи делается попытка выделения этапов в изучении государственного права Испании советскими учеными (юристами и специалистами в области иных общественных наук), а также выявления их характерных черт.

Первый этап в изучении испанского государственного права (30-е гг.). Начало изучения государственного права советской учеными в 30-е гг. XX в. связан со всплеском развития советской испанистики во время Второй Испанской республики, установленной в 1931 г., и гражданской войны, начавшейся в 1936 г. В это время в СССР появилось немало публикаций, посвященных революционному прошлому испанского народа. Особый интерес вызвала национально-освободительная война против наполеоновской Франции (1808–1814), когда Российской империю и Испанскую монархию связали союзнические отношения [14, с. 5–44; 15, с. 109–121; 16, с. 135–140; 22, с. 98–124]. В данных трудах историки-испанисты не обошли вниманием важность конституций, принятых в Испании в XIX в., а также республиканской Конституции 1931 г., как документов, отразивших результаты борьбы трудящихся против эксплуататоров и носящих буржуазный характер.

Фундаментальное значение для будущих исследований политико-правовых взглядов декабристов и влияния на них испанской Конституции 1812 г. имела книга академика Н. М. Дружинина, обнаружившего заимствование отдельных положений испанского акта при подготовке конституционного проекта Н. Муравьевым [6, с. 303–366].

Однако испанское конституционное законодательство и практика их реализации не стали предметом изучения советскими юристами. Единственным исключением являлся специалист по государственному праву И. П. Трайнин. Его работы «Из истории испанских революций (1808–1814 гг.)» и «Испания до и после апрельской революции» содержали некоторый анализ и оценки политико-правового развития Испании [40, с. 207–220; 41]. В статье «Испанская конституция» автор представил формально-юридический разбор основных законов. Труды юриста были написаны в принятом в то время стиле, отличавшемся выразительно-ироничными замечаниями в адрес исторических персонажей и фактов «старого режима». Например, он писал: «Наполеон, заигравшийся с испанской буржуазией, выработал свой проект» конституции 1808 г. для страны, оккупированной французскими войсками; «принимая под давлением масс смелые решения, большинство кортесов все же уступало реакции, оставляя открытыми двери для сил прошлого» [42, с. 58, 63]. Публикации пронизаны, как это было принято 30-е гг. XX в., идеей полной определенности государства и права как надстроечных явлений экономическим базисом, а также классовым подходом к оценке принципов и норм основных законов. Так, И. П. Трайнин отметил: «Конституция 1812 г. создавалась в условиях еще слабого капиталистического развития Испании, буржуазия которой не представляла собою такой силы, как во Франции того времени» [42, с. 58]. Тем не менее, само внимание к конституционному развитию Испании, мало известному по сравнению с государственным правом Великобритании, США, Франции, Германии, было важно для будущих исследований. А главный вывод юриста о своеобразии и месте

Конституции 1812 г. в политико-правовой истории зарубежных стран был предопределен мыслью К. Марксом о ее источниках, не утратившей своего значения и по сей день: «Конституция 1812 г. представляет воспроизведение древних «fueros», понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам нового общества» [42, с. 59].

И. П. Трайнин явился автором вводной статьи к тексту Конституции Испанской республики, опубликованной в переводе на русский язык в 1936 г. в четырехтомном издании «Конституции буржуазных стран». Она достойна внимания всех исследователей, проявляющих интерес к истории испанского права. Автор дал выразительную характеристику исторического фона учреждения Второй Испанской республики в 1931 г., по традиции уделив внимание феодальным пережиткам, присущим испанскому капитализму, борьбе «двух общественных сил – социализма и капитализма», а также событиям апрельской революции 1931 г. И. П. Трайнин проанализировал несколько наиболее значимых, по его мнению, статей Конституции 1931 г., отметив проявление «социальной демагогии» в ее тексте, а также положения иных законов, вызвавших протестные выступления испанского народа. К таковым он отнес, прежде всего, нормы о собственности и отказ от проведения требуемой крестьянством аграрной реформы, сохранение «национального гнета», приостановление отдельных прав в связи с принятием закона об осадном положении и его реализацию в октябре 1934 г., что фактически аннулировало все «конституционные гарантии» [39, с. 339]. В результате сравнения испанского акта с конституциями Швейцарии, Германии, США, конституционными законами Франции И. П. Трайнин сформулировал вывод: Испанская конституция 1931 г. в значительной своей части представляет «демократическую смесь» других конституций» [39, с. 341]. Должное внимание во вводной статье автором уделено социально-политической обстановке в Испании после введения в действие Конституции 1931 г. и особенностям функционирования Второй республики до начала гражданской войны в 1936 г.

Второй этап в изучении испанского государственного права (II половина 50-х гг. – 1975 г.). Начало второго этапа в рассматриваемых исследованиях было ознаменовано трудом И. М. Майского «Испания 1808–1917» [16, с. 457]. Книга была подготовлена в соответствии с идеологическими установками и манерой изложения материала, о которых упоминалось выше. Вместе с тем, публикация И. М. Майского базировалась на мощном фактическом материале и богатой библиографии, содержала информацию обо всех конституциях страны, что сделало ее фундаментом для будущих испанистических исследований, включая юридические.

В 1957 г. в сборнике «Конституции буржуазных государств Европы» были опубликованы в переводе на русский язык пять законов франкистской Испании, изданных в 1938–1947 гг. [9, с. 499–535]. Их предваряла статья Ф. Н. Николаева с краткой и емкой характеристикой существующего государственного строя Испании. Автор точно определил место всех представленных в книге законов в его закреплении и последствия их введения в действие. Статья отличалась весьма добротным юридическим анализом нормативных актов, а также исторических фактов, сопутствующих их принятию и действию. Она не содержала явных догматических штампов, свойственным публикациям 30-х гг., а лишь критические оценки в соответствии с идеологическими требованиями (например, о формальном характере гарантий «прав»

по Хартии испанцев 1945 г.) Ф. Н. Николаев не ставил под сомнение факт наличия в Испании конституции, явно исходя из формального понимания ее как основного закона, закрепляющего основы организации государственной власти в созданном Ф. Франко «так называемом корпоративном государстве» [23, с. 491, 495].

В 60-е – первой половине 70-х гг. XX в. в связи с развитием советской испанистики были проведены многоаспектные исследования в области истории Испании, освещавшие отдельные аспекты эволюции государственного права Испании. Среди них видное место занимал труд «Испания. 1918–1972» [7].

Ученые по-прежнему исходили из детерминированности политико-правовых явлений экономическими, «базисными» факторами. В связи с сохранением значения классового подхода и веры в решающее значение классовой борьбы, предметом исследований оставалось пролетарское движение, роль коммунистических и социалистических идей, а также отношение партий к различным аспектам действующего государственного права, функционированию государственной власти, проектам ее реформирования [25]. Испанисты также уделили внимание международным отношениям, оказавшим влияние на фундаментальные политико-правовые изменения в Испании.

Непосредственный интерес к истории государственного права продемонстрировала статья Б. М. Мерина «Испанская конституция 1812 г.», опубликованная в преддверии 160-летия ее провозглашения и отражавшая взгляд историка на содержание и значение акта [19, с. 121–139]. На рассматриваемом этапе также получили развитие исследования влияния испанского конституционного опыта на взгляды декабристов, обнаруженного Н. М. Дружининым [20, с. 67–71; 21, с. 51–57; 24, с. 88–89].

Значительное место в исторических исследованиях было отведено причинам прихода к власти каудильо, его антинародной внутренней и внешней политике, характеристике франкистского авторитарного политического режима. Данным вопросам посвятила ряд своих работ С. П. Пожарская, в т. ч. она исследовала внутренние и внешние факторы, способствовавшие утверждению франкизма в Испании [26, с. 287–340].

Испанское государство и законодательство в период правления Ф. Франко стало предметом исследований юристов. Труды Л. Б. Волкова, В. А. Савина и Н. Г. Хибрикова не утратили своей актуальности и по сей день, как в части глубокого многоаспектного содержательного анализа нормативного материала, так и сформулированных выводов. Работы В. А. Савина были посвящены истории юридического оформления полновластия Ф. Франко и его режима. Автор исследовал «франкистскую государственно-политическую доктрину», исходя из ее бесспорного значения как «юридического источника», прошедшего несколько этапов в своем развитии, а также «конституционное законодательство», в котором она нашла свое закрепление» [29, с. 5]. Вместе с тем, исследователь отметил, что «существующая в Испании система основных законов не заменяет» конституцию, они лишь «воспроизводят некоторые разделы писаной конституции» [30, с. 121].

Н. Г. Хибриков исследовал юридические основы и особенности функционирования испанского государственного механизма во время правления Ф. Франко, проанализировал «социально-экономическое устройство» Испании, охарактеризовал «сущность классов и партий»; разоблачил «фашистскую сущность современной конституции и избирательного права»; представил «политико-правовой анализ структуры и функций центральных органов власти» и их

полномочий, взаимоотношений, «складывающихся между различными частями государственного механизма в процессе осуществления ими диктатуры финансово-монополистического капитала», смоделировал «соотношение центральных органов власти после ухода Франко с политической арены» [45, с. 4]. Юрист выявил идейные основы франкизма, а также силы и организации, которые отвечали за их незыблемость и, вместе с тем, адекватность изменяющейся международной обстановке и состоянию испанского общества. Н. Г. Хибриков сделал вывод о том, что «организационная структура этих партий, их связи с отдельными звеньями государственного механизма и взаимоотношения между собой в значительной степени определяются сущностью франкистской диктатуры и ее нынешними целями» [46, с. 71].

Правоведы исходили из наличия в Испании конституции. При этом, В. А. Савин указал, что она представляет собой «не единый нормативно-правовой акт, как принято в большинстве стран, а целую серию актов, именуемых «основными законами», и их издание «представляло собой перманентный процесс, который не закончился до сих пор» [30, с. 12].

Вышеназванные исследователи усмотрели приближающийся конец франкистского режима. В. А. Савин уделял внимание его юридическим предпосылкам, отметив законодательно оформленное «стремление перекинуть мост между испанским государством периода франкистской диктатуры и последующим, предположительно монархическим периодом» [30, с. 126]. Н. Г. Хибриков сосредоточился на социально-политических проявлениях кризиса франкистского государства и политической системы Испании. Так он указал: «Нынешняя фашистская диктатура Франко уже изжила себя и в настоящее время больше не представляет собой хорошо отлаженный и безотказный механизм на службе финансово-монополистической олигархии страны» [47, с. 48].

Следует отметить, что данные работы, выполненные в середине 70-х гг., следовали принятым правилам стилистики научных трудов, предполагавшим рассмотрение государственно-правовых явлений в весьма критической духе, на базе идеологических аксиом и с применением классового и партийного подходов.

Третий этап в изучении испанского государственного права (1975 – сер. 80-х гг. XX в.). Кончина Ф. Франко, наступившая в 1975 г., и начавшийся после нее процесс масштабных реформ послужил поводом для развертывания исследований советских историков, экономистов, специалистов по международным отношениям, литературоведов. Их результаты были отражены в публикациях, которые стали многочисленными и разнообразными, историческими и посвященными современному состоянию различных сторон жизни испанского общества [32, с. 274–282]. В этот период при сохранении общих идеологических установок в отношении государственно-правовых явлений исследования выполнялись в более научном ключе и в строгом стиле.

Историки провели немало исследований, полезных для изучения государственного права. К числу таковых относятся труды, посвященные идеям мыслителей и государственных деятелей Г. М. Ховельяноса и Ф. Пи-и-Маргаля, подготовленные, соответственно, В. В. Суховерховым [36, с. 151–155], О. В. Волосюк [3, с. 258–272] и В. А. Темкиным [37, с. 130–145], а также духовным основам испанского общества [27]. Значение исторических основных законов Испании были освещены в трудах В. В. Суховерхова (Конституция

1856 г. [35, с. 72–77]), В. А. Темкина (конституционный проект 1873 г. [38, с. 195–208] и других авторов. Предметом изучения стала и политическая культура Испании, которая сочетала восприятие «основополагающих принципов буржуазной демократии», авторитета институтов армии, церкви, государства, верность традиционным ценностям [34, с. 100, 121–122].

В новых условиях Испания стала интересной, а ее изучение – актуальным. Практика применения конституционного законодательства второй половины 70–80-х гг. нашла отражение в трудах С. А. Хенкина [43, с. 48–61; 44] и других испанистов.

Публикации в той или иной мере затрагивали многие проблемы государственного строительства в эпоху масштабных преобразований. Так, в книге А. В. Авиловой, Я. С. Веденяпина «Экономика Испании» были глубоко проанализированы результаты проведенных экономических преобразований, которые вывели Испанию в 60–70-е гг. в число развитых стран [1]. Особое внимание авторы уделили дискуссиям по вопросу выбора пути и методов экономического развития, повлиявших на государственное строительство и функционирование всех органов государства. В труде А. А. Красикова «Испания и мировая политика: полвека дипломатической истории» была показана связь внешней политики и характера испанского государства начиная со времени Второй республики до конца 80-х гг. [13]. Книга М. А. Додолева, посвященная истории отношений России и Испании в начале XIX в., знакомила читателей с анализом архивных документов, в том числе отражающих отношение двора российского императора и различных групп российского общества к конституционному законодательству, принимавшемуся в Испании в 1808–1823 гг. [5]. Солидное издание «Современная Испания», подготовленная группой ученых, включала статьи о становлении демократии в стране, ее экономике, политике, культуре, социальных отношениях, политических партиях, общественных организациях, о роли церкви и армии, о процессе автономизации в государственно-территориальном устройстве (статьи М. Т. Мещерякова, С. П. Пожарской, Д. П. Прицкера, С. М. Хенкина и других). Членом авторского коллектива данного мульти- и междисциплинарного труда являлся В. А. Савин. Поэтому один из параграфов посвящен юридическому анализу Конституции 1978 г., подготовленному для прочтения широким кругом читателей [33, с. 41–52].

Эти и другие работы являются основой для изучения внутривнутриполитического и внешнеполитического контекста истории и актуального состояния испанской государственности и отдельных государственно-правовых институтов.

Советские юристы проявили заинтересованность в изучении государственного права Испании в трех направлениях: 1) опубликование перевода Конституции 1978 г.; 2) детальное изучение ее текста и практики применения; 3) освещение государственного права Испании в учебной литературе.

Конституция 1978 г. была издана в двух переводах на русский язык [10, с. 29–99, 11, с. 276–329]. Кроме того, были опубликованы тексты семи органических законов [10, с. 100–348].

Правоведы посвятили Конституции 1978 г. несколько статей. Авторы отмечали, что ее принятие – результат краха франкизма и развернувшегося процесса демократизации, который определялся «давлением трудящихся масс снизу» [10, с. 10–11]. Юристы уделили внимание широкой дискуссии, развернувшейся в связи с разработкой и принятием Основного закона Испании, значению консенсуса политических партий и достигнутых компромиссов, опоры на «конституционные традиции, основные законы, трансформи-

рованные и приспособленные к текущим потребностям» [11, с. 266]. Должное место в публикациях было уделено положениям о правах и свободах личности, о территориальном устройстве, организации власти. При этом проблемы организации системы высших органов власти признавались наиболее актуальными. Их разрешению было посвящено диссертационное исследование В. И. Карпеца, в котором прослеживалась «как взаимосвязь высших органов власти страны, так и их особые функции, а также особенности их исторического развития» [8, с. 5].

В статье «Новая конституция Испании» В. А. Савин и В. И. Карпец отметили, что у Испании после смерти Ф. Франко имелось «два возможных пути развития»: 1) медленное и постепенное преобразование путем реформ доставшейся от франкизма отсталой политической структуры с сохранением некоторых его существенных черт», который отвергли широкие демократически настроенные массы страны – рабочие, крестьяне, интеллигенция, а также многие предприниматели, большинство представителей католической церкви»; 2) решительный и последовательный переход от франкизма к демократии [31, с. 118].

В политическом развитии Испании, избравшей второй путь исследователи выделили три периода: первый период характеризовался «начальными шагами по пути демократизации» (среди них особое место занимало утверждение на референдуме 15 декабря 1976 г. закона о политической реформе; второй период был связан с победой сторонников демократических реформ на парламентских выборах 15 июня 1977 г., формированием правительства Суареса, принявшего решение разработать конституцию; третий – подготовка и принятие Конституции 1978 г.) [31, с. 118].

При анализе системы высших органов власти и управления ученые отметили ключевую роль правительства и его главы в государственном управлении; разнообразие форм контроля за деятельностью правительства со стороны кортесов (преимущественно конгресса депутатов); отражение в структуре кортесов национальных и исторических особенностей страны, и невозможность рассматривать одну из палат «как верхнюю по отношению к другой» [31, с. 119].

Авторы напомнили об остроте дискуссий по вопросу о национальной автономии, т. к. «национальная проблема имеет в Испании многолетнюю историю». По их оценке, веденная «автономия территорий, учитывая обширный перечень предметов ее регулирования, представляется довольно широкой», хотя она имеет место и под контролем со стороны центра. Вместе с тем, В. А. Савин и В. И. Карпец, критически заметили, что в Конституции «не рассматривается вопрос о возможных спорах и разногласиях между центральными и территориальными органами и способах их урегулирования» [31, с. 120]; но закрепляет при необходимости использование принудительных мер в случае невыполнения автономной территорией конституционных обязательств лишь при получении одобрения сената [31, с. 121].

Исследователи в духе своей времени подчеркнули, что Конституция, «в конкретно-исторических условиях демократического подъема во многом должна была пойти навстречу требованиям трудящихся масс», и уделили внимание анализу прав и свобод человека и гражданина и основам правового статуса граждан и их организаций [31, с. 119; 121; 122].

Авторы труда сделали вывод о том, что Конституция 1978 г. установила «в стране буржуазно-демократический строй» и должна стать «важной основой для дальнейшего развития процесса демократизации в Испании [31, с. 119; 122]. Примечательно, что возрастание интереса к государству и праву Испании отразился в учебной литературе по курсу государственного права буржуазных стран. В учебниках постепенно появились примеры из конституционного законодательства Испании, прежде всего, в главах и параграфах, посвященных монархической форме правления и статусу главы государства, а позднее – и источникам государственного права, территориальному устройству, полномочиям высших органов государства [4, с. 151; 203; 319; 335].

Кроме того, востребованность знаний о государственном праве Испании подтвердилось изданием учебного пособия по истории государства и права стран Пиренейского полуострова, в котором представлена конституционная эволюция Испании, начиная с 1808 г. [2, с. 106].

Выводы. Испания не входила в число стран, государственное право которых находилось в центре внимания советских юристов. Однако его изучение развивалось под влиянием, главным образом, внешнеполитических интересов и иных политических факторов. На первом этапе (30-е гг. XX в.) таковым явилось установление Второй Испанской республики, а затем – начало гражданской войны; на втором этапе (II половина 50-х гг. – 1975 г.) – общее оживление научных исследований; на третьем (1975–1991) – переход Испании от авторитарного политического режима к демократическому после смерти Франко и восстановление отношений между Испанией и СССР.

Существенный вклад в изучение государственно-правовых институтов и явлений внесли на первом этапе историки-испанцы, сосредоточившиеся на исследовании революционного прошлого испанского народа, Второй республики и событий гражданской войны; на втором этапе – историки и некоторые специалисты в области других общественных наук, круг интересов которых существенно расширился; на третьем – специалисты в различных сферах научных знаний, проводившие многоаспектные исследования прошлого и настоящего испанского государства.

Публикации правоведов отражали состояние изученности ими государственного права Испании. Первый этап был ознаменован несколькими публикациями И. П. Трайнина, выполненными в русле исследований, проводимых историками. Второй этап был отмечен трудами Л. Б. Волкова, В. А. Савина и Н. Г. Хибрикова с анализом государственного строя франкистской Испании и прогнозом завершения его существования в близком будущем. На третьем этапе, в связи с большими преобразованиями всех сторон общественной жизни и принятием Конституции 1979 г., круг исследователей государственного права существенно расширился, разнообразнее стала тематика работ, многочисленнее и содержательнее публикации. Вместе с этими новеллами изменялся и стиль трудов, он отражал тенденцию к доминированию в них не идеологии, а научности. Данные процессы создали основу и условия для проведения российскими учеными дальнейших глубоких исследований конституционного права Испании.

Библиографический список

1. *Авилова А. В., Веделянин Я. С.* Экономика Испании. М.: Наука, 1978. 176 с.
2. *Автономов А. С., Савин В. А.* История государства и права стран Пиренейского полуострова. М.: МГИМО, 1988. 106 с.

3. *Волосюк О. В.* К вопросу об изучении социально-политических взглядов испанского просветителя Г. А. Ховельяноса // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 1984. С. 258–272.
4. Государственное право буржуазных и освободившихся стран / под ред. И. П. Ильинского, Л. М. Энтина. М.: Междунар. отношения, 1988. 480 с.
5. *Додолев М. А.* Россия и Испания. 1808–1823 гг. М., 1984. 269 с.
6. *Дружинин Н.* Декабрист Н. Муравьев. М.: изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 403 с.
7. Испания (1918–1972) / отв. ред. И. М. Майский. М.: Наука, 1975. 497 с.
8. *Карпец В. И.* Высшие органы государственной власти Испании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 20 с.
9. Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф. А. Кублицкий; пер. под ред. Г. С. Гурвича. М.: изд-во иностр. лит., 1957. С. 499–535.
10. Конституция Испании (1978) / пер. с исп. яз. Т. И. Ильинской // Испания: Конституция и законодательные акты / под ред. Н. Н. Разумовича. М.: Прогресс, 1982. С. 29–99.
11. Конституция Испании (1978) / пер. с исп. В. И. Карпеца // Конституции буржуазных государств / сост. и вступ. ст. В. В. Маклаков. М.: Юрид. литер., 1982. С. 276–329.
12. Конституция испанской республики // Конституции буржуазных стран: в 4 т. Т. 2: Средние и малые европейские страны. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 349–377.
13. *Красиков А. А.* Испания и мировая политика: полвека дипломатической истории. М.: Междунар. отношения, 1989. 352 с.
14. *Кудрявцев А. Е.* Испанская революция 1808–1814 гг. Исторический очерк // Ученые записки кафедры новой и средней истории Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л.: ЛГПИ, 1939. Т. XXII. С. 5–44.
15. *Лившиц С.* Испанская революция 1868–1874 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 109–121.
16. *Лянов Д.* Маркс и Энгельс о революции в Испании // Сов. гос-во. 1938. № 4. С. 135–140.
17. *Майский И. М.* Испания 1808–1917. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 457 с.
18. *Маклаков В. В.* Конституция Испании (вступительная статья) // Конституции буржуазных государств. М., С. 264–275.
19. *Мерин Б. М.* Испанская конституция 1812 г. // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1961. Т. 101. С. 121–139.
20. *Минаева Н. В.* К вопросу об идейных связях движения декабристов и испанской революции // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 60–78.
21. *Минаева Н. В.* Отражение опыта европейских революций 20-х гг. XIX в. в теории и тактике декабристов // Ученые записки Московского Ордена Трудового Красного знамени государственного педагогического института имени В. И. Ленина. М., 1967. № 286. С. 45–65.
22. *Минлос Б. Р.* Испанская буржуазная и буржуазно-демократическая революция XIX–XX вв. // Историк-марксист. 1937. № 1. С. 98–124.
23. *Николаев Ф. Н.* Испания. Вводная статья // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф. А. Кублицкий; пер. под ред. Г. С. Гурвича. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 489–498.
24. *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975. 189 с.
25. *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании: 1931–1939. М.: Наука, 1966. 226 с.

26. *Пожарская С. П.* Внутренние и внешние факторы утверждения фашизма в Испании // История фашизма в Западной Европе / отв. ред. Г. С. Филатов. М.: Наука, 1978. С. 287–340.
27. *Пономарева Л. В.* Испанский католицизм XX в. М.: Наука, 1989. 288 с.
28. *Разумович Н. Н., Савин В. А.* Вступительная статья // Испания: Конституция и законодательные акты / сост. В. А. Савин; под ред. Н. Н. Разумовича. М., 1982. С. 10–28.
29. *Савин В. А.* История испанского государства франкистского режима (доктрина и конституционное развитие): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975.
30. *Савин В. А.* Франкистская диктатура и «Органический закон государства» 1967 г. // Сов. гос-во и право. 1974. № 5. С. 121–126.
31. *Савин В. А., Карпец В. И.* Новая конституция Испании // Сов. гос-во и право. 1979. № 10. С. 117–122.
32. Советские исследования по истории Испании (1975–1982) / сост. О. В. Волосюк // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 1984. С. 273–282.
33. Современная Испания / отв. ред. В. В. Загладин. М.: Политиздат, 1983. 383 с.
34. *Старостина Е. В.* Политическая культура Испании // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки: реферат. сб. М.: АН СССР, 1990. Вып. 1. С. 100–126.
35. *Суховерхов В. В.* Испанская революция 1854–1856 гг.: учеб. пособие по спецкурсу. М.: МГПИ, 1987. 91 с.
36. *Суховерхов В. В.* Философско-социологические концепции Ховельяноса // Философские науки. 1982. № 1. С. 151–155.
37. *Темкин В. А.* Франсиско Пи-и-Маргаль как теоретик испанского федерализма // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 1984. С. 130–145.
38. *Темкин В. А.* Республика 1873 года – высшая точка развития испанского республиканского федерализма // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 1987. С. 195–208.
39. *Трайнин И. П.* Вводная статья (Конституция испанской республики) // Конституции буржуазных стран: в 4 т. Т. 2: Средние и малые европейские страны. М.; Л.: Соцэргиз, 1936. С. 337–348.
40. *Трайнин И. П.* Из истории испанских революций (1808–1814 гг.) // Новый мир. 1937. № 1. С. 207–220.
41. *Трайнин И. П.* Испания до и после апрельской революции. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 63 с.
42. *Трайнин И. П.* Испанская конституция // Сов. гос-во. 1936. № 1. С. 57–67.
43. *Хенкин С. М.* Ликвидация франкистской диктатуры в Испании // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 48–61.
44. *Хенкин С. М.* Испания: время перемен. М.: Знание. 1986. 64 с.
45. *Хибриков Н. Г.* Государственный механизм франкистской диктатуры в Испании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 20 с.
46. *Хибриков Н. Г.* Национальное движение («Фаланга») и «Опус Деи» в системе франкистской диктатуры в Испании // Вестник МГУ. Сер.: Право. 1974. № 6. С. 71–78.
47. *Хибриков Н. Г.* О некоторых проблемах политической системы франкистской Испании. // Вестник МГУ. Сер.: Право. 1973. № 2. С. 48–55.

Сведения об авторе / Information about the author

Алексеева Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, профессор факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, ta_al@mail.ru

Alexeeva Tatiana – Doctor of Science (Law), Professor of Law School, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ta_al@mail.ru

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ
(В рамках 50-летия ИвГУ)**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.228

С. М. Жуков

**ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ
В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы в институте необходимой обороны, существующие в науке уголовного права. Автор даёт оценку идеям советских и российских учёных (С. Ф. Милуков, Ю. В. Зуева, А. И. Бойко, В. И. Орехов, В. И. Ткаченко, С. В. Познышев, В. Ф. Кириченко, И. И. Слуцкий и другие), которые необходимо воспринять и применить в российском законодательстве в целях минимизации негативных последствий от преступных деяний, либо вовсе для их предотвращения. Рассматривается вопрос трактовки необходимой обороны, поднятый С. Ф. Милуковым, Ю. В. Зуевой, как юридической обязанности для установленного круга лиц, обладающих общественным долгом. На основании рассуждений А. И. Бойко, В. И. Орехов, В. И. Ткаченко ставится под сомнение предложение применения необходимой обороны от общественно опасного бездействия, а также в общем правильность включения данной конструкции в упомянутый институт. Обосновывается важность применения правил необходимой обороны для неограниченного круга составов преступлений, закреплённых в действующем уголовном законодательстве, а не только для тех, которые предусматривают причинение серьёзного вреда жизни и собственности. Анализируются взгляды деятелей науки (В. В. Орехова, С. Ф. Милукова, Ю. В. Зуевой) в отношении уменьшения условий для признания правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны. Также указываются различные классификации условий необходимой обороны, разработанные В. Ф. Кириченко и И. И. Слуцким в теории уголовного права советского и российского периодов. В завершении ставится один из наиболее дискуссионных и важных вопросов об пределах необходимой обороны, а также уместности и необходимости их расширений в целях охраны прав и свобод законопослушных граждан. Делается вывод о значительности теоретических разработок в исследуемой сфере для дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: советская и российская теория уголовного права, преемственность и инновации в теории права, обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона.

© Жуков С. М., 2023

2023. Вып. 3 •

S. M. Zhukov

THE INSTITUTE OF NECESSARY DEFENSE IN THE SOVIET AND RUSSIAN THEORY OF CRIMINAL LAW: CONTINUITY AND NOVELTY

Abstract. The article discusses the controversial issues at the Institute of Necessary Defense that exist in the science of criminal law. The author evaluates the ideas of Soviet and Russian scientists (S. F. Milyukov, Yu. V. Zueva, A. I. Boyko, V. I. Orekhov, V. I. Tkachenko, S. V. Poznyshev, V. F. Kirichenko, I. I. Slutsky and others) that need to be perceived and applied in Russian legislation in order to minimize negative consequences of criminal acts, or even to prevent them. The question of the interpretation of the necessary defense raised by S. F. Milyukov, Yu. V. is considered. Zueva, as a legal obligation for a set circle of persons who have a public duty. Based on the arguments of A. I. Boyko, V. I. Orekhov, V. I. Tkachenko, the proposal to use the necessary defense against socially dangerous inaction is questioned, as well as, in general, the correctness of including this design in the mentioned institution. The importance of applying the rules of necessary defense for an unlimited range of crimes enshrined in the current criminal legislation, and not only for those that involve causing serious harm to life and property, is substantiated. The views of scientists (V. V. Orekhov, S. F. Milyukov, Yu. V. Zueva) regarding the reduction of conditions for the recognition of the legality of causing harm in a state of necessary defense are analyzed. Various classifications of the conditions of necessary defense, developed by V. F. Kirichenko and I. I., are also indicated. Slutsky in the theory of criminal law of the Soviet and Russian periods. In conclusion, one of the most debatable and important questions is raised about the limits of the necessary defense, as well as the appropriateness and necessity of their expansion in order to protect the rights and freedoms of law-abiding citizens. The conclusion is made about the significance of theoretical developments in the field under study for further improvement of Russian criminal legislation and the practice of its application.

Key words: criminal law, Soviet and Russian law, continuity and innovations in law, circumstances precluding criminality of the act, necessary defense.

Необходимая оборона является эффективным средством реализации права каждого гражданина на защиту своих прав и свобод и позволяет либо предотвратить негативные последствия от преступления, либо свести их к минимуму. Именно по этой причине данный институт часто исследуется в юридической науке. Однако в современной России, где стали доминировать демократические и либеральные ценности, положение необходимой обороны в уголовном законодательстве находит некое сопротивление в обществе, возмущенное мнением о том, что норма скорее защищает преступника, чем законопослушного гражданина. Похожая ситуация складывается и в научной среде. По сей день не иссекают споры, касающиеся правильности закрепления отдельных дискуссионных аспектов необходимой обороны в действующем законодательстве. Советская и российская наука выработала множество любопытных идей, одни нашли поддержку законодателя, другие же остались за бортом законодательства. Но несомненен факт, что эти научные изыскания способны направить на путь решения стоящей проблемы. В контексте юридических научных исследований существует необходимость дать конкретный ответ на следующий вопрос: какие идеи, разработанные советскими и

российскими учёными, стоит воспринять и отразить в действующем российском законодательстве?

В отечественной юридической науке как советского, так и российского периода существовало мнение, что для некоторых категорий граждан необходимая оборона является не субъективным правом, а юридической обязанностью, невыполнение которой должно влечь юридическую ответственность. К таковым субъектам, как правило, относили тех, у кого присутствовал общественный долг [2, с. 23]. Применимо это к военнослужащему на посту или полицейскому во время выполнения им служебных обязанностей. В поддержку этой идеи высказываются С. Ф. Милоков и Ю. В. Зуева, замечая, что отрицание обязанности осуществить необходимую оборону является теоретическим оправданием бездействия правоохранительных органов [2, с. 23–24]. Советский и российский законодатель поддержали позиции сторонников этой идеи и сошлись во взгляде, что для данного круга лиц необходимая оборона выступает именно как юридическая обязанность (ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. [9]; ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции») [3]. Всё это позволяет говорить о сохранении преемственности между советским и российским уголовным законодательством.

Ещё один вопрос, который рассматривается в юридической, затрагивает допустимость необходимой обороны от общественно опасного бездействия. На этот счёт высказывались различные суждения. А. И. Бойко, В. И. Орехов, В. И. Ткаченко отрицают подобную возможность, утверждая, что такая конструкция ведёт к утрате первоначального предназначения необходимой обороны – посредством правомерно причиненного вреда пресечь или предотвратить преступное посягательство. Однако существует и иная позиция, согласно которой причинение вреда в состоянии необходимой обороны способно пресечь общественно опасное бездействие. К примеру, как указывают С. Ф. Милоков, Ю. В. Зуева оно способно побудить военнослужащего, который отказывается выполнять приказ, действовать правомерным образом, благодаря чему во время военного конфликта может быть сохранена не только его жизнь, но и сослуживцев [2, с. 38]. Однако, применение насилия как способа принудить лицо выполнить правовую обязанность является атипичным проявлением необходимой обороны и требует дальнейших исследований и размышлений. В отношении этой конструкции скорее хочется согласиться с В. И. Ткаченко, который придерживается мнения, что применение насилия для защиты от преступного бездействия стоит признать отдельным обстоятельством, исключающим преступность деяния [2, с. 38].

В отечественной науке существует мнение, что необходимая оборона допустима не от каждого преступного посягательства, а лишь от тех, которые способны причинить вред жизни, здоровью, половой свободе, собственности и так далее [7, с. 176]. Примечательно, что такой подход не нашёл поддержки как советского, так и российского законодателя. Такие взгляды подвергались обоснованно критике и в дореволюционной России. В данном аспекте высказывался С. В. Познышев, что все точки зрения, которые как-либо ограничивают круг благ, защищаемых силой от незаконных воздействий, могут считаться произвольными. Например, мнение о том, что под защитой не должны находиться блага невысокой ценности, имущественные блага, в общем, вознаграждаемые блага, а также честь [5, с. 143].

Отстаивая ту же позицию, А. Ф. Кони писал: «Необходимая оборона должна быть допускаема для защиты всех прав вообще, безразлично и без всяких исключений» [2, с. 27].

Институт необходимой обороны должен содержать наименьшее количество условий правомерности причинения вреда посягающему. С подобной позицией согласны и отстаивают С. Ф. Милюкова, Ю. В. Зуева, резонно замечая, что в скоротечной и стрессовой ситуации, в которой находится обороняющийся, он не в состоянии принять во внимание множество факторов, имеющих правовое значение [2, с. 25]. В аналогичном духе высказывается В. В. Орехов, утверждая, что для достижения общественной пользы государству всегда следует стремиться к тому, чтобы лица, осуществляющие необходимую оборону, находились в наилучших условиях по сравнению с преступниками [2, с. 26].

Традиционно считается, что правомерная необходимая оборона предполагает соблюдение определенных критериев, называемых условиями (критериями) правомерности необходимой обороны, в соответствии с теорией уголовного права. Как правило, в теории уголовного права эти условия разделяют на те, которые относятся к защите, и те, которые касаются преступления [8, с. 85]. Однако такой взгляд на классификацию условий необходимой обороны не является единственным. К примеру, В. Ф. Кириченко предлагает разделить условия на те, которые относятся к возникновению и прекращению права необходимой обороны, и те, которые определяют границы допустимой такой защиты [1, с. 17]. И. И. Слуцкий в своих научных трудах предлагал группировать условия по двум разделам: нападение как источник опасности, создающий ситуацию обороны, и как защита при необходимой обороне [6, с. 173]. На сегодняшний день в законодательстве восприняты следующие условия правомерности необходимой обороны: наличие, действительность, соразмерность, отражение общественно опасного деяния, причинение вреда только посягающему лицу.

В научных кругах острым является вопрос о квалификации необходимой обороны, при её осуществлении с помощью различных приспособлений и механизмов для предотвращения или пресечения преступных посягательств, связанных с проникновением в жилища, дачи, хозяйственные постройки и так далее. Как правильно, в юридической литературе данные действия порицаются на том основании, что подобные действия способны причинить вред сторонним лицам. В попытке разрешить подобную дилемму С. Ф. Милюков и Ю. В. Зуева резонно пишут, что уголовно правовая оценка таких действий должна базироваться на определении формы вины обороняющегося либо на констатации её отсутствия в ряде случаев, когда вредоносное средство устанавливается там, куда посторонний не может случайно попасть [2, с. 54–56].

Также важно, что для признания правомерности необходимой обороны требуется, чтобы отсутствовала провокация в действиях обороняющегося. Советский учёный А. А. Пионтковский в 1938 г. писал, что если нападение было сознательно спровоцировано лицом для того, чтобы под видом обороны расправиться с нападающим, то подобные действия нужно рассматривать не по правилам необходимой обороны, а на общих основаниях, как умышленное преступление [4, с. 286]. Аналогичного мнения придерживается и профессор Э. Ф. Побегайло, считая, что не следует признавать находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое намерено вызвало, нападение,

чтобы использовать его как повод совершения противоправных действий». Такую ситуацию называют провокацией обороны [2, с. 45]. На сегодняшний день подобного мнения придерживается и сам российский законодатель. В развитии этого вопроса С. Ф. Милюков и Ю. В. Зуева замечают, что у данной категории есть и обратная сторона: правомерная провокация обороны, целью которой является проявить преступные намерения злоумышленника. На неё имеют право в первую очередь подготовленные сотрудники правоохранительных органов. Это применимо в том случае, когда происходит так называемая ловля преступников на «живца», в роли которого выступает сотрудник полиции [2, с. 46–47].

Пределы необходимой обороны в юридической науке являются если не самым, то одним из наиболее дискуссионных аспектов в отношении рассматриваемого нами института. Это выражается в столкновении двух крайностей: полной свободе обороняющегося в причинении вреда нападающему и зажатии обороняющегося в чётких рамках, выход за которые ведёт к уголовной ответственности. На наш взгляд, обе эти концепции представляются не только несостоятельными, но и опасными для людей и общества. На сегодняшний день превышением таковых пределов признаются умышленные действия, несоответствующие характеру и степени общественной опасности преступного посягательства на охраняемые законом общественные отношения. Законодатель не идёт в сторону расширения пределов необходимой обороны, что приводит к сохранению прав некоторых преступников в ущерб правам многих законопослушных граждан и общества в целом. А. Ф. Кони писал, что несправедливо считать, что жизнь не может быть отнята при защите имущества, так как право всегда стоит выше неправа, человек обладает правом употребить такое количество силы, сколько необходимо для защиты нарушаемого права. В данном случае мерилom будет выступать опасность, а не ценность права [2, с. 60]. Однако не стоит забывать, что каждая крайность имеет серьёзные недостатки. Так, отсутствие каких-либо пределов предоставляет потерпевшему причинить в значительной степени несоразмерный вред. Ввиду этого, на наш взгляд, истина мысль, что обходимая оборона не может быть безграничной. Самый актуальный вопрос, стоящий как перед законодателем, так и перед юридической наукой, состоит в том, какие же пределы установить. Как часто и бывает, истина кроется по середине. Задача современной юридической науки заключается в том, чтобы, основываясь на советском и российском опыте, найти тот путь, который исключит все негативные стороны двух этих подходов, или хотя бы сведёт их к минимуму.

Таким образом, институт необходимой обороны прошёл большой путь развития в советском и российском законодательстве, однако на сегодняшний день он отличается высокой долей консервативности, что может влечь негативные последствия. За долгий срок юридической наукой в отношении института необходимой обороны сформировалось множество мнений, как он должен быть закреплён в законодательстве. Объединив все эти идеи и учтя специфику современного российского общества, представляется, что мы можем прийти к универсальному выводу – сегодня требуется в первую очередь отдавать приоритет именно теми позициями, которые направлены на защиту прав обороняющегося лица, и, следовательно, обособиться от тех, которые защищают права преступника.

Библиографический список

1. *Кириченко В. Ф.* Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 107 с.
2. *Миллюков С. Ф., Зуева Ю. В.* Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты (доктрина, практика, техника): монография / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект. 2022. 144 с.
3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ 2011. № 7. Ст. 900; СЗ РФ 2023. № 1. Ст. 16.
4. *Пионтковский А. А.* Необходимая оборона // Уголовное право. Общая часть: учебник. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. 1938. 408 с.
5. *Познышев С. В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: А. А. Карцев. 1912. 653 с.
6. *Слуцкий И. И.* Необходимая оборона в советском уголовном праве // Учен. зап. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю. В. Грачев, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. М.: Проспект. 2015. 241 с.
7. Советское уголовное право. Часть общая / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М.: Юрид. лит., 1982. 176 с.
8. *Тараканов И. А.* Условия правомерности необходимой обороны в теории уголовного права // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 3 (9). С. 84–88.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.06.1973 № 385 (ред. от 28.01.1983 № 98) // СП СССР 1973. № 28. Ст. 370; СП СССР 1983. № 6. Ст. 28.

Сведения об авторе / Information about the author

Жуков Семён Михайлович – студент 3 курса юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, thefutureisalreadyclose@mail.ru

Zhukov Semyon Mikhailovich – 3rd year student of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, thefutureisalreadyclose@mail.ru

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса О. В. Кузьмина (ИвГУ).

**СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИИ
(В рамках 50-летия ИвГУ)**

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1

М. М. Скотникова

**УЧЕНИЕ М. С. СТРОГОВИЧА ОБ ИСТИНЕ И ЕГО РАЗВИТИЕ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В работе рассматриваются основные положения учения об истине одного из самых значимых ученых-процессуалистов периода СССР Михаила Соломоновича Строговича. Особое внимание уделяется его взглядам на правовую природу, понятие, виды, свойства истины, её материально-конкретное содержание, соотношение с состязательностью и иными принципами уголовного судопроизводства. Отмечается актуальность данного учения для формирования современной концепции российского уголовного процесса и теоретического понимания путей его развития на этапе реформирования. Освещаются некоторые идеи современной уголовно-процессуальной науки, развивающиеся на базе трудов М. С. Строговича. В этой связи анализируются исследования учёных-процессуалистов, направленные на разрешение указанных проблем, приемлемое как для теории, так и для законотворчества, а также правоприменительной практики. Делается вывод о необходимости установления истины по уголовным делам в целях повышения эффективности судопроизводства и недопущения судебных ошибок.

Ключевые слова: М. С. Строгович, материальная истина, формальная истина, принципы уголовного процесса.

М. М. Skotnikova

**THE DOCTRINE OF M. S. STROGOVICH ABOUT TRUTH
AND ITS DEVELOPMENT IN THE DOMESTIC SCIENCE
OF CRIMINAL PROCEDURE**

Abstract. The paper examines the main provisions of the doctrine of truth of one of the most significant criminal procedure scientists of the USSR, Mikhail Solomonovich Strogovich. Particular attention is paid to his views on the legal nature, concept, types, properties of truth, its material and specific content, its relationship with adversarialism and other principles of criminal proceedings. The relevance of this doctrine for the formation of a modern concept of the Russian criminal process and a theoretical understanding of the ways of its development at the stage of reform are noted. Some ideas of modern criminal procedure science, developed on the basis of the works of M. S. Strogovich, are highlighted. In this regard, the research of procedural scientists aimed at resolving these problems, acceptable both for theory and for lawmaking, as well as law enforcement practice, is analyzed.

© Скотникова М. М., 2023

2023. Вып. 3 •

The conclusion is made about the need to establish the truth in criminal cases in order to increase the efficiency of legal proceedings and prevent judicial errors.

Key words: M. S. Strogovich, material truth, formal truth, principles of criminal proceedings.

Михаил Соломонович Строгович (1894–1984) – ученый, считающийся одним из главных идеологов советского уголовно-процессуального права [2, с. 112]. Его исследования посвящены понятиям и идеям, которые в наши дни считаются базовыми и непреложными: принципу состязательности сторон в уголовном процессе, необходимости уважения прав и свобод человека, материальной истине, многим связанным с ней постулатам юридической науки. Современное уголовное процессуальное право находится в состоянии непрерывного реформирования, в некоторых вопросах законодатель отказывается от советских норм, в других же напротив обращает на них свое внимание. Особенно активно в последние годы в научной среде идут дискуссии о значении истины для уголовного процесса России, многие ученые в своих размышлениях обращаются именно к опыту М. С. Строговича по рассмотрению этого вопроса. Фундаментальный характер и обширность исследований в совокупности с прогрессивностью идей и по сей день не позволяют усомниться в важности его работ для отечественной науки.

Особое внимание в своих трудах М. С. Строгович уделяет материальной истине. Именно её достижение, по мнению ученого, является основной целью современного ему уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что Михаил Соломонович является не первым правоведом, обратившимся к исследованию данного вопроса, научные работы на эту тему существовали и в дореволюционное время [3, с. 79], его вклад по праву считается наиболее значительным, а работы, связанные с исследованием истины в уголовно-процессуальном праве, содержат всесторонний анализ проблемы и иных взаимосвязанных вопросов. По М. С. Строговичу, материальная истина – «полное соответствие действительности выводов и утверждений следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого дела» [8, с. 14]. Несмотря на то, что целью любого уголовного процесса является установление реальных обстоятельств дела, существует кардинальное различие в видах истины. Целью советского производства по уголовным делам является достижение именно материальной или же объективной её разновидности. Она противопоставляется формальной истине – представлению суда об обстоятельствах рассматриваемого дела, соответствующих указанным в законе условиям [8, с. 39]. Называть её истиной кажется ученому ошибкой, это, скорее, «псевдоистина», близкая ко лжи, так как выводы суда строятся на обнаружении в конкретном деле отдельных признаков, соответствующих требованиям, предъявляемым к преступлению того или иного вида, без определения связи этих признаков с обстоятельствами реальной действительности [8, с. 45]. Формальной истины придерживается суд, например, феодальный, а также средневековая инквизиция. В обоих примерах судопроизводство наибольшую ценность приписывало формальным доказательствам, а особенно признанию обвиняемым своей вины независимо от соответствия этих свидетельств объективной действительности [8, с. 40]. Достижение данного вида истины, по мнению автора, является целью также и судебного процесса дореформенной России XIX в. Советский суд, в свою очередь, стремится получить полное знание о фактических обстоятельствах дела, принять наиболее справедливое решение именно на основании конкретного случая, произошедшего в действительности.

В некоторых более поздних работах исследователь также упоминает юридическую истину, которая представляется ему в еще более худшем качестве, чем формальная [7, с. 41–42]. В данном случае юридическая или судебная истина основывается даже не на предписаниях закона, а на судебском усмотрении, сложившейся судебной практике. В современной юридической литературе часто обсуждается и абсолютная истина, как явление, стоящее выше объективной ее разновидности, но практически единогласно ученые приходят к выводу о том, что она недостижима, о ней в рамках уголовного процесса речи идти не может [11, с. 71].

В связи с тем, что право современной России в некоторых аспектах характеризуется преемственностью правовой системы Советского Союза, многие ученые продолжают вышеуказанную линию противопоставления, отмечая, что, в то время, как судебная система РФ стремится к материальной истине, страны запада видят целью суда достижение ее формального вида. Именно благодаря этому отличию российское судопроизводство является более справедливым, в большей мере защищает права и свободы граждан. Так, например, достижение формальной или юридической истины (М. С. Строгович проводит четкое различие между этими видами, но некоторые современные авторы считают их аналогичными) при ее понимании как «псевдоистины» представляется некоторым исследователям целью суда в странах англо-американской правовой семьи [3, с. 78]. Аргументом в поддержку этого тезиса служит то, что при решении дела судья руководствуется прецедентом – уже существующим решением сходного дела. Такая ситуация связывается автором с особой ментальностью жителей запада, не желающих слишком подробно углубляться в рассмотрение дела, а предпочитающих выносить судебные решения на основании «условной» истины [3, с. 78]. В действительности же данный вопрос является не столь однозначным, так как и в странах англо-американской правовой семьи суд тщательно изучает каждое дело, прецеденты применяются не слепо, а с учетом отдельных особенностей того или иного дела. Более того, помимо так называемых «связывающих» прецедентов (*binding precedent*), обязательных для всех судов уровня ниже, чем вынесший его, существуют также «убедительные» прецеденты (*persuasive precedent*), встречающиеся на практике намного чаще. Ими судья может руководствоваться, но имеет право лишь принять к сведению при принятии нового решения. В связи с этим нельзя однозначно сказать, что целью судопроизводства в такой правовой системе является именно достижение ложной формальной истины без уделения должного внимания к судьбе каждого отдельного дела. Данный вопрос нужно рассматривать с учетом существующих различий в философии восприятия судопроизводства. Англо-американские ученые считают, что объективная истина, или, в нашем случае, материальная, в принципе недостижима [2, с. 113]. Таким образом, они стремятся к установлению процессуальной истины, но это не делает ее априори ошибочной, так как пути ее достижения сходны с теми, которые описывает и М. С. Строгович.

Ученые в наши дни не могут прийти к однозначному ответу на вопрос, является ли достижение материальной истины целью уголовного процесса России. Уголовные процессуальные кодексы (далее – УПК), современные М. С. Строговичу, среди них и УПК РСФСР 1922 г., в том числе в редакции 1923 г., и УПК РСФСР 1960 г., содержали в себе многократное упоминание

истины как цели уголовного процесса, включали нормы, способствовавшие ее поиску. Например, ст. 243 УПК РСФСР 1960 г. указывает, что в задачи председательствующего в судебном заседании лица входит принятие всех предусмотренных мер в целях объективного исследования обстоятельств дела и установления истины [9]. Таким образом, исследования ученого имели под собой конкретную правовую базу. Явление, исследуемое им, упоминалось и законодателем. В УПК РФ положения, касающиеся истины, её значения для судопроизводства отсутствуют. В ст. 6 УПК РФ содержатся такие задачи уголовного судопроизводства, как защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [10]. На цели законодатель не указывает вовсе. Наиболее популярной в современной науке является точка зрения, в соответствии с которой понятие истины и любое ее упоминание были исключены из УПК из-за философского, спорного характера этой категории. Некоторые исследователи в наши дни приходят к выводу о том, что в рамках судопроизводства нельзя достичь истины, ее поиск, то есть объективное расследование обстоятельств дела, несовместимо с принципом состязательности [3, с. 79]. Эта позиция опровергается многими современными учеными, которые отмечают, что именно предоставление сторонам равных возможностей по ознакомлению с материалами дела, представлению своих позиций позволяет вынести наиболее объективно верное решение в рамках судопроизводства [5, с. 320]. Несложно сделать вывод, к нему же приходил и М. С. Строгович в своих работах, и современные правоведы [2, с. 112], что только приговор, основанный на объективной действительности, способен обеспечить достижение цели уголовного процесса. Мы также разделяем эту позицию, так как сложно представить правовую систему, в которой восстановление объективных обстоятельств дела не являлось бы целью уголовного процесса. Возникает вопрос о справедливости и достоверности выносимых в таком случае решений.

В современном научном сообществе обнаруживается и точка зрения, в соответствии с которой достижение материальной истины не является целью всего уголовного процесса, но служит задачей доказывания в рамках судопроизводства. И на основании установленных обстоятельств действительности суд обязан правильно применить нормы уголовного права. В таком случае будут достигнуты поставленные законодателем цели [11, с. 72]. Сторонники этой теории акцентируют внимание на том, что возведение истины в цели всего уголовного процесса является нарушением принципа состязательности сторон, а также лишает суд его нейтральной позиции при разбирательстве [4, с. 299–300]. Данные вопросы неоднократно становились предметом исследований М. С. Строговича, он указывал на неразрывную связь истины и состязательности. Тем не менее, не отрицал и позиции, при которой истина является целью доказывания. Исследователь, как и многие ученые-процессуалисты, понимал, что доказывание – один из важнейших элементов уголовного судопроизводства. Именно на основании доказывания строятся выводы суда по делу. Сложно также не согласиться с позицией о том, что истина проявляется и в соответствии знаний лиц, занимающихся производством по делу тому, как оно совершалось в действительности, и правильной квалификации деяния, и верной его оценке судом, возможности назначения наказания.

Сам М. С. Строгович в своих работах указывает на то, что материальная истина – центральный элемент уголовного судопроизводства, обуславливающий существование многих процессуальных принципов. Исходя из этого,

можно сказать, что и существование определенных инструментов осуществления уголовного судопроизводства может свидетельствовать о том, что достижение истины обеспечивается надлежащим образом, даже если в законе не содержится прямого указания на это. Так, ученый называет гарантии материальной истины в уголовном процессе, среди которых: соблюдение органами следствия и судом требований процессуального закона, беспрекословное соблюдение гарантий прав обвиняемого и беспристрастность суда, решающего дело в соответствии с законом и собственным судебским убеждением [8, с. 163]. Иными понятиями, тесно связанными с материальной истиной, можно считать и принцип состязательности, и бремя доказывания, и некоторые правовые презумпции (презумпцию невиновности и презумпцию знания закона), а также правовые гарантии личности в рамках уголовного процесса. Данные инструменты служат цели достижения материальной истины и способствуют облегчению этого процесса на всем протяжении уголовного судопроизводства, а не на отдельных его стадиях. Учитывая, что названные положения так или иначе содержатся в современном уголовно-процессуальном законодательстве, исходя из доктрины истины, разработанной М. С. Строговичем, можно предположить, что конечной целью уголовного процесса в современной России также является вынесение решения, основанного на полученных доказательствах. Таким образом, даже не указывая это напрямую, законодатель определяет для судопроизводства путь, следуя которому может быть обнаружена истина по делу.

Современные авторы, полагающие, что истина в уголовном процессе недостижима, в обоснование своей позиции указывают не только на противоречивость истины и состязательности, но и на её несовместимость с презумпцией невиновности [6, с. 171–173]. М. С. Строгович во многих своих работах подробно рассматривает данный вопрос и приходит к выводу о том, что именно существование данной презумпции является гарантией достижения истины в рамках судопроизводства [7, с. 185]. Благодаря предположению о невиновности лица без наличия достаточных оснований констатировать обратное обвиняемый может считаться совершившим преступление лишь в том случае, если у суда не будет сомнений в наличии его вины, установлены все обстоятельства объективной действительности, позволяющие сделать такой вывод. Ученый крайне трепетно подходил к вопросу возможности существования и изучения презумпций в отечественном уголовно-процессуальном праве, считая, что в рамках советского судопроизводства допустимы лишь три: презумпция знания закона, истинности вступившего в силу судебного приговора и невиновности [8, с. 202]. Совершенно точным представляются утверждения исследователей-правоведов о том, что категории, рассматриваемые М. С. Строговичем, кажутся современным юристам аксиоматичными, но в годы, когда писались его работы, эти положения были неочевидными, приходилось вновь и вновь доказывать их состоятельность [1, с. 136]. Обширность и настойчивость научного труда ученого не позволяют усомниться в исключительной важности его работ для развития отечественной юриспруденции.

Особое внимание М. С. Строгович уделяет проблеме судебных ошибок в условиях поиска материальной истины в рамках уголовного процесса. Судебная ошибка – это установление судом обстоятельств дела в противоречии с истиной. Автор акцентировал внимание на том, что это явление необходимо понимать широко: ошибкой является и наказание невиновного, и

оправдание виновного. О последнем элементе, отмечает ученый, многие европейские правоведы зачастую забывают, но такой порок судебной системы также сильно вредит обществу, как и несправедливое осуждение [8, с. 22]. Целью современной М. С. Строговичу юстиции является постоянный поиск истины. Это не значит, что советский суд не допускает ошибок, но это говорит о том, что они не остаются незамеченными, а в случае их обнаружения все усилия направляются на их исправление и восстановление справедливости [8, с. 22]. По этой же причине наличие судебной ошибки не противоречит презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда: верность выводов судопроизводства предполагается до тех пор, пока в них не будет обнаружена ошибка. До момента её выявления все действия должны совершаться так, будто истина была достигнута в полной мере. В этой части учение редко находит противников в современной правовой науке. Большинство ученых придерживается аналогичного мнения: судебные ошибки, в случае их обнаружения, должны устраняться, а также необходимо прикладывать все возможные усилия для их минимизации. Данное положение поддерживается учеными независимо от того, разделяют они идею о материальной истине как цели уголовного судопроизводства или нет [11, с. 69].

Подводя итог, мы можем сказать, что исследования М. С. Строговича, посвященные истине в уголовном судопроизводстве, являются одними из самых ярких памятников советской правовой науки. Несмотря на то, что вокруг некоторых категорий продолжают оставаться оживленные споры, всегда будут оставаться материи, наиболее подробно разработанные М. С. Строговичем, с которыми большая часть представителей науки права будет соглашаться, лишь приумножая его наследие. Труды ученого не теряют своей актуальности многие десятилетия, а его имя постоянно на устах и в работах молодых правоведов именно благодаря фундаментальному характеру, основополагающей роли его идей как для советского, так и российского уголовного процесса.

Библиографический список

1. *Ветрова Г. Н.* «Опередивший время» – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118–137.
2. *Джумаева Р. Х.* Истина как главная цель уголовного судопроизводства России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 112–114.
3. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М. С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 76–82.
4. *Кириллова Н. П.* Учение М. С. Строговича о материальной истине и современные проблемы уголовного процесса // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конф. 24–25 октября 2019 г. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 296–300.
5. *Кузьмина О. В.* Истина как цель доказывания в состязательном уголовном процессе // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конф. 24–25 октября 2019 г. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 316–323.
6. *Лазарева В. А.* Объективна ли «объективная истина?» // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2012. № 4 (5). С. 171–176.
7. *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР. 1955. 383 с.

8. *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: 2-я тип. изд-ва АН СССР. 1947. 276 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 1960 г. № 40. ст. 592. СЗ РФ. 2001. № 53. Ст. 5028.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921; СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5341.
11. *Якимович Ю. К.* О возможности достижения объективной истины в современном уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 69–74.

Сведения об авторе / Information about the author

Скотникова Марина Михайловна – студентка 3 курса бакалавриата юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marinaskotnikova2012@gmail.com

Skotnikova Marina Mikhailovna – 3rd year student of Law Faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, marinaskotnikova2012@gmail.com

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса О. В. Кузьмина (ИвГУ).

ОТНОШЕНИЕ УЧЁНЫХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ К ПРИНЦИПУ ГЛАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды советских и постсоветских ученых на принцип гласности и его реализацию в уголовном судопроизводстве. Среди представителей советской науки были изучены точки зрения Н. В. Крыленко, А. Я. Вышинского, М. А. Чельцова, М. С. Строговича. Кроме того, ознакомившись с взглядами современных правоведов, можно заметить, что тема не утратила своей актуальности, и проблемы, возникающие при реализации указанного принципа в сфере уголовного судопроизводства, вызывают большой интерес у научного сообщества. В процессе изучения материалов выявлено различное отношение ученых к гласности и к ограничениям, созданным для защиты интересов не только государства, но и каждого отдельно взятого человека. В завершении статьи подводятся итоги исследованию, в котором предпринята попытка показать возрастающий интерес к данной теме.

Ключевые слова: принцип гласности, уголовное судопроизводство, взгляды советских и постсоветских ученых.

O. D. Denisov

ATTITUDE OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD SCIENTISTS TO THE PRINCIPLE OF PUBLICITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. This article examines the views of Soviet and post-Soviet scientists on the principle of publicity and its implementation in criminal proceedings. Among the representatives of Soviet science, the points of view of N. V. Krylenko, A. Ya. Vyshinsky, M. A. Cheltsov, M. S. Strogovich were studied. In addition, having familiarized with the views of modern representatives of science, it can be noted that the topic has not lost its relevance, and the problems arising in the implementation of this principle in the field of criminal proceedings are of great interest to the scientific community. In the process of studying the materials, different attitudes of scientists to publicity and to restrictions created to protect the interests of not only the state, but also each individual person were revealed. At the end of the article, the research is summarized, in which an attempt is made to show an increasing interest in this topic.

Key words: the principle of publicity, criminal proceedings, views of Soviet and post-Soviet scientists.

Одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства является гласность, регулирующая вопросы доступности судебных процессов для сторонних наблюдателей. Само это положение не только является весьма спорным в реализации, т. к. не всё может быть выставлено на обозрение обществу, особенно в рамках уголовного судопроизводства, но и до сих пор находится в процессе развития и совершенствования.

Ученые в советское и постсоветское время высказывали разные мнения в отношении реализации принципа гласности судопроизводства.

Обратимся к труду народного комиссара юстиции СССР в 30-х гг. прошлого века Николая Васильевича Крыленко «Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судопроизводства, судопроизводства и материального уголовного права СССР», где он подробно рассматривал принципы уголовного судопроизводства, среди которых был и принцип публичности (гласности). Учёный называл его «одним из столпов буржуазной науки уголовного процесса» и неоднократно утверждал, что данное положение является гарантией «правосудия» [6, с. 76]. Однако Николай Васильевич связывал действенность гласности с политической обстановкой внутри государства и отмечал, что при обострении противоречий в условиях классовой борьбы судебный приговор может восприниматься широкой общественностью как несправедливый [6, с. 77]. Ученый писал о том, что обстановка в тот период как раз располагала именно к такому восприятию, однако несмотря на подобную угрозу, советское право всё равно ввело принцип публичности, рассчитывая, что большая часть трудящихся всегда будет поддерживать суд [6, с. 77].

Помимо этого Н. В. Крыленко подчеркивал, что законодатель не абсолютизировал указанное положение и, исходя из того, что классовая борьба является основой общественной жизни, допускал проведение негласного судебного процесса при условии публичного провозглашения приговора. Однако, при этом неизбежно указание основания принятия судебного решения, и в таком случае о сохранении какой-либо тайны не может идти и речи. В этом противоречии ученый усматривал существенное несовершенство данной нормы и причиной его называл желание некоторых авторов рассматриваемого им УПК РСФСР протащить в него «либеральные тенденции» [6, с. 78]. Кроме того, Николай Васильевич отмечал интересный факт: положения данного принципа не вяжутся с негласной формой суда ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление), при котором весь процесс остается негласным, и только приговор подвергается опубликованию [6, с. 78].

Таким образом, ученый подчеркивал многочисленные противоречия, возникавшие при формировании принципа гласности уголовного судопроизводства в молодом советском государстве, когда его полное соблюдение было не всегда возможным.

Не менее критично в своей работе Н. В. Крыленко также рассматривал соблюдение этого постулата на досудебной стадии уголовного судопроизводства – в ходе предварительного расследования. В своих рассуждениях он приходил к выводу, что принцип гласности мешает государству бороться с преступностью и способствует уклонению обвиняемых от преследования [5, с. 114].

Ученый того же времени, профессор Андрей Януарьевич Вышинский, давал более положительную оценку анализируемому принципу и характеризовал его в рамках двух основных аспектов: публичности судебных заседаний и выполнения всех процессуальных действий перед лицом обвиняемого и сторон [1, с. 144]. Он был уверен в неоспоримости и безусловной важности гласности для судопроизводства, поэтому не считал нужным подробно останавливаться на нём в «Курсе уголовного процесса». При этом

А. Я. Вышинский, как и Н. В. Крыленко, отмечал, что предварительное следствие не допускает применения принципа гласности. [1, с. 144].

При рассмотрении более позднего периода следует уделить внимание позиции профессора Михаила Александровича Чельцова. Ученый был уверен, что значение принципа гласности переоценить невозможно, и подкреплял свои слова, ссылаясь на В. И. Ленина, который указывал на то, что он усиливает карательное и воспитательное значение приговора [9, с. 174].

Кроме того, он разделял точку зрения А. Я. Вышинского, представленную выше и ссылаясь на статью последнего, опубликованную в журнале «Социалистическая законность» в 1937 г. В ней профессор выделял положение о том, что гласность учит граждан бдительности, и они начинают тщательнее запоминать обстоятельства своего быта, чтобы при возможности вспомнить какие-либо важные для следствия детали [9, с. 174–175].

В 60-е гг. советский правовед Михаил Соломонович Строгович подробно раскрывал тему принципа гласности в уголовном судопроизводстве в «Курсе советского уголовного процесса». Профессор указывал на его «двойное значение». Оно выражалось в оказании воспитательного воздействия на граждан и укреплении связи между судом и народом благодаря общественному контролю. Он отмечал, что именно широкая гласность обеспечивает надлежащее исполнение судом своих воспитательных функций [8, с. 142].

М. С. Строгович также ссылаясь на труды В. И. Ленина и М. И. Калинина и указывал, что эти политические деятели признавали безусловную важность данного принципа для уголовного судопроизводства [8, с. 143].

Помимо того, ученый подробно раскрывал тезис об обеспечении общественного контроля над деятельностью суда. Для доказательства своей позиции он проводил связь между выборностью судей, их подотчетностью избирателям и публичностью судебных заседаний. По мнению М. С. Строговича, судьи могли выполнять свои функции только в случае, если общественность им доверяет, а чтобы дать возможность народу верить судейской власти, избранной им, должна быть обеспечена возможность наблюдения за её деятельностью. И именно открытые судебные разбирательства могут обеспечить такую возможность [8, с. 143].

Михаил Соломонович не исключал и того, что наблюдатели, получившие неверные или неточные сведения относительно обстоятельств дела рассматриваемого в суде, могут начать оказывать давление на судей, которые в свою очередь вынесут решение, в правильности которого будут сами сомневаться. Однако решение и этой проблемы М. С. Строгович видел в реализации принципа гласности судебного производства. «Именно гласность судебного разбирательства, проведенного четко, ясно, глубоко, – вернейшее средство рассеять неправильные представления о деле и привести граждан к правильным выводам» [8, с. 144].

Интересно то, что профессор был обеспокоен ограничениями гласности в уголовном судопроизводстве, и настаивал на их наиболее узком толковании. М. С. Строгович в свою очередь приводил варианты осуществления уголовного процесса с наибольшей открытостью. Так он предлагал проводить в закрытом режиме только ту часть заседания, которая непосредственно связана с какой-либо важной для государства тайной, в то время как остальная его часть останется открытой [8, с. 145].

Таким образом, можно заметить, что на более поздних этапах развития уголовного судопроизводства СССР ученые проявляли большую обеспоко-

енность в отношении ограничений при реализации принципа гласности в уголовном процессе, нежели в более ранний период.

Современные ученые правоведы аналогично своим предшественникам отмечают неоспоримую важность гласности для уголовного судопроизводства. Так, Сергей Викторович Потапенко в статье «Гласность как общее условие судебного разбирательства и как конституционный принцип в уголовном судопроизводстве» называет данный принцип важнейшим условием справедливого правосудия [7, с. 103]. Кроме того, ученый отмечает, что гласность является одной из самых существенных гарантий соблюдения прав подсудимого в уголовном процессе [7, с. 104].

В своей работе профессор затрагивает вопросы, касающиеся самого принципа и его реализации в современных условиях. Так одной из проблем, по его мнению, является отсутствие рассматриваемого постулата в Гл. 2 УПК РФ, посвященной непосредственно системе принципов уголовного судопроизводства, и отнесение его законом к общим условиям судебного разбирательства путем закрепления в ст. 241 УПК РФ. Ученый не поддерживает такое решение законодателя, соглашаясь с суждениями, высказанными в юридической литературе о его необоснованности. С. В. Потапенко считает, что данный принцип как закон прямого действия в полной мере распространяется на всё уголовное судопроизводство. Тем более что гласности принадлежит определяющая роль в формировании доверия граждан к судебной власти и судейскому корпусу. В завершении рассуждения на эту тему он говорит о том, что данное положение должно рассматриваться не только как общее условие этой стадии уголовного процесса, но и как конституционный принцип правосудия [7, с. 104]. Также ученый отмечает, что закрытое судебное заседание должно проводиться только в том случае, если суд сможет обосновать факт нарушения интересов правосудия при соблюдении гласности.

Кроме того, Сергей Викторович, ссылаясь на мнение К. Ф. Гуценко, отмечает, что гласность в уголовном судопроизводстве дает возможность гражданам, не являющимся участниками процесса, присутствовать в открытом судебном заседании и таким образом осуществлять контроль за правосудием [7, с. 105].

Ещё один вопрос, затронутый ученым: применение современных технологий при реализации этого принципа в уголовном судопроизводстве. При рассуждении на эту тему С. В. Потапенко затронул, кроме того, проблемы реализации гласности в условиях пандемии COVID-19. При рассмотрении данной проблемы профессор отмечает, что именно в таких тяжелых условиях ограничения вызвали ускорение повсеместного внедрения в правосудие современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих гласность в уголовном судопроизводстве [7, с. 106].

Размышления С. В. Потапенко затрагивают разные аспекты, касающиеся принципа гласности в уголовном судопроизводстве, однако можно точно сказать, что ученый уверен в важности такого принципа для правосудия, считая, что именно он способствует прозрачности уголовного процесса и формированию доверия со стороны граждан [7, с. 105].

Анна Александровна Дмитриева также весьма тщательно рассматривает гласность и её реализацию в уголовном судопроизводстве. Она, как и С. В. Потапенко, указывает на её отсутствие среди принципов уголовного судопроизводства, и низведение в ранг общего условия судебного

разбирательства рассматриваемого положения. Также ученый отмечает, что дискуссия о содержании гласности судебного разбирательства как принципа или как общего условия судебной деятельности не утихает [3, с. 97–98].

Другой не менее важной проблемой, затронутой Анной Александровной, является обеспечение безопасности участников судебного процесса. А. А. Дмитриева пишет, что судебная практика на данный момент идёт по пути сохранения разумного баланса гласности и тайности судебного разбирательства по уголовным делам, и считает такой вариант реализации рассматриваемого принципа правильным. Она отмечает, что для обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших в судах оборудуют специализированные комнаты для обеспечения допроса лица без визуального контакта с ним. Кроме того, А. А. Дмитриева упоминает и о тайности предварительного расследования и предлагает дополнить ч. 3 ст. 166 УПК РФ, касающуюся требований к содержанию протокола следственного действия, указанием на обязательность сохранения в тайне сведений, относящихся к процессу обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [3, с. 100].

Таким образом, ученый не оспаривает важность данного принципа для уголовного судопроизводства, но считает, что его полная реализация может подвергнуть реальной опасности участников судебного процесса. Более того, А. А. Дмитриева усматривает в современном процессе развития уголовного судопроизводства тенденцию к соблюдению баланса тайности и гласности, а также предлагает некоторые способы для его совершенствования.

Не менее интересной представляется позиция Ольги Владимировны Добровляниной, которая считает, что в современных условиях реализация рассматриваемого постулата сталкивается с проблемами. Вследствие этого она видит дальнейшую и главную цель развития судебной системы в обеспечении доступа граждан к правосудию и в обеспечении его максимальной открытости и прозрачности.

О. В. Добровлянина упоминает и тот факт, что в современных условиях гласность судопроизводства предполагает не только присутствие слушателей в зале суда, но и осуществление записи процесса различными способами, в том числе с использованием средств фотографирования, кино- и видеосъёмки [4, с. 153]. Она отмечает и то, что реализация принципа таким образом возможна лишь с разрешения председательствующего судьи (п. 5 ст. 241 УПК РФ). В этом ученый усматривает определенного рода противоречие. О. В. Добровлянина считает, что данная норма имела место в то время, когда организация процесса съёмки занимала долгое время и требовала длительного приготовления, что могло привести к нарушению порядка в зале и помешать работе судей. В современных же условиях данный процесс во многом упростился и стал занимать намного меньше времени, однако до сих пор получение разрешения суда на производство съёмки является необходимым [4, с. 153].

Кроме того, О. В. Добровлянина отмечает, что в действующем законодательстве нет указания на то, должен ли судья мотивировать свой отказ в даче разрешения на съёмку или запись и на условия, при которых такое постановление может иметь место. Ученый считает, что при возникновении такой ситуации, когда съёмка или запись заседания создают опасность разглашения важной или конфиденциальной информации, судебное заседание должно производиться в закрытом режиме вне зависимости от мотивов принятого судебного решения [4, с. 154]. С такими выводами сложно согласиться. С одной стороны, действительно, условия отказа в даче разрешения на съёмку или запись нигде законодательно не закреплены. Тем не менее, в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, указано, что

все без исключения определения суда и постановления судьи должны быть мотивированными, что не допускает безмотивных отказов суда в удовлетворении ходатайств о проведении съемки или видеозаписи хода судебного процесса. Аналогичная позиция высказывается в п. 15 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

О. В. Добровлянина уверена, что рассматриваемое положение не может «работать наполовину», и если судебное заседание объявлено открытым и гласным, то все его участники, в том числе, и судьи должны понимать это и не создавать препятствий для осуществления провозглашённых принципов [4, с. 154]. Ведь именно этот постулат дисциплинирует всех участников процесса, повышает ответственность судей и в то же время способствует их защите от необоснованных подозрений в нарушении правил судопроизводства.

Не менее интересной является точка зрения О. П. Грибунова, В. Н. Гапоновой и Е. В. Никифоровой. Ученые считают, что гласность уголовного судопроизводства является важной правовой гарантией открытости, доступности и прозрачности уголовного судопроизводства [2, с. 14]. Они также рассуждают на тему необоснованного исключения гласности из гл. 2 УПК РФ, посвященной принципам уголовного судопроизводства. Указанные представители науки относят себя к числу тех авторов, которые критикуют подобное изменение и считают, что гласность должна занимать место среди базовых положений уголовного судопроизводства, в то время как сейчас законодатель отнёс её к общим условиям судебного разбирательства. Свою позицию они обосновывают тем, что рассматриваемый принцип обладает характерными признаками, такими как идейный характер, системность и руководящее значение [2, с. 14].

Кроме того, ученые считают, что этот принцип обеспечивает обратную связь между судебными органами и общественностью, позволяя сдерживать вынесение несправедливых приговоров [2, с. 14–15]. При этом они также отмечают проблемы в реализации принципа гласности. Так, например, не всегда в зал судебного заседания допускаются представители СМИ и удовлетворяется ходатайство о применении фото- или видеозаписи хода и результатов судебного заседания. Ученые объясняют это тем, что не всегда журналист может быть компетентен в данной отрасли, поэтому есть опасность искажения информации по незнанию. Кроме того, они верно отмечают, что существуют «псевдожурналисты», которые могут намеренно исказить полученные ими сведения в угоду личной выгоды [2, с. 18–19]. Кроме того, ученые, ссылаясь на О. В. Добровлянину, указывают и на то, что не все здания судов достаточно оборудованы для участия в судебных заседаниях СМИ [2, с. 19].

О. П. Грибунов, В. Н. Гапонова и Е. В. Никифорова считают, что реализация принципа гласности судебного разбирательства на данном этапе его развития сталкивается с различными проблемами организационного и технического характера. Таковыми как раз являются неурегулированность отношений между судами и СМИ и недостаточная оснащённость некоторых судов, необходимая для обеспечения эффективной реализации рассматриваемого положения. И сейчас необходимо приложить усилия для решения этих проблем.

Таким образом, можно сделать вывод, что взгляды ученых на принцип гласности в разные периоды развития уголовного судопроизводства в России

различались и постепенно развивались. И многие из них признавали необходимость и важность данного постулата, а на современном этапе ученые ищут пути совершенствования его реализации в судопроизводстве. Они находят проблемы и способы их решения, и при этом признают необходимость ограничений данного принципа, ведь оглашение определённой информации может привести к нанесению вреда государству и участникам самого судебного процесса.

Библиографический список

1. *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. 222 с.
2. *Грибунов О. П., Гапонова В. Н., Никифорова Е. В.* Реализация принципа гласности в современном уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Эконом. и юрид. науки. 2021. № 2. С. 14–21.
3. *Дмитриева А. А.* Ограничение гласности уголовного судопроизводства как условие безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2016. Т. 26. № 5. С. 97–101.
4. *Добровлянина О. В.* Правовое регулирование гласности судебного разбирательства в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 148–154.
5. *Крыленко Н. В.* Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР: в 2 ч. Ч. 1: Основы судостройства. Л.: Госиздат, 1927. 164 с.
6. *Крыленко Н. В.* Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР: в 2 ч. Ч. 2: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.: Госиздат, 1928. 157 с.
7. *Потапенко С. В.* Гласность как общее условие судебного разбирательства и как конституционный принцип в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 103–107.
8. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.
9. *Чельцов М. А.* Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. 624 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Денисов Олег Дмитриевич – студент 2 курса бакалавриата очной формы обучения юридического факультета, направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, Saurondenisov@yandex.ru

Denisov Oleg Dmitrievich – 2nd year undergraduate full-time student of the Faculty of Law, field of study 40.03.01 Jurisprudence, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, Saurondenisov@yandex.ru

Научные руководители: кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса О. В. Кузьмина (ИвГУ); кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека Е. Л. Поцелуев (ИвГУ)

УДК 343.1

П. А. Замазкина

ВЗГЛЯДЫ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ НА ПРОБЛЕМУ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Аннотация. В статье анализируются взгляды советских и российских ученых процессуалистов на дискуссионный вопрос о дифференциации уголовно-процессуальной формы. Также автором рассматривается вопрос о возможности дифференциации уголовно-процессуальной формы в контексте наличия установленного законом множества производств. Проанализированы позиции, сторонников и противников унификации уголовного судопроизводства. Изучен интегральный подход к соотношению единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, суть которого состоит в одновременном существовании упомянутых явлений. На основе этого формируется и обосновывается тезис о допустимости и необходимости существования дифференциации уголовно-процессуальной формы как в сторону упрощения ее элементов, так и усложнения. Автором предпринимается попытка выделения и раскрытия содержания критериев дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация форм, критерии дифференциации.

P. A. Zamazkina

VIEWS OF SOVIET AND RUSSIAN SCIENTISTS ON THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEDURAL FORMS

Abstract. The article analyzes the views of Soviet and Russian procedural scientists on the controversial issue of determining the criminal procedural form. The author also raises the question of the possibility of differentiating the criminal procedural form in the ninth international law established by the law on the spread of proceedings. The positions, views and opponents of the unification of criminal proceedings are analyzed and in addition, an integral approach to the relationship between the unity and differentiation of the criminal procedural form has been studied, the essence of which is the simultaneous existence of these phenomena. On the basis of this principle, the thesis about the admissibility and necessity of differentiation of the criminal procedural form, both in the direction of simplifying its elements and complicating it, is substantiated. The author makes an attempt to highlight and disclose the content of such differentiation of the criminal procedural form.

Key words: criminal procedural form, forms of differentiation, differentiation criteria.

Вопросы уголовно-процессуальной формы всегда остро обсуждались в научном сообществе, поскольку данная категория выступает фундаментальной и универсальной, она неразрывно связана с самим уголовным судопроизводством и раскрывает содержание процессуальной деятельности в целом.

Особое внимание ученых-процессуалистов с XX в. стала привлекать проблема дифференциации уголовно-процессуальной формы.

В советском и российском законодательстве отсутствует дефиниция уголовно-процессуальной формы, а это означает, что данный термин – сугубо доктринальное понятие. В литературе до сих пор не сложилось единство мнений по поводу определения понятия уголовно-процессуальной формы.

На данный момент можно выделить несколько схожих, но при этом разных подходов к проблеме сущности уголовно-процессуальной формы. Классик уголовно-процессуальной науки советского периода М. А. Чельцов рассматривал уголовно-процессуальную форму в качестве установленного законом порядка производства процессуальных действий или же их совокупности [13, с. 51]. Аналогичных взглядов придерживается российский процессуалист С. Б. Россинский. По его мнению, уголовно-процессуальная форма представляет собой порядок производства по уголовному делу, который состоит из делящихся и единовременных процедур, посредством которых реализуются права, обязанности и полномочия участников уголовного судопроизводства [8, с. 65].

К представителям иной точки зрения относится известнейший советский правовед М. С. Строгович, который под уголовно-процессуальной формой понимал совокупность установленных законом условий и требований при соблюдении которых должностные лица и органы власти осуществляют свои функции по рассмотрению и разрешению дела, а граждане реализуют свои права и исполняют обязанности [10, с. 53]. На наш взгляд, данное определение слишком широко. Требования и условия определяют уголовно-процессуальную форму, но не входят в ее содержание.

Неординарный подход к дефиниции процессуальной формы высказывал советский профессор Р. Д. Рахунов. Ее он рассматривал в качестве совокупности элементов, которыми выступали урегулированный уголовно-процессуальным правом порядок производства, принципы и система уголовно-процессуальной деятельности, реализуемая в целях обеспечения назначения уголовного судопроизводства [7, с. 84]. В данном определении одним из содержательных аспектов выступают принципы уголовного судопроизводства. В научных кругах данный тезис небезосновательно подвергается критике. Например, И. М. Алексеев выражает свое несогласие с такой позицией ввиду того, что принципы процесса обеспечивают единство уголовно-процессуального права и являются внешними границами по отношению к процессуальной форме, они обуславливают её содержание, изменяясь, принципы и задачи меняют и процессуальную форму своей реализации [2, с. 68]. Действительно, принципы уголовного судопроизводства формируют и образуют процессуальную деятельность, но она носит правоприменительный характер, а также конкретна для каждого дела, поэтому ее нельзя отождествлять с уголовно-процессуальным правом и принципами, нормы которого абстрактны и рассчитаны на многократное применение.

Таким образом, исходя из анализа множества понятий, на наш взгляд, уголовно-процессуальную форму необходимо рассматривать в качестве установленного законодателем порядка, определяющего процессуальную деятельность участников уголовно-процессуальных отношений, возникающих, как при производстве по делу в целом, в стадии, так и в отдельном действии.

Кроме того, среди ученых нет единого подхода к общепринятому понятию дифференциации уголовного судопроизводства. Так, Т. В. Трубникова понимает дифференциацию в широком смысле и определяет ее как наличие в

уголовном производстве ряда обособленных производств, приспособленных для различных потребностей [11, с. 7]. А. И. Ляхова и М. А. Стадченко придерживаются точки зрения о том, что дифференциация уголовно-процессуальной формы – это отхождение от общего порядка судебного разбирательства, которое возможно при наличии отличающихся от единого порядка производств [5, с. 5]. Исходя из анализа данных подходов, можно сделать вывод о том, что общей характерной чертой дифференциации выступает присутствие в уголовном процессе самостоятельных, отличных от общего порядка, производств. Следовательно, дифференциация уголовного процесса представляет собой наличие множества отдельных, различающихся между собой по определенным критериям процедур расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела.

В основе любой дифференциации лежит разделение по определенным признакам. Ученые-процессуалисты предлагают различные критерии. Например, И. С. Смирнова разделяет критерии на материальные и процессуальные, при этом к материальным относятся такие основания, как степень общественной опасности совершенного деяния и обвиняемого или группы обвиняемых, а к процессуальным – сложность расследования и рассмотрения дела (то есть трудоемкость доказательственной деятельности субъектов доказывания, обусловленная многоэпизодными преступлениями и иные объективные трудности), общественная значимость уголовных дел различных категорий по причине взаимосвязи преступлений, особые интересы участников процесса, наличие особых субъективных свойств у обвиняемого и (или) потерпевшего [9, с. 65]. Ю. К. Якимович считает главным критерием различия уголовных производств их направленность, поскольку существуют производства, в которых не решается вопрос о виновности лица (производство по судебному контролю), или которые не связаны с рассмотрением уголовного дела (производства по условно-досрочному освобождению и другие) [14, с. 124]. Подобное разнообразие критериев выделения производств, на наш взгляд, подчеркивает многообразие уголовно-процессуальных форм. Предложенные различными авторами основания взаимно дополняют друг друга. Исходя из анализа точек зрения, можно сделать вывод о том, что основными критериями дифференциации являются:

1. Общественная опасность совершенного преступления. Это обуславливается тем, что тяжесть деяния прямо влияет на вид и размер назначаемого виновному лицу наказания, а также на возможность освобождения от его отбывания. Поэтому необходимо исходить из того, что чем тяжелее преступление, тем сложнее должна быть уголовно-процессуальная форма. Именно при таком порядке будет гарантироваться реализация прав обвиняемого, а также минимизирован риск осуждения невиновного.

2. Сложность установления фактических обстоятельств по делу (очевидность или неочевидность деяния). Именно этот критерий был положен в основу выделения двух форм предварительного расследования – следствия и дознания. При этом законодатель, исходя из очевидности или неочевидности преступления, также выделил кроме обычного дознания, сокращенное, которое применяется в случае очевидной причастности подозреваемого лица к совершению преступления.

3. Статус лица, совершившего преступление. Содержанием данного критерия выступают субъективные признаки обвиняемого, к ним относятся

возраст, особый правовой статус или положение, занимаемое в обществе, психическое состояние здоровья.

Вопрос дифференциации и унификации уголовного судопроизводства остается дискуссионным. Так, ярким сторонником унификации уголовного процесса выступал М. С. Строгович. Он считал, что только единство уголовного процесса во всех судебных инстанциях означает одинаковый объем и характер процессуальных прав участников, при этом положение обвиняемого не ухудшается и не улучшается в зависимости от суда, в котором рассматривается дело [10, с. 61]. Унификация представляет собой такое строение уголовного процесса, при котором главным его компонентом выступают стадии, а не отдельные виды производств, то есть уголовно-процессуальная форма представляет собой единое производство с наличием обязательных стадий для каждого дела, которых достаточно для его разрешения по существу независимо от статуса обвиняемого, совершенного преступления и других факторов. На данный момент большинство ученых придерживается идеи допустимости дифференциации уголовно-процессуальной формы. А. В. Победкин является сторонником идеи унификации уголовного судопроизводства, но при этом допускает частичную дифференциацию и указывает на несостоятельность идеи существования упрощенных производств, поскольку при таком изменении уголовно-процессуальной формы происходит изъятие гарантий прав и интересов личности или гарантий установления истины, что недопустимо [6, с. 124]. При этом автор допускает существование усложненных производств, которые подразумевают ряд дополнительных гарантий для лиц, участвующих в процессе.

В современном мире большая часть процессуалистов склоняется к идее допустимости и необходимости дифференциации уголовного процесса как в сторону упрощения, так и усложнения. По мнению С. С. Цыганенко, множество производств обеспечивает единую по процессуально-правовым категориям, но, в то же время, разнообразную по методам и средствам, структуру уголовного процесса, конечной целью которой выступает защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства в соответствии с характером и тяжестью мер уголовной ответственности [12, с. 173]. Е. Н. Клещина указывает на то, что дифференциация необходима, поскольку при ней учитываются интересы и особенности как судопроизводства в целом, так и конкретного уголовного дела, поэтому уголовный процесс становится более эффективным [4, с. 88]. Действительно, дифференциация обуславливается наличием множества причин, к которым относятся особая категория дел, личность обвиняемого и др. Необходимость в упрощении и ускорении уголовного производства связана с наличием объективных обстоятельств, например, таких, как согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, сотрудничество со следствием и т. д. Это способствует не только уменьшению затрат на производство по уголовному делу, а также снижению физической и психологической нагрузки на участников процесса, поскольку потерпевшие, свидетели и другие лица обязаны являться в суд, участвовать в следственных действиях и соответственно тратить свое время на это. Кроме того, при применении упрощенных производств осуществляется более быстрое восстановление нарушенных прав потерпевших, поскольку некоторые производства подразумевают отсутствие спора относительно содержания обвинения. Дифференциация уголовно-процессуальной формы подразумевает под собой не только ее упрощение, но и усложнение. Усложнение уголовно-процессуальной формы связывается с особым статусом лиц, в отношении которых осуществляется

производство. Оно проявляется в присутствии дополнительных гарантий и прав, которые реализуются через призму принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Стоит отметить, что сторонники дифференциации не исключают при этом присутствие унификации. Д. П. Великий придерживается интегрального подхода к исследуемой проблематике и считает, что дифференциация существует в рамках единого уголовно-процессуального законодательства и производства, в целях разрешения единых задач разными методами [3, с. 9]. И. М. Алексеев, признавая правоту как сторонников, так и противников дифференциации, особо отмечает, что единство процессуальной формы невозможно без ее дифференциации, поскольку господство одного из них «парализует» уголовный процесс и делает его неэффективным [1, с. 30]. Данная позиция представляется верной, т. к. уголовный процесс осуществляется на единых началах, регулируется одним законодательством, а главная задача любого производства – объективно установить фактические обстоятельства по делу и восстановить нарушенные права.

Таким образом, уголовно-процессуальная форма представляет собой процессуальную деятельность, которая осуществляется на основе единого законодательства и принципов для разрешения единых задач, но при этом в ее структуре возможно существование отличающихся друг от друга производств. В современных реалиях, как полагает множество процессуалистов, дифференциация уголовно-процессуальной формы неизбежна, поскольку именно она помогает достичь задач судопроизводства оптимальным способом.

Библиографический список

1. Алексеев И. М. К вопросу о единстве уголовно-процессуальной формы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4. С. 28–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23064562> (дата обращения: 26.09.2023).
2. Алексеев И. М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала СПбГУ. 2014. № 1. С. 67–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21356485> (дата обращения: 26.09.2023).
3. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 36 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_bibl_425141?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 26.09.2023).
4. Клещина Е. Н. О некоторых вопросах развития уголовно-процессуальной формы // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 87–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35258117> (дата обращения: 26.09.2023).
5. Ляхова А. И., Стадченко М. А. Дифференциация форм уголовного судопроизводства как принцип уголовного процесса // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 12. С. 1–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42897187> (дата обращения: 26.09.2023).
6. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 248 с.
7. Рахунов Р. Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. № 29. С. 83–91.
8. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 67–79.

9. *Смирнова И. С.* Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 1 (26). С. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23076718> (дата обращения: 26.09.2023).
10. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 468 с. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf (дата обращения: 26.09.2023).
11. *Трубникова Т. В.* Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1997. 264 с.
12. *Цыганенко С. С.* Актуальные вопросы процессуального развития форм в уголовном судопроизводстве // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики) 2015. № 4. С. 170–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-protsessualnogo-razvitiya-form-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 26.09.2023).
13. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1962. 503 с.
14. *Якимович Ю. К.* Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 123–129.

Сведения об авторе / Information about the author

Замазкина Полина Антоновна – студентка 2 курса магистратуры ОП «Юрист в сфере правоприменения и правотворчества», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, polina2208001@mail.ru

Zamazkina Polina Antonovna – 2nd year master's student of the EP "Lawyer in the field of law enforcement and law-making" of Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, polina2208001@mail.ru

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса О. В. Кузьмина (ИвГУ).

УДК 343.13

А. И. Морокина

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития взглядов отечественных ученых на презумпции уголовно-процессуального права в советский и постсоветский периоды: исследуются понятие уголовно-процессуальных презумпций, их характерные свойства, традиционные и авторские классификационные основания и виды изучаемой дефиниции.

Как самостоятельный элемент юридической техники презумпция не была новеллой для советского уголовного процесса. Наряду с наиболее известной презумпцией невиновности, советские ученые-теоретики выделяли и иные виды уголовно-процессуальных презумпций, среди которых подробно исследовалась презумпция истинности вступившего в законную силу приговора суда. Совершенствование законодательства, трансформация уголовного процесса неизбежно привели к росту научного интереса исследуемого элемента юридической техники и, как следствие, к появлению новых видов уголовно-процессуальных презумпций, неизвестных советской юридической науке.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные презумпции, юридическая техника, презумпция невиновности, уголовный процесс.

А. И. Морокина

EVOLUTION OF VIEWS OF DOMESTIC SCIENTISTS ON CRIMINAL PROCEDURAL PRESUMPTIONS IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Abstract. The article deals with the issue of development of views of domestic scientists on presumptions of criminal procedural law in the Soviet and post-Soviet periods: the concept of criminal procedural presumptions, their characteristic properties, traditional and author's classification grounds and types of the studied definition are investigated.

As an independent element of legal technique presumption was not a novelty for the Soviet criminal procedure. Along with the most famous presumption of innocence, Soviet theoretical scientists also distinguished other types of criminal procedural presumptions, among which the presumption of the truth of the court verdict that has entered into legal force was studied in detail. Improvement of legislation, transformation of criminal procedure inevitably led to the growth of scientific interest in the investigated element of legal technique and, as a consequence, to the emergence of new types of criminal procedural presumptions, unknown to Soviet legal science.

Key words: criminal procedural presumptions, legal technique, presumption of innocence, criminal procedure.

Презумпции в науке уголовно-процессуального права исследовались отечественными учеными в разные периоды существования российского государства.

В советский период признавались и преимущественно исследовались презумпция невиновности и презумпция истинности приговора, вступившего в законную силу. Наиболее сложным периодом, характеризующимся неоднозначным отношением к уголовно-процессуальным презумпциям, в частности к презумпции невиновности, были первые десятилетия советской власти, когда этот элемент юридической техники не был закреплен в законе в связи с тем, что презумпции, по мнению законодателей и правоприменителей того времени, являлись наследием «царской» России. Действительно, становление презумпций как юридического самостоятельного института происходило в дореволюционной России, однако дальнейшее его развитие поставила под вопрос произошедшая Октябрьская революция. Советская власть не признавала «буржуазный» уголовный процесс как классово вражеский и поэтому ликвидировала практически все те элементы, которые сопутствовали уголовному процессу до революции, в том числе включая и презумпцию невиновности.

В современных публикациях нередко встречаются односторонние оценки данного периода, однако не все учёные отрицают практическое применение презумпции невиновности, во всяком случае, некоторых её традиционных элементов, в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 15 февраля 1923 г. К числу таковых следует отнести работу «Уголовный процесс РСФСР», вышедшую в 1927 г. под редакцией А. Я. Эстрина. В данном научном труде, хоть и не раскрывается определение уголовно-процессуальной презумпции, но дается однозначная положительная оценка применения презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве: «Современный процесс исходит из презумпции невиновности подсудимого: до тех пор, пока невиновность подсудимого в предъявленном ему обвинении не будет установлена приговором подлежащего суда, – подсудимый предполагается невиновным» [1, с. 98]. Таким образом, роль презумпции невиновности состоит в распределении бремени доказывания только на представителя обвинения.

К числу исследователей уголовно-правовых презумпций в советский период, следует отнести выдающегося ученого того времени – М. С. Строговича. Его фундаментальные труды были посвящены презумпции невиновности. Презумпция невиновности в научной мысли ученого представляла собой объективное правовое положение, выраженное в законе [15, с. 66–67]. Она тесно связана с правом обвиняемого на защиту, которое выступает отражением всей совокупности принадлежащих обвиняемому процессуальных прав. Еще в 1947 г. М. С. Строгович формулировал презумпцию невиновности как предположение невиновности лица, пока его виновность не будет доказана [13, с. 231, 235].

Рассматривая роль презумпции невиновности в процессе доказывания, М. С. Строгович сделал два принципиальных вывода: «1) если обвиняемый, не признающий своей вины, не представил доказательств своей невиновности полностью, без малейших изъятий, сохраняется требование закона, чтобы суд, прокурор, следователь, орган дознания сами собрали и исследовали все доказательства, свидетельствующие в пользу невиновности обвиняемого; 2) непредставление обвиняемым доказательств своей невиновности не является доказательством его виновности» [16, с. 48]. В юридической литературе, кроме того, неоднократно ставился и исследовался проблемный вопрос о действии презумпции невиновности в связи с прекращением уголовного дела по нереа-

билизирующим основаниям. Ученый категорически отрицал возможность признания обвиняемого виновным на стадии предварительного следствия путем констатации данного факта в постановлении о прекращении дела, но существовали и иные подходы к рассматриваемому вопросу [16, с.70–73].

Удивительно, но мы можем наблюдать своеобразную эволюцию взглядов на презумпцию невиновности на примере самого М. С. Строговича: ученый, первоначально называя презумпцию невиновности среди принципов процесса, в дальнейшем исключил ее из числа принципов, рассматривая ее как правовое положение, относящееся к доказыванию. В своих последующих работах М. С. Строгович все также признавал презумпцию невиновности принципом процесса, но не как самостоятельный институт, а только в сочетании с принципом обеспечения обвиняемому права на защиту.

В. И. Каминская определяла правовую презумпцию в качестве прямо или косвенно выраженного в правовой норме положения, признающего то или иное отношение обычным и не требующим ввиду этого доказывания [11, с. 3]. Наибольшее внимание она уделила презумпции истинности судебного приговора, указывая, что данная презумпция необходима для обеспечения нормальной организации и функционирования правосудия. Презумпция истинности приговора или решения суда реализуется в законе в форме положения *non bis in idem*, а также в некоторых других, главенствующее место среди которых занимают преюдиции. Также, по мнению В. И. Каминской, будучи выраженной в праве, данная презумпция приводит к определенному правовому результату: если установленные судебным приговором обстоятельства имеют значение для разрешения какого-либо другого судебного дела, то они уже не будут подлежать доказыванию, и будут приняты за истину. Таким образом, выявляется всеобъемлющая связь презумпции истинности вступившего в законную силу приговора или иного решения суда и межотраслевой преюдиции, которая дает возможность стороне обвинения и суду не доказывать ранее установленные факты [4, с. 115]. В содержание понятия «законная сила приговора» входят определенные качества, которыми наделяются судебные акты вследствие особого положения судов в системе государственных органов.

В период 1940–1960-х гг. отношение к уголовно-процессуальным презумпциям было преимущественно отрицательным. Обосновывается это тем, что, в период Великой Отечественной Войны уголовно-процессуальному законодательству пришлось адаптироваться под условия военного времени: функции по рассмотрению дел были переданы военным трибуналам, действовал упрощенный порядок судопроизводства, и, ввиду нехватки времени, ряд процессуальных действий с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и, в том числе презумпции невиновности, просто не производился. В период 1950-х гг., несмотря на то, что война уже закончилась, ее отголоски все еще находили свое отражение в действующем законодательстве и научной мысли, что также проявлялось в виде негативных воззрений на презумпцию невиновности.

Существовали и иные причины подобного отношения к рассматриваемому элементу юридической техники, так, В. С. Тадевосян аргументировал свое полное отрицание презумпции невиновности в связи с ее буржуазной природой, которая неприемлема для советского уголовного процесса [17, с. 71].

Другие ученые, в частности М. А. Чельцов, данную дефиницию и сам институт презумпции невиновности считал не только и не столько уголовно-процессуальными, а скорее общеправовыми понятием и категорией. Как представляется, данный вывод не теряет актуальности и в современной науке уголовного процесса, так как предложенная трактовка действия презумпции невиновности позволяет хотя бы теоретически нейтрализовать те противоречия, которые возникают при ее реализации в уголовном досудебном производстве. В практической правоприменительной деятельности: для следователя, дознавателя и прокурора они вряд ли имеют существенное и принципиальное значение [19, с. 181].

В последующие десятилетия послевоенного времени, особенно в период диссидентского движения, учение об уголовно-процессуальных презумпциях также подвергается негативной оценке. Считается, что такое отношение в научном дискурсе обосновывается, по мнению ряда ученых, прежде всего наличием в данных презумпциях элементов либерализма, составляющих в те годы одну из форм «антисоветчины» и, как следствие, не принимаемых государством.

В 1968 г. М. С. Строгович высказывался за необходимость применения принципа презумпции невиновности в уголовном процессе. Ученый писал в своем научном труде, что на данный момент есть все основания, достаточные для того, чтобы включить в действующее уголовно-процессуальное законодательство формулу презумпции невиновности в виде отдельной правовой нормы [14, с. 351]. Однако такие мысли ученого получили достаточно жесткую реакцию. По данному вопросу В. М. Савицкий отмечал, что подобная «крамольная мысль» о презумпции невиновности, описанная в книге М. С. Строговича под названием «Курс советского уголовного процесса» (т. I), вызвала незамедлительную реакцию ответственного работника аппарата ЦК КПСС, который поручил «арестовать» весь тираж книги на складе типографии и вручную вырвать из каждого экземпляра страницу с этими ужасными словами, а после – вклеить новую, но уже без них [12, с. 6]. Однако несмотря на подобные оценки, считается, что именно по предложению М. С. Строговича принцип презумпции невиновности получил в 1977 г. свое законодательное закрепление.

Однако существовали и положительные взгляды на уголовно-процессуальные презумпции. Таковыми можно назвать рассуждения Н. Н. Полянского, который приравнивал вступивший в законную силу приговор суда к закону по конкретному делу. Государству необходимо принимать меры к ликвидации условий, которые создают для оправданных судом или отбывших наказание лиц возможность быть повторно (вторично) привлеченными к ответственности за одно и то же преступление [10, с. 211].

Исследователи уголовно-процессуальных презумпций в 1970–1980 гг., изучая презумпцию невиновности, отмечали, что в данный период, «в советском уголовном процессе принцип презумпции невиновности имел неполное, или частичное, по сравнению с цивилизованным миром, закрепление, т. е. речь шла о том, что «никто не может считаться виновным, если и т. д.», а не о том, что «каждый считается невиновным, если» и т. д. Полагаем, что такой подход был обусловлен в большей степени политическими причинами, поскольку государство не хотело, чтобы граждане имели такое мощное и действенное средство для своей защиты в уголовном процессе.

Анализируя презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора суда в данный период, можно справедливо отметить наличие более

единообразных точек зрения и подходов ученых к изучению данного элемента юридической техники. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на преобладание идеологии над нормами права, в уголовно-процессуальной теории советского периода признавалось существование оспоримой презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу. Это было необходимо для признания статуса судебных актов, повышения эффективности приговоров и судебной деятельности в целом.

В. К. Бабаев, в 1974 г. выделял презумпцию невиновности, которая являлась проявлением общей презумпции добропорядочности советских граждан в сфере уголовно-процессуального права. Данная презумпция «связана не только с законными составами одного рода, не только с определенными правоотношениями, а распространяется на все правоотношения без исключения; превращается в руководящее правило, приобретает характер процессуального принципа». Суть данного определения заключается в том, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, которое обвиняется в совершении преступления, предполагается невиновным до того момента, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда [2, с. 93]. Также ученый выделял презумпцию истинности приговора, вступившего в законную силу, суть которой такова – судебный приговор или решение, вынесенные в установленном законом порядке, предполагаются истинными [2, с. 120].

Можно выделить еще один вид уголовно-процессуальных презумпций данного периода, таковой являлась презумпция правосубъектности. Суть данной презумпции заключается в том, что в уголовном деле в качестве обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика участвуют лица совершеннолетнего возраста. Благодаря такому предположению, эти участники процесса освобождаются от обязанности доказывать свою способность иметь права, нести обязанности и осуществлять их самостоятельно.

Подводя итог анализу восприятия уголовно-процессуальных презумпций в советский период, необходимо отметить неоднозначность, противоречивость и идеологическую зависимость отношения власти и научного сообщества к данному элементу юридической техники.

В работах современных авторов отсутствуют дискуссии относительно законодательно закрепившихся и уже устоявшихся в научной мысли уголовно-процессуальных презумпций в части принятия или непринятия этого правового института. Исследуя презумпцию невиновности, современные ученые считают, что так же, как и любая другая традиционно признаваемая и длительное время используемая в практике презумпция, предполагает невиновность не конкретного подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу, а вообще, невиновность человека в принципе, равно как и тот факт, что совершение преступления не должно быть нормой поведения человека в обществе.

Э. И. Клячко в качестве содержания презумпции невиновности определяет «процессуальное ограничение правоприменителя», а ее этические аспекты, по мнению ученого, должны носить подчиненный характер. При этом автор отмечал, что «прежде чем налагать какое-либо взыскание за правонарушение, надо доказать, что оно совершено именно этим лицом». В презумпции невиновности, по мнению ученого, отражены не только правовые, но еще и нравственные гуманистические принципы [5, с. 97].

В. М. Савицкий относил презумпцию невиновности к особому роду презумпций, которая уже традиционно именуется основанной на истинном

знании предположением. В реальности данная презумпция носит характер утверждения, которое, пока не будет доказано обратное, считается истинным без специального обоснования» [12, с. 26].

З. В. Макарова определяла основой презумпции невиновности предположение о том, что государства (в особенности демократические) исходят из принципа законопослушности и добропорядочности граждан, которые уважают и соблюдают закон, права и свободы других граждан, не совершают противоправных действий, поддерживают режим правопорядка [8, с. 75].

Т. Ю. Вилкова, в свою очередь, признает презумпцию невиновности «элементом общеправового статуса каждого гражданина» [3, с. 63]. Значение этой юридической конструкции заключается в распространении статуса добропорядочности и законопослушности на всех без исключения людей до вступления в законную силу итогового решения о виновности или невиновности в отношении конкретного человека.

Исследования современных ученых, несомненно, затронули и презумпцию истинности приговора, вступившего в законную силу.

Законность и справедливость приговора возможна лишь в случае установления истины по делу. Сущностью данной презумпции является предположение вступившего в законную силу приговора истинным, пока обратное не будет доказано в установленном законом порядке. Основой презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда является факт установления истины в уголовном судопроизводстве. Однако данная презумпция является оспоримой. Существование ошибочных актов правосудия позволяет нам только предполагать их истинность, именно поэтому существуют процедуры обжалования приговоров в надзорных инстанциях, либо возможность возобновления производства при обнаружении новых или вновь открывшихся обстоятельств [9, с. 137–138].

П. А. Лупинская, говоря о презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда, отмечает, что данный приговор имеет преюдициальное значение. Действующая в отношении него презумпция истинности наделяет приговор обязательностью исполнения, поскольку содержащиеся в нем решения имеют исключительное для данного уголовного дела значение и не могут быть заменены никакими другими [18, с. 725].

К числу самостоятельных уголовно-процессуальных презумпций О. В. Левченко относит презумпцию равенства всех видов доказательств. Данный вид презумпции не влияет на сбор и проверку доказательств, но главным образом применяется при их оценке. Данная презумпция включена в процесс доказывания, способна влиять на оценку доказательств и содействовать в установлении истины по уголовному делу [6, с. 192].

Изучая презумпцию правосубъектности, О. В. Левченко выявила следующие особенности. Ст. 244 УПК РФ констатирует факт принятия участия всеми субъектами судопроизводства в стадии судебного разбирательства в уголовно-процессуальном доказывании (представителей стороны защиты и стороны обвинения).

Оценка всех доказательств участниками процесса осуществляется в соответствии со своими процессуальными интересами, как стороной обвинения, так и стороной защиты, что и является проявлением состязательности процесса. Игнорировать мнение других участников, кроме органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, по вопросам доказанности или недоказанности обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, уголовное судопроизводство не может [7, с. 89–90].

Ученая выделяет еще такие презумпции, как презумпцию законного представительства (ст. 45, 48, 55, 426, 428 УПК). Она сменяет презумпцию правосубъектности, в случае, если в процессе доказывания отсутствует презюмируемый законом факт участия совершеннолетнего подсудимого, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика [7, с. 90].

Выделяемая О. В. Левченко презумпция необъективности участников (субъектов) уголовного судопроизводства действует в уголовном процессе на основании предполагаемых законом фактов, влекущих обязательный отвод из процесса определенных его участников. Данная презумпция неопровержима. Действие этой презумпции начинается с момента обнаружения одного из этих фактов и заканчивается отводом (самоотводом) соответствующего участника [7, с. 90].

Таким образом, проанализировав взгляды отечественных ученых советского периода и современности, можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальные презумпции во времена существования СССР характеризуются однообразием видов и неоднозначностью существующих точек зрения и взглядов. Так, к поистине фундаментальным и едва ли не единственно признаваемым в то время презумпциям – презумпции невиновности и презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда, в советский период было противоречивое отношение как со стороны действующей власти, так и со стороны научного сообщества: от полного принятия и констатации этих презумпций, до их категорического отрицания.

Последующая трансформация уголовно-процессуального законодательства, особенно с появлением тенденции на его демократизацию, повлекла положительную динамику развития научной мысли в части видового и функционального разнообразия института презумпций. Учеными был достигнут настоящий прогресс, который выразился в признании ряда уголовно-процессуальных презумпций и закреплении некоторых из них на законодательном уровне. Эволюция научных взглядов нашла свое отражение в исследовании и открытии новых видов уголовно-процессуальных презумпций, которые имеют важное значение не только для уголовного судопроизводства, но и для науки доказательственного права.

Библиографический список

1. *Андреев М.* Уголовный процесс РСФСР / М. Андреев, Г. Бахров, С. Лозинский; ред. А. Я. Эстрин. Л.: Рабочий Суд, 1927. 215 с.
2. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве: учеб. пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. 124 с.
3. *Вилкова Т. Ю.* Презумпция невиновности – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 57–65.
4. *Каминская В. И.* Учение о правовых презумпциях в советском уголовном процессе. М.: Акад. наук СССР. Ин-т права; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 132 с.
5. *Клямко Э. И.* О правовом содержании презумпции невиновности // Государство и право. 1994. № 2. С. 90–97.
6. *Левченко О. В.* Презумпция равенства всех видов доказательств по уголовному делу // Вестник АГТУ. 2007. № 5 (40). С. 190–193.
7. *Левченко О. В.* Особенности уголовно-процессуального доказывания с использованием отдельных презумпций // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С. 88–91.

8. Макарова З. В. Презумпция невиновности: прошлое и настоящее // Уголовная юстиция: связь времен: Избранные материалы междунар. науч. конф. М.: Междунар. ассоц. содействия правосудию, 2012. С. 74–78.
9. Морквин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 243 с.
10. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного судопроизводства. М.: Изд-во МГУ, 1956. 271 с.
11. Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 279 с.
12. Савицкий В. М. Презумпция невиновности. М.: Норма, 1997. 126 с.
13. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 276 с.
14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
15. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. [и с предисл.] В. М. Савицкого. М.: Наука, 1984. 143 с.
16. Строгович М. С. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Теория судебных доказательств. М.: Наука, 1991. 300 с.
17. Тадевосян В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Советское государство и право. 1959. № 6. С. 65–72.
18. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М.: Норма, 2009. 1072 с.
19. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 624 с.

Сведения об авторе / Information about the author

Морокина Алина Ильинична – студентка 2 курса бакалавриата очной формы обучения юридического факультета, направление подготовки: 40.03.01 «Юриспруденция», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, morockina.a@yandex.ru

Morokina Alina Ilyinichna – 2nd year undergraduate full-time student of the Faculty of Law, field of study: 40.03.01 «Jurisprudence», Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, morockina.a@yandex.ru

Научные руководители: кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса О. В. Кузьмина (ИвГУ); кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека Е. Л. Поцелуев (ИвГУ).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Материалы, не отвечающие предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Максимальный размер статьи – 1,0 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами), выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman (основной текст – кегль 11; таблицы, подписи к рисункам, сноски, библиографический список – кегль 10). Формат А4, поля: верхнее – 2,7 см, нижнее – 4,6 см, левое и правое – 4 см.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК**, на *русском и английском языках*: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей – **аннотация** (объемом 10–15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи**.

Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в квадратных скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Фотографии и рисунки, прилагаемые к статье, должны быть контрастными, четкими.

В конце представленных материалов следует указать сведения об авторе на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, звание, должность, место работы, город, страна, электронный адрес).

Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Электронное сетевое издание

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Естественные, общественные науки»
2023. Вып. 3

[12+]

Издается в авторской редакции

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *И. Ю. Савельевой*

Дата размещения на сайте 18.12.2023 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 14,6. Объем 4,6 МБ.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru